

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ

#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR

МЭРИ ХИГГИНС КЛАРК

ВОЗЬМИ
МОЕ СЕРДЦЕ

В своем доме в Нью-Джерси убита звезда Бродвея, знаменитая актриса Натали Райнс. Подозрения сразу падают на ее мужа Грега, однако у обвинения нет доказательств его причастности к преступлению. Наконец, полиции удается арестовать человека, который утверждает, что Грег нанял его для убийства Натали. Вести это дело в суде поручено помощнику прокурора Эмили Уоллес. Она абсолютно уверена в виновности Грега и готова сделать все, чтобы засадить его за решетку. Однако Эмили не знает, что незадолго до смерти Натали встретила человека, которого много лет назад подозревала в убийстве своей близкой подруги, и, потрясенная этой встречей, невольно выдала свои мысли...

- [Мэри Хиггинс Кларк](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)

- [82](#)
  - [83](#)
  - [84](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
-

Мэри Хиггинс Кларк

Возьми мое сердце

Вовсе не северо-восточный ветер, а тягостное предчувствие обреченности заставило Натали в предрассветный час понеделника сбежать с Кейп-Кода обратно в Нью-Джерси. В уютном домике на Кейп-Коде, некогда бабушкином, а теперь ее собственном, она надеялась найти прибежище, но ледяная крупа, стучащая в окна, лишь усиливала мучивший ее страх. А потом, когда из-за аварии электросети дом погрузился во мрак, Натали пролежала ночь без сна, приписывая каждый шорох вторжению злоумышленника.

Дело в том, что она совершенно случайно столкнулась с человеком, пятнадцать лет назад задушившим Джейми, ее соседку по комнате в те времена, когда обе еще были нищими молоденькими актрисами. «И он понял, что я его узнала, — размышляла Натали, — это было видно по его глазам».

В пятницу вечером он с компанией друзей явился в театр «Омега» на закрытие спектакля «Трамвай "Желание"». Натали играла Бланш Дюбуа, на сегодняшний день самую сложную и интересную из своих ролей. В рецензиях ее расхваливали наперебой, но роль потребовала от Натали серьезной эмоциональной отдачи. Вот почему после спектакля, когда в дверь гримерной постучали, Натали не очень хотелось открывать. Однако она впустила гостей, и целая толпа ввалилась к ней с поздравлениями; тогда и вынырнуло из небытия знакомое лицо. Мужчина округлился с возрастом, который приближался к пятидесяти, но, несомненно, это был тот самый человек, чья фотография пропала из кошелька задушенной Джейми. Бедняжка скрывала свою личную жизнь и называла его лаконично — Джесс. Говорила, что это его интимное прозвище.

Натали была по-настоящему потрясена этой встречей и, когда их познакомили, невольно назвала мужчину Джессом. Все вокруг галдели, и никто ничего не заметил. Но он точно услышал...

«С кем теперь поделиться? — думала Натали. — Кто мне поверит? Моему, а не его слову... Ведь осталось лишь смутное воспоминание о фотокарточке, которую Джейми прятала у себя в бумажнике». Натали и увидела-то ее только потому, что одалживала Джейми свою кредитку «Виза», а когда срочно понадобилось ее забрать, Джейми как раз мылась в душе и крикнула, чтобы Натали взяла кредитку в бумажнике. Вот тогда она и наткнулась на снимок, спрятанный в одном из отделений.

Джейми рассказала о Джессе только то, что он тоже пробовался на актерском поприще, однако без особого успеха и сейчас находится в процессе развода. Натали пыталась убедить подругу, что эта история стара как мир, но та и слушать не стала.

Они с Джейми снимали квартиру в Уэст-Сайде, до того самого ужасного дня, когда Джейми задушили во время утренней пробежки в Центральном парке. Ее бумажник валялся на земле, деньги и часы исчезли, как и фотография Джесса. Натали сообщила о снимке копам, но те не восприняли ее слова всерьез. В тот период в парке случилось сразу несколько ограблений, совершенных рано утром, и полицейские не сомневались, что Джейми просто оказалась очередной жертвой нападения хулиганов — единственной со смертельным исходом, как выяснилось...

На пути через Род-Айленд и Коннектикут дождь лил как из ведра, и лишь когда Натали свернула на Палисейдс-паркуэй, ливень постепенно стих. Она ехала все дальше; шоссе постепенно высыхало.

Почувствует ли она себя в безопасности хотя бы дома? Натали не была в этом уверена. Двадцать лет назад ее мать, оставшись вдовой, с облегчением продала свой дом и купила небольшую квартиру возле Линкольн-центра^[1], поскольку ее ранние годы прошли на

Манхэттене. А в прошлом году, после расставания с Грегом, Натали стало известно, что скромный домик ее детства в северном Нью-Джерси снова выставлен на продажу.

— Натали, — говорила ей мать, — ты совершаешь непоправимую ошибку. Это безумие с твоей стороны — даже не пытаться наладить ваш брак. Бегство домой еще никому не помогло. Ты не в силах оживить прошлое.

— Я лицемерила, выходя замуж за Грега, — отвечала Натали. — Ему нужна женщина, способная заменить Кейти мать. А я не могу. В прошлом году я почти половину времени была в разъездах. Ничего хорошего из этого не выходит. Искренне надеюсь, что, когда мы будем жить отдельно, он, наконец, поймет: наш брак окончательно распался.

У Натали не получалось доказать матери простую вещь: ей не удалось стать для Грега такой женой, в какой он нуждался, какую хотел видеть.

— Но ты по-прежнему любишь его, — настаивала мать. — А он — тебя.

— Это вовсе не значит, что мы хорошая пара.

«И вот тут я права», — отметила про себя

Натали, ощущая комок в горле, подступающий всякий раз, как она давала себе слабину и думала о Греге. Ей бы очень хотелось обсудить с ним встречу с Джессом. Но что она скажет? «Грег, как мне быть, если я почти уверена, что знаю человека, убившего мою подругу Джейми, хотя у меня нет доказательств его виновности?»

Нет, к Грегу она обратиться не может: слишком велика вероятность, что он начнет умолять ее начать все заново, и она сдастся...

Натали даже пришлось соврать ему, что у нее на примете есть другой мужчина, однако звонки от Грега не прекратились.

В Клостере, повернув с парковой магистрали на Уолнат-стрит, Натали почувствовала, что ей ужасно хочется кофе. Она долго ехала без остановки, на часах уже было без четверти восемь — в обычные дни к этому времени она успевала выпить не меньше двух чашек.

Большинство прежних построек по Уолнат-стрит были снесены, на их месте выросли роскошные особняки. Натали шутила, что теперь ее участок с обеих сторон обнесен семифутовыми заборами, которые полностью отгораживают от нежелательного соседства. Когда-то дом справа занимала семья Кин, а слева — семья Фоли; сейчас же Натали толком не знала, с кем проживает бок о бок.

Вырулив на подъездную аллею и нажав на пульт, открывающий гаражные ворота, она вдруг с новой силой ощутила всеобъемлющее присутствие неизвестной враждебной силы. Ворота медленно поползли вверх, и Натали иронично покачала головой. Грег был прав: она и в жизни перевоплощается в своих героинь. Еще до потрясения, вызванного встречей с Джессом, она, как и Бланш Дюбуа, уже была на грани нервного истощения.

Натали завела машину в гараж и заглушила мотор, но по непонятной причине не спешила опускать за собой ворота. Вместо этого, оставив водительскую дверцу машины открытой, она распахнула дверь в кухню и переступила порог.

Там чьи-то руки в перчатках сграбастали ее и втащили внутрь, а затем с силой толкнули. Падение и удар затылком о дощатый пол вызвали в голове Натали расходящиеся волны боли, но она успела заметить на нападавшем полиэтиленовый плащ и такие же бахилы поверх обуви.

— Пожалуйста, — прошептала она, — не надо...

Натали загордилась руками, словно защищаясь от пистолетного дула, направленного ей прямо в грудь. Щелчок спущенного курка стал ответом на ее мольбу.

Без десяти восемь Сюзи Уолш, как всегда пунктуальная, свернула с шоссе 9-W и направила машину к дому семидесятипятилетней вдовы Кэтрин Бэнкс, у которой вот уже тридцать лет состояла в домработницах, являясь по будням ровно к восьми и освобождаясь после ланча, в час дня.

Будучи страстной театралкой, Сюзи с восторгом отнеслась к тому обстоятельству, что известная актриса Натали Райнс купила в прошлом году дом по соседству с миссис Бэнкс. Всего две недели назад Сюзи видела актрису в уже сошедшем со сцены спектакле «Трамвай "Желание"» и решила для себя, что лучше Натали никто не сыграл незащищенность героини Бланш Дюбуа, даже Вивьен Ли в киноверсии пьесы. Изящный облик, гибкая фигурка и волна белокурых волос — Натали воистину была живым воплощением Бланш.

Сюзи боготворила Райнс, однако ей пока не довелось лично встретиться с актрисой. Она надеялась, что однажды столкнется с ней где-нибудь в супермаркете, но ей все не везло. А пока, отправляясь утром на работу или возвращаясь после обеда домой, Сюзи непременно проезжала мимо дома Натали, хотя днем ей приходилось огибать для этого целый квартал, прежде чем вырлиться на главную магистраль.

Но в тот понедельник притязания Сюзи на встречу с Натали Райнс почти претворились в жизнь. Проезжая мимо дома актрисы, она увидела, как та выходит из своей машины. Сюзи ахнула; эта секунда причастности к жизни кумира наполнила волшебством весь предстоящий день.

В час дня, прихватив список покупок на завтра, Сюзи весело распрощалась с миссис Бэнкс, села в машину и медленно покатила по подъездной аллее. Сюзи колебалась: существовал всего один шанс на миллион, что она увидит Натали Райнс второй раз за день, к тому же усталость брала свое. Однако привычка возобладала, и Сюзи выбрала обычный маршрут.

Поравнявшись с коттеджем соседней актрисы, она нарочно сбавила скорость, а у дома Натали резко затормозила. Гаражные ворота были открыты, водительская дверца машины распахнута — так же, как утром. Натали всегда опускала гаражную створку и вряд ли оставила бы без присмотра незапертую машину.

«Может, и не стоит лезть не в свое дело, — подумала Сюзи, — но я так не могу».

Она повернула к дому Райнс, заглушила мотор, вылезла из машины и нерешительно шагнула в гараж. Помещение было совсем небольшим, поэтому, чтобы добраться до входа в кухню, Сюзи пришлось прикрыть дверцу автомобиля Натали, в салоне которого на переднем пассажирском сиденье лежала дамская сумочка, а сзади на полу — чемодан. Теперь уже не было сомнений: случилось что-то непредвиденное.

Сюзи постучала в дверь, подождала немного, а затем, не в силах уйти просто так, нажала на ручку. Дверь оказалась незапертой. Обеспокоенная, как бы вся история не закончилась арестом за незаконное вторжение, Сюзи все же толкнула дверь, повинувшись непонятному импульсу, и переступила порог кухни.

И тут же закричала: Натали Райнс лежала, скорчившись, на кухонном полу; ее белый свитер с узором из жгутов весь спереди был пропитан кровью. Глаза актрисы были закрыты, она издавала тихие жалобные стоны.

Сюзи опустилась возле нее на колени, нащупала в кармане сотовый и набрала «911».

— Кластер, Уолнат-стрит, восемьдесят! — крикнула она в трубку. — Натали Райнс! Кажется, в нее стреляли... Быстрее! Она умирает!

Сюзи выронила телефон и стала гладить Натали по голове, утешая ее:

— Мисс Райнс, все будет хорошо... Сейчас пришлют «Скорую». Она приедет с минуты на минуту, вот увидите...

Звуки, слетающие с губ Натали, стихли, а еще через мгновение остановилось сердце. Последней мыслью актрисы была прощальная реплика Бланш Дюбуа в конце спектакля: «Я всю жизнь зависела от доброты первого встречного».

Ночью ей снился Марк. Сон был мутный и вязкий; в нем она слышала голос Марка и силилась отыскать его, бродя по запутанным коридорам какого-то мрачного дома.

Эмили Келли Уоллес проснулась, ощущая в голове привычную тяжесть, надолго обременявшую голову после каждого такого сна. Но в этот раз Эмили решила не поддаваться подавленному настроению.

Она взглянула на Бесс, девятифунтовую мальтийскую болонку, подаренную братом Джеком на Рождество. Собачка крепко спала на соседней подушке. От одного вида своей любимицы Эмили сразу стало легче. Она выбралась из постели, сняла с крючка теплый халат, всегда висевший под рукой в ее прохладной спальне, подняла с подушки Бесс, недовольную, что ее разбудили, и спустилась на первый этаж. Здесь, в этом доме в Глен-Роке, штат Нью-Джерси, она прожила большую часть своих тридцати двух лет.

Три года назад в Ираке от придорожной мины погиб Марк, и Эмили поняла, что больше не сможет оставаться в их квартире. Годом позже, когда она набиралась сил после операции, отец передал ей этот небольшой дом в колониальном стиле. Шон Келли давно овдовел, женился вторично и переселился во Флориду. «Эм, это дельное предложение, — заверил он дочь. — Без всякой закладной, налог умеренный, и со всеми соседями ты знакома. Прими его. Если потом ты решишься на новое жилье, продай дом, и у тебя будут деньги на первый взнос».

«А ведь и вправду получилось неплохо, — рассуждала Эмили, спеша в кухню с Бесс под мышкой. — Мне так здесь нравится».

Таймер кофеварки, установленный на семь утра, запищал, возвещая, что напиток готов. Завтрак Эмили состоял из свежеевыжатого апельсинового сока, подогретого кекса и двух чашек кофе. Налив себе вторую, Эмили поднялась по лестнице обратно на второй этаж — принимать душ и переодеваться.

Новая ярко-красная водолазка удачно оживила приобретенный в прошлом году темно-серый брючный костюм. «Для суда в самый раз, — подумала Эмили, — да еще и противоядие для такого хмурого мартовского утра и сна про Марка». Она поколебалась, оставить ли распущенными темные прямые волосы до плеч, однако, в конце концов, заколола их. Затем слегка подкрасила ресницы и подвела губы. Настала очередь серебряных сережек. Вдевая их в уши, Эмили вдруг поймала себя на мысли, что начала забывать о румянах. А во время болезни она без них из дому не выходила.

Сойдя вниз, она еще раз выпустила Бесс погулять на задний дворик, а потом, после нежного объятия, заперла собачку в конуре.

Через двадцать минут Эмили въехала на парковку Бергенского окружного суда. Часы показывали всего четверть девятого, а на стоянке уже было полно машин. В течение шести последних лет Эмили выполняла обязанности помощника прокурора и нигде не чувствовала себя так комфортно, как в здании суда, к которому и направилась. Эмили даже не подозревала, сколько восхищенных взглядов притягивает ее высокая стройная фигура, стремительно огибающая автомобили: ее мысли были целиком сосредоточены на решении, которое готовилось вынести большое жюри.

На протяжении нескольких дней большое жюри выслушивало свидетельские показания по делу об убийстве Натали Райнс, бродвейской актрисы, около двух лет назад скончавшейся в собственном доме от огнестрельного ранения. Ее отдельно проживающий супруг Грег Олдрич, хоть и был в числе подозреваемых с самого начала, подвергся аресту лишь три недели назад, когда неожиданно объявился его вероятный сообщник. Все ждали, что большое жюри^[2] вот-вот

предъявит обвинительный акт.

«Давно пора, — подумала Эмили, входя в здание суда. — Я бы все отдала, только бы вести это дело». Она пересекла вестибюль с высоким потолком и, минуя лифт, поднялась по лестнице на третий этаж.

Прокуратура занимала все западное крыло здания, в котором разместились сорок помощников прокурора, семьдесят следователей и двадцать пять секретарей суда. Эмили набрала код на внутренней двери, открыла ее, приветственно помахала телефонистке на коммутаторе и по пути в свой кабинет поспешно сняла пальто.

Обстановку этого крошечного закутка без единого окна составляли два металлических шкафа с картотекой, два разномастных стула для опроса свидетелей, вращающееся кресло, стол полувековой давности и стойка-вешалка. Горшки с цветами на шкафах и на углу стола, по выражению Эмили, служили озеленению Америки.

Она повесила пальто на шаткую вешалку, уселась в кресло и взяла папку, содержимое которой штудировала накануне вечером. Это было дело Лопеса — семейная ссора, повлекшая за собой убийство. Двое малолетних детей, теперь сирот, их отец в окружной тюрьме... «И моя обязанность — упрятать его за решетку», — сказала себе Эмили, открывая папку. Начало процесса было назначено на следующую неделю.

В четверть двенадцатого зазвонил телефон.

— Эмили, не заскочишь на минутку? — спросил прокурор Тед Уэсли.

И, не дожидаясь ответа, отключился.

Пятидесятилетний Эдвард Скотт Уэсли, или просто Тед, прокурор округа Берген, был красивым мужчиной даже по самым строгим стандартам. При немалом росте он обладал безупречной осанкой, которая не только делала его выше, но и добавляла прокурорскому облику власти, призванной, как написал один из журналистов, «ободрять добропорядочных людей и обескураживать тех, у кого есть причины для беспокойного сна». Глаза цвета индиго и густая темная шевелюра с едва наметившейся проседью дополняли портрет образцового руководителя.

Постучавшись в приоткрытую дверь и войдя в кабинет, Эмили немало удивилась пристальному изучающему взгляду своего начальника. Наконец он бодро произнес:

— Здравствуй, Эмили, прекрасно выглядишь. Как здоровье?

Наверняка вопрос был задан с умыслом.

— Лучше не бывает.

Эмили постаралась выдержать несерьезный тон, будто слова Теда застали ее врасплох и она понятия не имеет, к чему такие прелюдии.

— Хорошее самочувствие в ближайшее время тебе понадобится. Большое жюри обвинило Грегга Олдрича.

— Надо же!

Эмили ощутила прилив адреналина. Конечно, она была заранее уверена в подобном исходе, но понимала, что весь процесс будет строиться на косвенных уликах, а потому стопроцентной гарантии дать никто не может.

— Я просто из себя выходила, пока этот негодяй мелькал в бульварных газетенках и водил дружбу со всякими выскочками, хотя всем известно, что он оставил свою раненую жену истекать кровью. Натали Райнс была замечательной актрисой, и когда поднималась на сцену... Господи, она творила там чудеса.

— Не стоит раздражаться из-за светского успеха Олдрича, — миролюбиво заметил Уэсли. — Лучше упрятать его за решетку подобру-поздорову. За это дело возьмешься ты.

Именно это Эмили и ожидала услышать, однако она не сразу свыклась с новостью. Обычно прокурор, если он под статью Теду Уэсли, бережет подобного рода процессы для себя. В таком

случае его имя сохранится в заголовках, а Тед Уэсли был явно неравнодушен к признанию.

Прокурор улыбнулся, видя ее замешательство.

— Эмили, это строго между нами, но сейчас я зондирую почву насчет одного престижного назначения, которое состоится осенью вместе с приходом нового кабинета. Для меня оно весьма желательно, и Нэн с удовольствием перебралась бы в Вашингтон. Ты же знаешь, она там родилась. Словом, мне бы не хотелось, чтобы затянувшийся процесс нарушил мои планы. Так что Олдрич твой.

«Олдрич мой! Олдрич мой!» Радость проникла в Эмили, полностью ее захватила. Вот то дело, которого она упорно дожидалась, пока непредвиденные осложнения двухлетней давности не выбили ее из колеи.

Вернувшись к себе в кабинет, Эмили решила позвонить отцу, но тут же отбросила эту мысль: он постоянно напоминал ей, что не стоит перегружать себя работой. То же самое она услышит и от брата, компьютерного разработчика в Силиконовой долине^[3]. «К тому же Джек, наверное, как раз едет на работу, — подумала Эмили. — В Калифорнии сейчас только полдевятого утра...»

«Марк, Марк, ты бы сейчас гордился мной...»

Эмили прикрыла веки, переживая внезапно нахлынувшую тоску по мужу, потом встряхнулась и взялась за досье Лопеса, заново перечитывая каждую строчку. Обоим супругам было по двадцать четыре года, жили отдельно, двое малолетних детей... Муж явился с просьбой о примирении, жена бросилась вон из квартиры, затем пыталась увернуться от него на истертой каменной лестнице их старой многоэтажки. Подозреваемый уверял, что жена сама упала, а няня, выскочившая на площадку вслед за ними, клялась, что это Лопес толкнул жену. «Но обзор оттуда недостаточный», — про себя рассуждала Эмили, изучая фотоснимки места происшествия.

Снова зазвонил телефон. На сей раз, это был Джо Лайонс, государственный защитник Лопеса.

— Эмили, давайте я заскочу к вам и мы обсудим дело. Ваше ведомство поставило все с ног на голову. Он не толкал жену — она оступилась. Это несчастный случай...

— Хм, няня так не считает, — напомнила Эмили. — Но пообщаться надо. В три вполне подойдет.

Повесив трубку, она вернулась к снимкам. На фото, сделанном при аресте, обвиняемый рыдал, и Эмили по-прежнему не могла отделаться от неприятных сомнений. Она призналась себе, что не до конца уверена в виновности Лопеса. Может, его жена и вправду поскользнулась. Может, это действительно несчастный случай...

«Я стала слишком бескомпромиссной, — вздохнула Эмили. — Поневоле засомневаешься: может, надо было податься в адвокатуру...»

Ранее тем же утром Закари Лэннинг из своего дома наблюдал сквозь открытые планки старомодных жалюзи, как Эмили торопливо завтракает у себя на кухне. Как-то подрядчик оставил ее дверь незапертой, и Заку удалось тайком установить микрофон в шкафчике над холодильником. Теперь он улавливал краткие фразы, обращенные к собачке, которая устроилась у Эмили на коленях.

«Как будто она разговаривает со мной», — удовлетворенно думал Зак, перетаскивая ящики на складе, расположенном на Сорок шестом шоссе, где он подвизался грузчиком. Из дома, который он после побега из Айовы снял по поддельным документам, было всего двадцать минут езды до работы. Смена начиналась в полдевятого утра и заканчивалась в полшестого — такой график его целиком и полностью устраивал. Он мог подсматривать за Эмили рано утром, а потом отправляться на работу. Вечером соседка возвращалась домой, готовила ужин, и он снова составлял ей компанию. Иногда к ней приходили гости, но все они злили Зака: Эмили принадлежала только ему.

В одном он был уверен: сейчас у нее нет постоянного мужчины. Зак знал, что Эмили вдова. Если им случалось сталкиваться на улице, она держалась с ним любезно, но отстраненно. Однажды Зак набрался смелости и сказал ей, что он на все руки мастер, и она может, не стесняясь, обращаться к нему при любых поломках в доме, однако ему сразу стало ясно: она никогда не прибегнет к его помощи. Как и все прочие, она сразу отвергла его взглядом. Она не пожелала понять, что он сторожит ее, охраняет... Она никак не могла уяснить, что отныне они неразлучны.

Но все поправимо. Закари Лэннинг, тщедушный человечек среднего роста, под пятьдесят, с темными глазками и редяющими бесцветными волосиками, был в высшей степени непримечательной личностью. Повстречав такого, тут же о нем забываешь. И конечно, никто даже представить себе не мог, что этот самый Зак числится в общенациональном розыске за хладнокровное убийство жены, приемных детей и тещи, совершенное в Айове полтора года назад.

— Грег, я буду повторять тебе это тысячу раз, чтобы ты не забывал!

Адвокат Ричард Мур намеренно не смотрел на своего клиента, сидящего рядом на заднем сиденье, пока водитель осторожно лавировал в толпе журналистов, запрудивших стоянку окружного суда Бергена. Представители прессы и здесь выкрикивали вопросы и направляли камеры на их машину.

— Это дело целиком основано на показаниях вруна и вора-рецидивиста в придачу, — продолжал Мур. — Чушь, да и только.

Разговор происходил на следующий день после того, как большое жюри подписало обвинительный акт. Мура об этом уведомили в прокуратуре, и по общему соглашению Грег Олдрич явился утром для выполнения необходимых формальностей. Грег и его адвокат только что покинули зал суда, где судья Кэлвин Стивенс предъявил Грегу обвинение в убийстве и назначил залог в миллион долларов, который тут же был внесен.

— Тогда почему жюри проголосовало за обвинение? — бесцветным голосом спросил Олдрич.

— Знаешь, у юристов есть поговорка: «Прокурор засудит хоть бутерброд с ветчиной — было бы желание». Добиться обвинительного акта проще простого, особенно если случай из ряда вон. А означает это только одно: прокурору достаточно улики для раскрытия дела. И для газетчиков оно — лакомый кусочек. Натали по сей день знаменитость, любое упоминание о ней сулит прибыль. Да еще этот закоренелый мошенник Джимми Истон, которого взяли тепленьким при грабеже, заявляет, будто ты заплатил ему за убийство жены! Как только закончится процесс, и тебя оправдают, все тут же потеряют к тебе интерес.

— Так же, как они потеряли интерес к О. Джею, когда его оправдали на процессе по убийству жены? — Олдрич усмехнулся. — Ричард, ты же понимаешь не хуже меня, что, даже если присяжные подтвердят мою невиновность — а у тебя масса оптимизма по поводу такого исхода, — этот процесс все равно не завершится до тех пор, пока злодей, убивший Натали, не постучится в кабинет к прокурору и не выложит ему всю подноготную. Меня выпустили под залог, но забрали паспорт, то есть я не могу выезжать за границу, что в моем бизнесе смерти подобно. Разумеется, это сущие пустяки по сравнению с тем, что у меня дочь-подросток четырнадцати лет и ее отец отныне будет главной темой и в газетах, и в телевизоре, и в Интернете. И никому не известно, сколько это продлится.

Ричард Мур воздержался от утешений, которые имелись у него в запасе: такой клиент, как Грег Олдрич, реалист-интеллектуал, в утешениях не нуждался. С одной стороны, Муру было ясно, что версия государственного обвинения содержит серьезные изъяны и опирается на показания свидетеля, которого ничего не стоит взять за жабры на перекрестном допросе. С другой стороны, в словах Олдрича была своя правда: из-за формального обвинения в убийстве пусть и покинувшей его, но все же супруги многие и дальше будут ассоциировать Олдрича с преступником, каким бы ни оказался вердикт суда. «Но все же лучше рисовать перед ним радужную перспективу, — размышлял Мур, — а не приговор и пожизненное заключение».

В самом ли деле Грег убийца? Сам Олдрич на этот счет отмалчивался, и Мур был уверен, что ответ на этот вопрос положительный. Он не ожидал от своего подзащитного даже намека на исповедь, но обвинительный акт суточной давности уже всколыхнул в нем беспокойство: не всплывут ли невзначай на процессе нежелательные сведения, которые Олдрич по тем или иным причинам от него утаил?

Мур посмотрел в окошко на унылую мартовскую погоду, странно гармонирующую с

настроением в салоне их машины. За рулем сидел Бен Смит, частный детектив и шофер по совместительству, уже четверть века работавший вместе с Муром. Легкий наклон головы напарника говорил адвокату, что Смит ловит каждое слово его беседы с клиентом. Острый слух детектива был большим подспорьем в их деле, и Мур после таких автомобильных обсуждений часто интересовался его сторонним мнением.

Затем на целых сорок минут повисло молчание, пока Бен не остановился перед домом на Парк-авеню — улицы, расположенной на Манхэттене, где и жил Олдрич.

— На этом пока все, по крайней мере, на ближайшие дни, — сказал Грег, открывая дверцу. — Ричард, как любезно, что ты подвез меня туда и обратно. Хотя я ведь предлагал пересечься где-нибудь по дороге — тогда тебе не пришлось бы зря мотаться сюда через мост.

— Вовсе не зря, до вечера я планирую заниматься делами у себя в нью-йоркском офисе, — сухо ответил Мур, подавая своему клиенту руку. — И помни, Грег, о моих словах.

— Зарублю себе на носу, — отозвался Олдрич, по-прежнему безучастный.

Швейцар уже бежал по тротуару к машине, чтобы придержать дверцу. Грег невнятно поблагодарил его, вскользь посмотрел ему в глаза и уловил в них плохо скрываемое любопытство. Не секрет, что всегда найдутся люди, охочие до сенсационных разоблачений с криминальным душком... «Надеюсь, приятель, ты удовлетворен», — с горечью подумал Олдрич.

В лифте, ехавшем на шестнадцатый этаж, Грег спрашивал себя: почему это вдруг случилось? И зачем он тогда помчался вслед за Натали на Кейп-Код? Неужели он и вправду ездил в Нью-Джерси в тот понедельник? Грег помнил, что в то утро его обуревали страшное смятение, усталость и злость, поэтому по возвращении домой он сразу же отправился в Центральный парк на привычную пробежку и позже испытал шок, узнав, что бегал целых два с половиной часа. Или все же не бегал? Не меньший шок испытал Олдрич и теперь — при мысли, что и сам ни в чем не уверен...

Эмили с грустью сознавала, что гибель Марка, совпавшая по времени с ее внезапной болезнью, полностью опустошила ее. На эти несчастья наложились женитьба отца, его решение обосноваться под старость во Флориде и согласие Джека принять предложенное ему место в Калифорнии. Все эти эмоциональные удары окончательно выбили почву у Эмили из-под ног.

Ей пришлось приложить немало усилий, демонстрируя бодрость в ответ на обеспокоенность отца и брата из-за того, что они покидают ее в столь непростой жизненный период. Эмили понимала: отец передал ей во владение дом при искреннем одобрении Джека, поскольку этот шаг являлся для них своего рода отступным.

«В общем-то, им не в чем себя упрекать, — размышляла Эмили. — Мамы уже двенадцать лет как нет. Папа с Джоан встречаются уже пять лет, и им обоим под семьдесят. Они оба обожают ходить под парусом и вполне заслужили право предаваться любимому увлечению хоть круглый год. Да и Джеку нельзя было упускать такую работу, ведь ему надо заботиться о Хелен и о двух малышах».

Убеждая себя таким образом, Эмили, однако, признавала, что разрыв регулярных отношений с отцом, братом и его семьей значительно осложнил ее привыкание к новой жизни после смерти Марка. Разумеется, обретение дома пошло ей на пользу: это «возвращение в родные пенаты» немало способствовало душевному исцелению. Соседи, оставшиеся здесь со времен детства Эмили, были ровесниками не ей, а ее отцу. Но многие дома перепродали молодым семьям с маленькими детьми. Единственное исключение среди новоселов составлял тихий человек, снимавший жилье в непосредственной близости от Эмили. Однажды он застенчиво признался, что может починить абсолютно все и если вдруг возникнет такая необходимость — он к ее услугам.

Эмили хотела без обиняков ему отказать: ей не нужны были эти недвусмысленные навязывания под предлогом помощи, в которой она совершенно не нуждалась. Однако месяц за месяцем если она и встречала Зака Лэннинга, то лишь изредка, когда они утром выходили в одно и то же время на работу или вечером приезжали домой. И Эмили, успокоившись, ослабила бдительность.

Итак, ей поручили процесс над Олдричем, и несколько недель она долгие часы вдумчиво изучала материалы дела. Вскоре ей поневоле пришлось установить такой порядок: в пять часов стремглав нестись домой, быстренько выгуливать и кормить Бесс, затем мчаться в кабинет и сидеть там до девяти или десяти вечера.

Эмили была даже рада тем высоким требованиям, которые предъявляла к ней работа: так у нее оставалось меньше времени на горестные воспоминания. Чем больше Эмили узнавала о Натали, тем больше видела между ними общего. Они обе вернулись в дом своего детства, только Натали привел туда разбитый брак, а Эмили — разбитое сердце. Эмили скачала себе на компьютер массу разнообразных сведений, касавшихся жизни и карьеры известной актрисы. Она думала, что Натали — натуральная блондинка, но из первоисточников выяснилось, что Райнс, когда ей было едва за двадцать, изменила цвет волос с темного на белокурый. Рассматривая ее снимки, сделанные в юности, Эмили поразились той неожиданной схожести, которая обнаружилась в их чертах. Оказалось, предки Натали вышли из того же ирландского графства, что и дед и бабка Эмили; этот факт натолкнул ее на забавную мысль: если перенести их на четыре-пять поколений в прошлое, возможно, они бы считались там «целовальными кухнями» — ирландское выражение для родни, которую принято целовать при встрече.

Эмили всегда нравился процесс подготовки дела к суду, и она ничего не имела против

долгих бдений в своем рабочем кабинете, но почти сразу сделала вывод, что гонки с работы домой и обратно ради Бесс отнимают непозволительно много времени. К тому же ей было совестно, что ее любимица не только сидит одна целый день, но еще и вечером лишена компании.

Заботы Эмили не укрылись от глаз еще одного человека. В те дни Зак Лэннинг как раз приводил свой садик в порядок перед весенними посадками. Как-то ближе к вечеру он дождался, пока Эмили запрет Бесс в доме после прогулки, и обратился к ней.

— Мисс Уоллес, — начал он, пряча глаза, — я невольно замечаю, что вы, кажется, заглядываете домой только из-за собаки, а потом снова торопитесь обратно. Я читал о том большом процессе, которым вы сейчас занимаетесь. Представляю, как вы заняты... Собственно, я только хотел сказать, что обожаю собак, но у владельца дома на них аллергия, и мне нельзя здесь никого заводить. Мне было бы очень приятно, если бы после работы я мог бы присматривать за вашей собачкой; слышал, что вы зовете ее Бесс. Наши дома, очевидно, одинаковой планировки, значит, и у вас задняя веранда жилая и отапливается. Если вы согласитесь поставить туда конурку и дадите мне ключи только от этой веранды, я буду выпускать Бесс на прогулку, кормить ее, а потом еще и долго выгуливать. Мой задний дворик соседствует с вашим, и она сможет немного порезвиться там, пока я вожусь у себя в саду. К вечеру я приводил бы ее обратно и запираю бы за собой дверь — тогда вам не пришлось бы беспокоиться за нее. Мне кажется, мы бы с ней замечательно ладили.

— Большое вам спасибо за предложение, Зак. Я его непременно обдумаю, а сейчас я немного спешу. Обязательно позвоню вам завтра или на днях. Ваш номер есть в справочнике?

— У меня только мобильник, — ответил Зак — Давайте я вам напишу.

Эмили вырулила с подъездной аллеи на шоссе и быстро помчала обратно на работу, а Зак тем временем едва сдерживал радостное волнение. Как только ему в руки попадет ключ от ее веранды, не составит никакого труда изготовить восковой отпечаток замка от двери, ведущей в дом. Зак не сомневался, что на этот раз Эмили откликнется на проявление его заботы. «Она души не чает в этой бесполезной псине. А я, как только попаду в дом, сразу же поднимусь в спальню и перерою все ящики. Наконец-то потрогаю белье, которое она на себя надевает».

Мысль о том, что придется выступить свидетельницей на суде, навевала на Элис Миллз ужас. Потеря единственной дочери, Натали Райнс, вызвала в ней больше смятения, чем скорби. «Почему он так поступил с ней?» — этим вопросом она изводила себя днем и ночью. Элис видела один и тот же сон, где она безуспешно стремится к Натали, пытаясь предостеречь ее от грозящей неотвратимой опасности.

Со временем сон обернулся заурадным кошмаром. Элис куда-то бежала наугад в темноте, потом вдруг оступалась и падала. Резкий запах духов Натали ударял ей в нос, и Элис почему-то знала, что споткнулась о труп дочери. В этот момент она неизменно пробуждалась и, подскочив на постели, спрашивала: «Почему он так поступил с ней?»

Прошел год, жуткий сон стал реже ее посещать, но возобновился, когда Грегу было предъявлено обвинение, и в прессе началась настоящая истерия. Вот почему после телефонного звонка Эмили Уоллес, помощника прокурора, где Элис предлагалось подойти на следующее утро в прокуратуру для дачи показаний, она провела всю ночь в своем удобном кресле, в котором, бывало, клевала носом, сидя перед телевизором. Элис отчаянно надеялась, что если ей и впрямь удастся вздремнуть, то слегка, без неизбежного погружения в привычный кошмар.

Но и это не помогло — только теперь при пробуждении она выкрикнула имя дочери. Остаток ночи Элис провела в размышлениях и воспоминаниях. Ее брак восемь лет оставался бездетным, и ее это ужасно огорчало, поэтому рождение дочери стало настоящим даром небес. Натали появилась на свет за три недели до срока, к тридцатилетнему юбилею своей мамы.

Потом Элис переключилась на вечеринку двухмесячной давности, когда сестры вытащили ее в ресторан по случаю другого юбилея — семидесятилетнего. За столом поднимались тосты. Сестры боялись ненароком назвать имя Натали, но Элис настояла, чтобы выпили и за нее тоже. Они даже шутили по этому поводу. «Уж поверьте мне, Натали ни за что не стала бы отмечать свое сорокалетие, — уверяла Элис. — Помните, она твердила, что в шоу-бизнесе принято оставаться вечно молодой?»

«Моя доченька так и осталась вечно молодой», — со вздохом подумала Элис. В семь утра она, наконец, поднялась со своего удобного кресла и всунула ноги в шлепанцы. Коленный артрит всегда сильнее мучил по утрам. Морщась, она встала, проковыляла к окнам гостиной своей небольшой квартирке, находившейся на Западной Шестидесят пятой улице, закрыла створки и раздвинула шторы. Вид Гудзона всегда действовал на Элис ободряюще. Натали унаследовала от нее привязанность к водной стихии, наверное, поэтому она так часто навещалась на Кейп-Код хотя бы на несколько дней.

Элис плотнее закуталась в мягкий махровый халат. Она любила прохладу, но ночью температура упала, и теперь в гостиной было зябко. Элис поставила термостат на обогрев и пошла на крохотную кухоньку, где в кофеварке ждал кофе. Таймер сработал без пяти семь, чашка с готовым напитком уже стояла на подносе.

Было бы правильным съесть хоть ломтик тоста, но у Элис совершенно отсутствовал аппетит. «Какие вопросы задаст прокурор? — гадала она, садясь с чашкой за столик в кухонной нише, откуда открывался наилучший вид на реку. — Что можно добавить к сказанному тогда, два с половиной года назад? Что Грег желал возобновить отношения, и что я убеждала дочь вернуться к нему? Что я очень любила Грега? И что теперь я его презираю? Что я никогда не смогу понять, почему он так поступил с ней?»

Для беседы с прокурором Элис выбрала черный брючный костюм и белую блузку. Этот комплект ей купила сестра для похорон Натали. За два года Элис немного похудела, и теперь

костюм сидел на ней мешковато. «И что с того?» — задала она себе резонный вопрос. Она больше не подкрашивала волосы, седина совершенно выбелила их, зато волнистые от природы локоны избавляли Элис от утомительных посещений парикмахерской. Из-за потери веса морщины на ее лице стали заметнее, но у Элис не находилось сил на регулярные косметические процедуры, о которых раньше ей неустанно напоминала Натали.

Встреча была назначена на десять утра. В восемь Элис не спеша спустилась по лестнице, пешком прошла мимо Линкольн-центра до конца квартала, спустилась в метро и села на поезд до автобусного терминала^[4].

Недолгая дорога пролетела в неожиданных размышлениях о доме в Клостере. Агент по недвижимости заверил Элис, что лучше не продавать дом, пока все газеты ежедневно пестрят упоминаниями о Натали. «Обождите немного, — сказал он. — Потом покрасьте все стены в белый, так создастся ощущение приятной свежести и чистоты. Вот тогда и можно будет выставить дом на торги». Элис понимала, что делец совершенно не хотел ни оскорбить ее, ни обидеть, но сама мысль о вытравлении памяти дочери из комнат показалась ей несносной, поэтому, когда агент исчерпал советы по приданию интерьеру товарного вида, Элис палец о палец не ударила, чтобы обновить помещения.

В автобусном терминале, как всегда, народу было видимо-невидимо; одни пассажиры устремлялись от платформ к зданию вокзала, другие торопились сесть в автобус или поймать такси. Элис, где бы она ни оказалась, всюду замечала приметы прошлого. Стоя в очереди за билетом в Хакенсак, штат Нью-Джерси, где находился окружной суд, Элис видела здесь самую себя словно наяву — как, забрав Натали из школы, она расталкивала толпу на вокзале, боясь опоздать на прослушивание для какого-нибудь рекламного ролика. Она начала возить дочь на пробы очень рано, с детсадовского возраста, и уже тогда люди останавливались, с умилением глядя на Натали. Девочки в то время обычно отращивали длинные волосы, а у Натали была стрижка «паж» с челкой. Она росла очень хорошенькой и выделялась среди остальных.

Но дело было не только в миловидности — Натали обладала способностью хватать с неба звезды.

Так привычно было после стольких лет направиться к выходу под номером двести десять, откуда уходил автобус до Клостера, но Элис шагала тяжело, словно ноги налились свинцом. Она направилась к выходу номер двести тридцать два, чтобы ехать в Хакенсак.

Через час она уже поднималась по лестнице к парадному входу Бергенского окружного суда. На контроле, положив сумку под электронный монитор, она стеснительно поинтересовалась у охранника, где располагается лифт. Затем поднялась на третий этаж, в кабинет Эмили Уоллес.

В то время как Элис Миллз выходила из автобуса в квартале от здания суда, Эмили готовилась к беседе с ней, просматривая записи и обсуждая их с Билли Трайоном и Джейком Розеном. Эти два детектива, занимавшиеся убийствами, с самого начала вели дело Натали Райнс.

Они входили в прокурорскую группу, принявшую вызов из полицейского участка в Клостере, когда в доме актрисы был обнаружен ее труп.

Трайон и Розен уже заняли стулья у рабочего стола Эмили. Как всегда, видя их вместе, она поразилась, насколько разную реакцию вызывают у нее эти двое мужчин.

Тридцатидвухлетний коротко стриженный блондин Джейк Розен, высокий, подтянутый и сдержанный, слыл расторопным и прилежным сыщиком. Несколько лет назад Эмили уже сталкивалась с ним по работе, когда их обоих направили в отдел надзора за несовершеннолетними правонарушителями; помнится, они сразу нормально поладили. Джейк, в отличие от своих немногочисленных коллег, к которым относился и Билли Трайон, никогда не выказывал возмущения по поводу того, что его начальник — женщина.

А вот Билли был слеплен из совершенно иного теста. Эмили и прочие сотрудницы в отделе прекрасно улавливали по отношению к себе его искусно завуалированную враждебность. Их всех немало возмущало, что Трайон, будучи двоюродным братом прокурора Теда Уэсли, позволял себе игнорировать любые жалобы, направленные на него, даже вполне обоснованные.

Конечно, Эмили не спорила, что детектив он дельный. Однако всем был известен тот факт, что в методах получения улик для обвинения Трайон порой выходил за рамки дозволенного. На протяжении последних лет подследственные не раз предъявляли ему претензии, с жаром отрицая свои якобы обличительные заявления, которые он цитировал под присягой на суде. Эмили отдавала себе отчет, что не найдется такого прокурорского работника, кому не вменили бы в вину подобные уловки, но у Трайона их количество явно зашкаливало.

Более того, он первым из детективов откликнулся на просьбу Истона, когда тот, погоревший на ограблении, пожелал поговорить с кем-либо из прокуратуры.

Эмили надеялась, что ее лицо не выдает неприязни к Трайону, ссутулившемуся на стуле напротив нее. Билли казался старше из-за обветренного лица, небрежной прически и вечно полуприкрытых век. Ходили слухи, что после развода он в свои пятьдесят два создал себе репутацию дамского угодника и будто находились женщины за стенами их ведомства, поддававшие под чары Трайона. Однако антипатия Эмили к Трайону еще более возросла после того, как он за ее спиной начал направо и налево уверять коллег, что для ведения такого процесса ей недостает жесткости. Впрочем, внимательно изучив материалы дела, Эмили вынуждена была признать, что и Трайон, и Розен добросовестно проделали свою работу, досконально обследовав место преступления и допросив свидетелей.

Эмили не стала тратить время на церемонии и открыла картонную папку, лежавшую поверх остальных документов.

— Скоро здесь будет мать Натали Райнс, — сухо оповестила она детективов. — Я только что прочитала ваш протокол и первоначальный допрос миссис Миллз, сделанный в тот вечер, когда обнаружили тело Натали, а также ее письменные показания, данные через несколько дней после убийства. — Эмили испытующе посмотрела на детективов. — Насколько я могу судить по этим документам, сначала мать жертвы даже мысли не допускала, что Грег Олдрич причастен к преступлению.

— Совершенно верно, — спокойно заметил Розен. — Миссис Миллз сообщила, что любит

Грега как собственного сына, и что убеждала Натали к нему вернуться. По ее мнению, дочь слишком много сил тратила на работу, а ей, как матери, хотелось, чтобы она больше времени уделяла личной жизни.

— Миссис Миллз впору было мечтать прикончить его, — съязвил Трайон, — а она беспокоилась и пеклась о нем и о его ребенке.

— Думаю, она действительно переживала за Олдрича. — Розен повернулся к Эмили. — Те его друзья, которых мы допросили, в один голос подтвердили: Натали была трудоголиком. Самое смешное, что причины, доведшие Олдрича до убийства, могут вызвать сочувствие у присяжных. Даже теща — и та его жалела, и долгое время не верила, что он решился на преступление.

— Когда в последний раз кто-нибудь из вас разговаривал с миссис Миллз? — уточнила Эмили.

— Мы позвонили ей перед тем, как в прессе появилось сенсационное заявление Истона, — ответил Розен. — Нельзя было допустить, чтобы ей стало известно об этом из газет. Новость ее просто потрясла. А еще раньше она сама звонила нам несколько раз: выясняла, как продвигается следствие.

— Пожилой леди хотелось поболтать, — равнодушно вставил Трайон. — Ну мы и поболтали с ней...

— Как мило с вашей стороны, — оборвала его Эмили. — В показаниях миссис Миллз я нашла упоминание о бывшей соседке Натали по комнате Джейми Эванс. Ее задушили в Центральном парке за пятнадцать лет до гибели Натали. Вы поинтересовались у миссис Миллз, возможна ли связь между этими двумя преступлениями, по ее мнению?

— Она уверяла, что это исключено, — сказал Трайон. — Натали никогда не виделась с приятелем своей соседки, знала только, что он женат и вроде бы добивается развода. Натали уговаривала подругу порвать с ним, поскольку считала, что ухажер ее динамит. Натали лишь однажды видела его фотографию у Джейми в бумажнике, а когда после убийства снимок исчез, решила, что вот вероятная зацепка, однако полицейские даже не стали ее слушать. В парке тогда случилась целая серия ограблений, а бумажник Джейми Эванс валялся на земле, кредитки и деньги забрали, заодно прихватив бусы и сережки. Копы заключили, что девушка оказала сопротивление хулиганам и поплатилась за это жизнью. Как бы там ни было, им так и не удалось установить личность ее дружка, и в итоге сошлись на том, что это очередное разбойное нападение, но с трагическим исходом.

Запищал интерком, и Эмили взяла трубку.

— Миссис Миллз уже ждет, — передал дежурный.

— Хорошо, мы сейчас подойдем.

Джейк поднялся.

— Давай я схожу за ней, Эмили?

Трайон даже не пошевелился, и Эмили требовательно взглянула на него.

— Нам нужен еще один стул, — заметила она. — Будь так любезен, принеси.

— Зачем тебе понадобились мы оба? — удивился Трайон. — Я как раз заканчиваю отчет по делу Гэннона. Кажется, мамаша ничем сногшибательным нас не порадует.

— Ее зовут миссис Миллз, — вспыхнула Эмили. — И ты меня очень обяжешь, если проявишь хоть чуточку деликатности.

— Брось, Эмили. Как-нибудь обойдусь без твоих поучений. — Трайон смерил ее взглядом. — И не забывай, что я расследовал дела в этой конторе, когда ты еще была третьеклассницей.

Трайон и Розен ушли, а вскоре Розен привел миссис Миллз. Эмилихватило беглого взгляда, чтобы уловить и печать скорби на лице пожилой женщины, и легкое подергивание ее головы, и то, что костюм ей явно великоват.

Эмили стоя представилась матери Натали Райнс и выразила свои соболезнования, а затем предложила стул. Заняв собственное кресло, Эмили сообщила, что ей поручено ведение процесса, и она приложит все усилия для осуждения Грега Олдрича и торжества правосудия.

— Прошу вас, зовите меня Эмили, — под конец попросила она.

— Благодарю вас, — тихо вымолвила Элис Миллз. — Сотрудники вашего ведомства так вежливы и предупредительны. Вот только мою дочь они не в силах вернуть.

У Эмили промелькнуло воспоминание о прощании с Марком, о его последнем «до скорого».

— Я что угодно сделала бы, лишь бы вернуть ее вам, — заверила Эмили, надеясь, что Миссис Миллз не уловила, как дрогнул ее голос.

Потом на протяжении часа Эмили в непринужденной неторопливой манере сверяла вместе с миссис Миллз показания, которые та давала два года назад. Очень скоро Эмили в смятении поняла, что мать Натали по-прежнему пребывает в сильных сомнениях относительно причастности Грега Олдрича к убийству дочери.

— Когда мне сообщили об Истоне, я была потрясена и ошеломлена, но, по крайней мере, испытала облегчение оттого, что все выяснилось. Однако чем больше я узнаю из газет об этом субъекте, тем меньше ему доверяю.

«Если присяжные считают так же, мне кранты», — подумала Эмили и увела беседу в другое русло.

— Миссис Миллз, много лет назад соседка Натали по комнате Джейми Эванс была задушена в Центральном парке. Я так понимаю, Натали подозревала, что в преступлении замешан загадочный незнакомец, с которым встречалась Джейми?

— Ни Джейми, ни Натали больше нет, — пробормотала Элис Миллз, качая головой и тщетно пытаясь сморгнуть набежавшие слезы. — Обе погибли... Кто бы взялся предсказать такое чудовищное несчастье? — Она промокнула глаза платком и продолжила: — Натали ошиблась. Она видела этого мужчину только на фото в бумажнике у Джейми, и то один раз, за месяц до гибели подруги. Откуда ей было знать — может, Джейми сама выбросила снимок? Наверное, Натали тогда чувствовала примерно то же, что я сейчас. Они с Джейми были неразлучны, и ей хотелось наказать кого-нибудь за смерть подруги.

— Так же, как вы желаете наказать Грега Олдрича? — осведомилась Эмили.

— Я желаю наказать убийцу, кто бы он ни был.

Эмили отвела глаза, не в силах смотреть на подлинное страдание на лице свидетельницы. Она и раньше замечала, что именно эмпатия, которую она испытывает к родственникам жертв, побуждает ее не жалеть сил, чтобы впоследствии достойно выступить в суде. Но горе этой женщины почему-то особенно тронуло ее — до глубины души. Эмили поняла, что бессмысленно подбирать слова утешения для несчастной матери.

«Но я помогу ей, если получится убедить не только присяжных, но и ее саму, что именно Грег Олдрич повинен в смерти Натали и заслуживает суровейшего из всех возможных наказаний — пожизненного заключения без амнистии».

Затем Эмили совершила неожиданный для самой себя поступок — когда Элис Миллз поднялась, собираясь уходить, Эмили вскочила со стула, обежала письменный стол и заключила ее в объятия.

Кабинет Майкла Гордона располагался на тридцать первом этаже Рокфеллеровского центра^[5]. Каждое утро его рабочий стол был завален газетами, поступавшими сюда со всех уголков страны. К концу дня Майкл просматривал эту кипу в поисках нетривиальных преступлений, чтобы осветить их в своей ежевечерней передаче «В судебных кулуарах», выходящей на Восьмом канале.

Жизнь бывшего адвоката круто поменялась два года назад, когда его пригласили на эту самую передачу в группу экспертов-аналитиков, обсуждающих текущие судебные процессы на Манхэттене. Проницательные суждения, остроумие и привлекательная ирландская смуглость обеспечили Гордону частые визиты в студию в качестве гостя. Затем, когда прежний ведущий отошел от дел, тридцатилетний Майкл занял его место. Постепенно этот телепроект превратился в один из самых успешных по стране.

Уроженец Манхэттена, Майкл владел квартирой на Централ-Парк-Уэст^[6]. Несмотря на статус завидного жениха и множество предложений развлечься, он часто оставался по вечерам дома, где мог спокойно работать над книгой, которую решил написать, — исследование крупнейших преступлений двадцатого века. Свой анализ он задумал начать с убийства архитектора Стэнфорда Уайта, которого в тысяча пятьсот шестом году застрелил Гарри Тоу, а закончить первым процессом над О. Джем Симпсоном в тысяча девятьсот девяносто пятом.

Этот труд необыкновенно увлек Майкла. Он все больше склонялся к мысли, что ревность — первопричина большинства бытовых преступлений. Тоу приревновал свою жену к Уайту, который имел с ней любовную связь давным-давно, когда она была совсем молоденькой. Симпсон приревновал жену, когда узнал, что ее видели с другим мужчиной. Но как же было с Грегом Олдричем — человеком, которому Майкл привык дарить свое восхищение и расположение? Майкл был близким другом и Грега, и Натали еще до их свадьбы — он красноречиво говорил об этом на поминальной службе. Потом, в те две зимы, что минули с гибели Натали, не раз приглашал Грега и его дочь Кейти на выходные в свой лыжный домик в Вермонте.

Рассеянно посмотрев на газеты, разбросанные по рабочему столу, Майкл отпихнул их. Раньше ему казалось, что копы слишком поторопились публично объявить Грега подозреваемым. Теперь же Майкл не имел ни малейшего представления, что и думать.

Грег позвонил ему сразу, как только против него выдвинули обвинение.

— Майк, как я понимаю, ты в своей программе будешь следить за ходом процесса?

— Да.

— Хочу облегчить тебе задачу. Я не собираюсь спрашивать у тебя, веришь ли ты словам Истона, просто думаю, что нам лучше не видеться, пока суд не вынесет свой вердикт.

— Наверное, ты прав, Грег..

Повисла неприятная пауза. В последние полгода они мало встречались, а сталкиваясь то в театре, то на коктейле, приветствовали друг друга лишь кивком. Наконец стало известно, что судебное разбирательство начнется в ближайший понедельник, пятнадцатого сентября. Майк собирался каждый вечер освещать процесс обычным порядком: сначала обзор свидетельских показаний, озвученных за день, затем обсуждение их группой приглашенных экспертов-юристов. Редкая удача, что судья разрешил установить в зале суда телекамеры — кадры происходящих там событий позволят лучше опираться на факты.

Хорошо зная характер своего друга, Майкл не сомневался: какие бы обвинения ни выдвинули против него, Грег будет внешне невозмутим, поскольку привык прятать переживания

глубоко внутри. На поминальной службе Грег пел себя сдержанно, однако вечером у себя в квартире, где собрались только мать Натали, Кейти и Майк, он неожиданно безутешно зарыдал, а потом, не справившись с эмоциями, выбежал из комнаты.

Сомнений нет, он любил Натали до безумия, но что означал тот выплеск: выражение скорби или угрызения совести? А может, его порыв свидетельствовал о страхе от перспективы провести остаток жизни за решеткой? Майк ничего не мог утверждать наверняка. Теперь всякий раз, как он вспоминал о том срыве Грега, в голове почему-то всплывал случай со Скоттом Петерсоном^[7], который расклеивал объявления с фотографиями своей пропавшей жены, тогда как сам убил ее, а труп бросил в волны Тихого океана.

— Майк!

Голос секретарши по интеркому вывел его из задумчивости. Спыхватившись, он ответил

— Да-да, я слушаю, Лиз.

— Пришла Кейти Олдрич. Просит встречи с вами.

— Кейти! Ну конечно! Впусти ее.

Майк вскочил на ноги и, огибая стол, поспешил к двери, куда уже входила стройная девочка-подросток с золотистыми локонами. Он распахнул объятия ей навстречу.

— Кейти, я скучал по тебе.

Он почувствовал, что девочка вся дрожит.

— Майк, я так боюсь... Как ты думаешь, ведь они не приговорят папу?

— У твоего отца хороший адвокат, один из лучших. Теперь все будет зависеть от показаний того пойманного воришки.

— Почему мы не виделись целых полгода?

Кейти искательно заглянула Майклу в глаза. Он подвел ее к окнам, откуда открывался вид на каток Рокфеллеровского центра, и предложил удобное кресло, сам сел рядом в такое же и взял девочку за руку.

— Кейти, это твой папа так решил, а не я.

— Нет, Майк, когда папа позвонил тебе и предложил пока не встречаться, он просто испытывал тебя. Он сам говорил, что если бы ты был уверен в его невиновности, то не поддержал бы такую идею.

Майкл ясно разглядел во взгляде девочки гнев и боль, и ему стало стыдно. Неужели Грег так сказал?

— Кейти, я всего-навсего журналист, и мне нельзя вникать в подробности защиты твоего отца. Если бы я свободно являлся к вам в дом и любое время, я неминуемо бы услышал то, чего мне знать не надо. Я буду неустанно напоминать зрителям, что мы с твоим папой были и остаемся хорошими друзьями, но возобновим наше общение только после окончания судебного процесса.

— Если папу оправдают... — Кейти запнулась. — Когда папу оправдают, мог бы ты так повлиять на общественное мнение, чтобы все поняли: он ни в чем не виноват и его подозревали несправедливо?

— Кейти, люди должны сами прийти к такому выводу.

Она отняла руку и встала.

— Начинается осенний семестр; мне уже пора возвращаться в Чоат^[8], но я не поеду. Мы найдем домашнего учителя, и я буду заниматься по программе. Хочу каждый день присутствовать на суде. Папе в такой ситуации нужна поддержка. Жаль, что ты не сможешь тоже поучаствовать в процессе; папа всегда считал, что ты потрясающий адвокат.

Не дожидаясь ответа, Кейти заторопилась к двери и, уже взявшись за ручку, обернулась.

— Майк, желаю тебе собрать большую аудиторию. Если тебе это удастся, то тебе точно

дадут премию.

К концу недели перед открытием слушания дела Эмили чувствовала сдержанный оптимизм по поводу проделанной предварительной работы. Лето пролетело для нее как в тумане. В июле тем не менее она выкроила недельку и съездила во Флориду к отцу и его жене Джоан, а в августе на пять дней выбралась к семье брата в Калифорнию.

Она была несказанно рада повидать их всех, но ее мысли и на отдыхе то и дело возвращались к предстоящему процессу. Весь июль и август Эмили дотошно опрашивала тех свидетелей, которых собиралась вызвать в зал суда, и их показания прочно отпечатались в ее памяти.

Такая интенсивная подготовка стала для Эмили поворотным пунктом и в принятии гибели Марка. Ей по-прежнему страшно его недоставало, но ее больше не мучила неотступная мысль, когда-то посещавшая по десять раз и день: «Если бы только он жил, если бы только он жил...»

По мере того как перед Эмили проходила череда из восемнадцати свидетелей, ее внимание все больше приковывал образ Грега Олдрича. Он приобрел особую зримость, когда друзья жертвы поведали Эмили о том, как нервничала Натали, проверяя после обеда или ужина звонки и сообщения на мобильнике, где неизменно обнаруживалось одно, а то и больше посланий от Грега с мольбами не губить их брак.

«Я сама не раз видела, как она принималась плакать ни с того ни с сего, — сердито признавалась Лайза Кент, давняя и близкая подруга Натали. — Грег вовсе не был ей безразличен; более того, Натали, конечно же, любила своего мужа. Просто они не совпали в браке. Натали надеялась, что он и дальше сможет оставаться ее агентом, но очень скоро ей стало ясно, что Грег слишком равнодушен к ней и это станет помехой для постоянных встреч и контактов, пусть даже на деловой основе...»

У Эмили не было повода сомневаться в показаниях Кент.

В пятницу ближе к вечеру, за три дня до начала процесса, Тед Уэсли вызвал Эмили к себе в кабинет. Лишь взглянув на прокурора, Эмили поняла, что тот в приподнятом настроении.

— Закрой-ка дверь, — попросил он. — Хочу поделиться с тобой радостью.

— Кажется, я догадываюсь, — заметила Эмили. — Вы получили новости из Вашингтона?

— С четверть часа назад. Сообщаю тебе первой во всей конторе. Завтра президент объявит о том, что назначает меня генеральным прокурором!

— Тед, вот здорово! Какая честь! Вы в первую очередь заслуживаете эту должность.

Эмили не скрывала своей искренней радости за начальника.

— Тем не менее, спешить мне туда не придется. Слушания в Сенате перед утверждением займут ближайшие несколько недель, и я даже рад, что именно так все сложилось. Мне хочется понаблюдать за процессом над Олдричем; не могу дождаться, когда этот тип загремит в тюрьму.

— И я тоже. Как нам повезло, что Истон запомнил гостиную Олдрича в таких подробностях! Конечно, биография у него небезупречна, но вот интересно, как Мур станет оправдываться на этот раз?

— Также у нас есть звонок с мобильного Олдрича на мобильник Истоны. Не представляю, как Мур собирается из этого выкручиваться. — Уэсли откинулся на спинку кресла. — Эмили, не стану скрывать, я выслушал в своем кабинете немало возражений, когда передавал тебе это дело. Я выбрал тебя, потому что уверен: ты готова к такому процессу. Думаю, тебе вполне по силам выиграть его в суде.

Эмили с унылой улыбкой ответила:

— Если бы вы еще подсказали, как можно превратить Джимми Истоны, который даже с

виду негодяй, в добропорядочного свидетеля, я была бы вам признательна до конца дней своих. Для слушания мы купили ему темно-синий костюм, но, конечно же, он смотрится на Истоне как на корове седло. Я уже говорила вам: в тюрьме во время допроса я заметила, что почти вся вакса, слава богу, сошла с его шевелюры, однако это не сильно изменило нашего свидетеля.

Уэсли задумчиво нахмурил брови.

— Эмили, меня совершенно не волнует, как Истон выглядит. У тебя в арсенале — звонок Олдрича на его мобильник и описание гостиной. Даже если Истон и облажается, эти две улики отместить невозможно.

— Тогда почему Мур довел дело до суда, ни разу не предприняв попытки обсудить с нами возможность снисхождения, даже когда возник этот Истон? Остается только гадать, что у них есть в запасе и сможет ли наш воришка выдержать перекрестный допрос Мура.

— Скоро мы это узнаем, — дрогнувшим голосом отозвался Уэсли.

Эмили сразу уловила перемену в тоне шефа и решила, что понимает причину. «Он переживает, что Олдрича могут оправдать, — подумала она. — И это будет не только мое поражение. Все спишут этот провал на его несостоятельность — ведь именно он поручил мне вести дело. Не лучший способ открыть слушания в Сенате перед утверждением на должность».

Еще раз поздравив Уэсли с назначением, Эмили поехала домой, но рано утром уже сидела в своем кабинете, пересматривая в который раз материалы дела. Оба выходных она задерживалась на работе допоздна.

«Слава богу, что есть Зак», — не однажды отмечала про себя Эмили в течение всех этих дней. Она вспоминала, с какой неохотой поначалу включила его в число своих шапочных знакомых, теперь же испытывала облегчение и была благодарна Заку за то, что он кормил и выгуливал Бесс. Он выручил Эмили, даже когда она на короткое время уезжала на отдых, убедив, что не надо сдавать собаку в питомник. «Мы уже подружились, — как всегда, робко и застенчиво сообщил сосед. — Под моим присмотром ей будет хорошо».

Однако Эмили совсем не понравилось, что в воскресенье вечером, когда она в десять часов, наконец, вернулась с работы, Зак сидел перед телевизором на ее веранде с Бесс на коленях.

«Вот, развлекаем друг дружку, — с улыбкой пояснил он. — Вы, наверное, ужинали с приятелями?»

Эмили хотела, было, ответить, что заранее подготовилась к сверхурочной работе и взяла с собой сэндвич и фрукты, но что-то ее остановило. Она была вовсе не обязана отчитываться перед соседом. В тот же момент ее пронзила догадка, что Зак в своем одиночестве, пусть даже неосознанно, понемногу переключил внимание с Бесс на саму хозяйку. От подобного предположения по спине Эмили поползли мурашки, она даже вздрогнула.

Воскресным вечером, непосредственно перед началом процесса, Ричард Мур и его сын Коул, помогавший готовить защиту, ужинали вместе с Грегом Олдричем и его дочерью Кейти в клубном ресторане, располагавшемся в доме, где жил Олдрич. Они заранее заказали одну из частных комнат, где можно было общаться без опаски и в то же время оградить Олдрича от любопытствующих взглядов других посетителей.

Ричарду, прирожденному балагуру, удалось за салатами и закусками добиться от Грегга и Кейти не только улыбок, но даже смеха. Перед подачей десерта Кейти, явно повеселевшая, вдруг поднялась.

— Я дала папе слово, что, если он позволит мне остаться дома, пока идет суд, я буду вовремя готовить все задания, которые мне присылают. Начну прямо сейчас.

— Какая сильная и развитая у вас дочь, хоть и ребенок, — заметил Мур после ухода Кейти. — Вы прекрасно ее воспитали.

— Она и меня не перестает удивлять, — признался Олдрич. — Кейти предупредила, что не останется на десерт, поскольку нам троим наверняка есть, о чем поговорить в эти последние часы. Вероятно, она не ошиблась?

Ричард Мур посмотрел на своего клиента, сидящего напротив. За полгода, истекших с предъявления обвинения, Грег постарел на десяток лет. Он сильно похудел, и, хотя его лицо по-прежнему было привлекательным, под глазами залегли темные круги.

Коул, моложавая копия Ричарда, с головой окунулся в материалы дела и уже выражал отцу озабоченность по поводу исхода процесса. «Папа, ну как же он не понимает, что в его интересах подать прошение в суд? Как ты считаешь, почему он упорно противится тому, чтобы мы обсудили такую возможность с прокурором?»

Над этим вопросом Ричард Мур и сам неоднократно размышлял и, кажется, нашел на него ответ. Грегу Олдричу необходимо было убедить не только присяжных, но и самого себя в собственной невиновности. Всего однажды Грег упомянул о том, как, придя домой в то утро, когда погибла Натали, удивился, почти испугался, увидев, что его пробежка заняла больше двух часов. «Неужели он настолько отказывался поверить в содеянное, — думал Мур, — что сознание само отгородило его от ужасных воспоминаний? Наверняка, ведь мне приходилось сталкиваться с подобной реакцией. И мы с Коулом склоняемся к мысли, что убийство, с большой долей вероятности, — дело рук Олдрича...»

Подошел официант. Все трое заказали эспрессо, а десертом решили пренебречь. Ричард Мур откашлялся.

— Грег, — мягко начал он, — я стараюсь делать для тебя все, что в моих силах, поэтому должен снова поднять эту тему. Хоть ты и не поддерживал наше желание обсудить с прокурором прошение о снисхождении, но еще не поздно подать его на рассмотрение. Тебе, возможно, предстоит провести остаток жизни в тюрьме. Однако, как мне кажется, этот процесс — головная боль и для обвинения. Я искренне верю, что смогу выторговать приговор всего в двадцать лет. Срок, конечно, немалый, но, когда он истечет, тебе будет лишь немного за шестьдесят, у тебя еще останется надежда на что-то хорошее...

— Двадцать лет! — воскликнул Олдрич. — Всего-то двадцать лет! Может, позвоним им прямо сейчас? Ведь если промедлим, они могут и пожадничать!

Он уже почти кричал и в сердцах швырнул на стол салфетку. В комнате снова появился официант, и Олдрич сделал видимое усилие, стараясь взять себя в руки. Когда официант удалился, некоторое время Грег посматривал то на Ричарда, то на Коула, а затем произнес:

— Вот мы трое устроились тут в дорогих костюмах, ужинаем в частном зале ресторана на Парк-авеню, и вы предлагаете спасти меня от смерти за решеткой, отсидев каких-то двадцать лет. И то лишь в том случае, если мне будет оказана такая милость! — Грег залпом опрокинул в себя чашечку с эспрессо. — Ричард, завтра я предстану перед судом. Но это не значит, что я бросаю дочь на произвол судьбы. Кстати, прошу учесть одно крохотное, но немаловажное обстоятельство: я очень любил Натали. И никто на свете не убедит меня, что я мог сотворить с ней такое. Впрочем, я уже не раз повторял вам: я намерен дать показания. А теперь, если вы не возражаете, я пойду к себе и постараюсь хоть немного выспаться. Завтра утром в восемь я зайду за вами в офис, и мы вместе отправимся в суд. Чтобы поддержать друг друга, надеюсь...

Оба Мура переглянулись, и Ричард ответил:

— Грег, я больше не заговорю об этом. Мы им устроим райскую жизнь. Обещаю тебе, Истон у меня будет вертеться, как уж на сковороде.

Пятнадцатого сентября начался процесс «Штат Нью-Джерси против Грега Олдрича». Председательствовал на нем distinguished Кэлвин Стивенс, заслуженный ветеран судебного фронта, первым из афроамериканцев получивший должность в Высшем суде округа Берген и снискавший репутацию строгого, но справедливого человека.

Пока выбирали состав присяжных, Эмили украдкой оглянулась на Олдрича и его адвоката Ричарда Мура. Еще в период подготовки дела Эмили не раз ловила себя на мысли, что подозреваемый нашел для представления своих интересов в высшей степени правильного человека. Мур уже разменял седьмой десяток, он был хорош собой, худощав, с пышной копной тронутых сединой волос. Его безупречный темно-синий костюм в купе с голубой рубашкой и синим в крапинку галстуком, внушали спокойную уверенность. Эмили знала, что адвокаты такого типа всегда демонстрируют дружелюбие и уважение по отношению к присяжным, чем вызывают их искреннее расположение.

Также Эмили понимала, что на подобное отношение со стороны адвоката могут рассчитывать и те свидетели, которые не представляют опасности для его клиента, — для других же у него заготовлены острейшие жала. Эмили загодя ознакомилась с послужным списком Мура; среди его удач числились и те случаи, когда обвинение вынужденно привлекало в свидетели закоренелых преступников вроде Джимми Истона. Вот и теперь сложилась подобная ситуация: Истон утверждал, что подозреваемый подстрекал его к убийству жены.

Рядом с Муром сидел его сын Коул, которого Эмили знала с самой лучшей стороны. Пять лет назад он стал партнером отца по работе, а до этого четыре года служил помощником прокурора в том же учреждении, что и она. Коул был неплохим юристом, и они с Ричардом могли выстроить крепкую защиту.

По другую сторону от адвоката находился обвиняемый. Для человека, которому грозило пожизненное заключение, он выглядел вполне спокойным и уравновешенным. В свои сорок два Олдрич слыл одним из лучших импресарио в сфере театрального бизнеса. Все отмечали его остроумие и обаяние — понятно, почему Натали Райнс когда-то не устояла перед его чарами. Эмили было известно, что у Олдрича имеется четырнадцатилетняя дочь от первого брака, живущая вместе с ним в Нью-Йорке. Мать девочки умерла рано, и, исходя из наведенных прокуратурой справок, вдовец надеялся, что Натали заменит сироте мать. Судя по отзывам приятелей погибшей, в этом и заключалась причина разрыва супругов: даже друзья не отрицали, что для Натали карьера была на первом месте.

«Все это они подтвердят на суде, — подумала Эмили. — Опишут присяжным, в какую злобу и отчаяние впадал Олдрич, пока вдруг не сорвался и не застрелил жену».

Джимми Истон... Вот от кого зависела судьба вверенного ей процесса. К счастью, его показания подтвердились: нашлись вполне приличные свидетели, которые должны были повторить под присягой, что за две недели до убийства видели Истона в баре в компании Олдрича. «Но лучше всего то, — размышляла Эмили, — что Истон в точности описал гостиную Олдрича в его нью-йоркской квартире. Пусть теперь Мур ломает над этим голову!»

Впрочем, для осуждения обвиняемого предстояло изрядно попотеть. Судья в обращении к присяжным заявил, что, поскольку слушается дело об убийстве, весь процесс, начиная с выбора состава присяжных и заканчивая их совещанием перед вынесением вердикта, займет, по всей видимости, не меньше месяца.

Эмили снова обернулась: в первом ряду сидели несколько репортеров; они начали фотографировать и снимать на телекамеры Олдрича и адвокатскую команду сразу, как только те

появились в зале. Эмили предвидела, что после утверждения списка присяжных, к моменту вступительных заявлений ее и Мура зал уже будет набит битком. Судья дал разрешение на телетрансляцию заседания, освещать которое поручили Майклу Гордону, ведущему кабельного ток-шоу «В судебных кулуарах».

У Эмили пересохло во рту, она сглотнула. В ее послужном списке имелось уже более двадцати процессов, львиную долю из которых она выиграла, но нынешний случай сулил стать самым сложным в ее карьере. Она еще раз повторила про себя: «На верняк не надейся».

Судья начал опрос кандидатов в присяжные; первой оказалась старушка лет под семьдесят. Подозвав ее к себе, Кэлвин Стивенс поинтересовался, так чтобы не слышали остальные, составила ли она какое-либо представление об обвиняемом. «Да, ваша честь, спросите меня, и я честно отвечу вам: я думаю, что он виновен, как сам грех».

Муру даже не пришлось вмешиваться: судья Стивенс сам употребил власть. Вежливо, но твердо он объявил явно разочарованной бабуле, что ее кандидатура отклоняется.

Утомительная процедура выбора и приведения к присяге всего списка присяжных заняла целых три дня. На четвертый день в девять утра в зале суда собрался утвержденный состав присяжных, а также судья, прокурор, адвокат и сам обвиняемый. Судья Стивенс оповестил присяжных, что сейчас к ним обратятся доверенные лица обеих сторон, дал краткое напутствие по правовым вопросам и пояснил, что, поскольку на прокуроре лежит бремя доказывания, ей первой предоставляется слово.

Набрав в грудь побольше воздуха, Эмили поднялась и подошла к скамье присяжных.

— Доброе утро, леди и джентльмены. Как вам уже сообщил судья Стивенс, меня зовут Эмили Уоллес, я помощник прокурора округа Берген. Мне поручена обязанность представить на ваше рассмотрение и обсуждение улики, которые государственное обвинение собрало против Грега Олдрича. Судья Стивенс уведомил вас, что мое выступление, равно как и последующее вводное заявление мистера Мура, не может быть расценено как доказательство. Устные доказательства вины предоставят вам свидетели, которые дадут свои показания; вещественные доказательства — те, что могут служить уликами, — также будут предложены вашему вниманию. А пока моя цель — в общих чертах изложить версию государственного обвинения, чтобы при вызове свидетелей вы лучше ориентировались в структуре судебного процесса и правильно соотносили информацию. После того как завершится допрос свидетелей, я снова получу возможность к вам обратиться — на этот раз с заключительной речью. Я полностью полагаюсь на ваше здравое мнение и надеюсь, что в итоге смогу констатировать: свидетели обвинения и представленные вещественные доказательства не оставляют никаких сомнений в том, что Грег Олдрич жестоко расправился со своей супругой.

В последующие сорок пять минут Эмили в мельчайших деталях описала ход следствия и обстоятельства, повлекшие за собой обвинительный иск против Олдрича. Она рассказала присяжным, что, по многочисленным отзывам, пятилетний брак подозреваемого с Натали Райнс был вначале очень счастливым, Натали имела успех на сцене, и Олдрич быстро продвигался в качестве ее импресарио. Однако со временем карьерные требования стали вынуждать Натали надолго отлучаться из дома, она часто уезжала на гастроли, что и привело к семейному разладу.

Приглушенным голосом Эмили обрисовала присяжным, как возраставшее недовольство ситуацией постепенно переросло у Олдрича в разочарование, а затем и в откровенную злобу на Натали, которая не желала проводить больше времени с ним и его дочерью. Тонем глубокого сочувствия Эмили поведала, что первая жена Олдрича умерла, когда их малышке Кейти было всего три года, и Натали, по мнению подозреваемого, должна была заменить девочке мать. Кейти исполнилось семь, когда Натали и Грег поженились. Эмили добавила, что ряд свидетелей — бывшие друзья супружеской пары — подтвердят: о с дочерью жалеет душевные силы.

Затем Эмили уведомила присяжных о том, что Натали и Олдрич подписали добрачное соглашение о раздельном содержании большей части финансовых средств. Тем не менее, подчеркнула она, значительная доля прибылей Олдрича пришлась на период сотрудничества с Натали. За год до своей гибели Райнс съехала от мужа, но уверяла его, что они по-прежнему хорошие друзья и она будет только рада, если он останется ее агентом. Однако через несколько месяцев она убедилась, что из-за обиды Олдрича полный разрыв их отношений неизбежен. Так что перед обвиняемым маячила перспектива потерять самого успешного из своих клиентов и от этого сильно пострадать материально.

Эмили сообщила присяжным, что Грег неоднократно пытался добиться у Натали примирения, но получал категорические отказы, чему имеются свидетельские показания. Она

также не обошла вниманием тот факт, что после расставания с мужем Натали купила дом в Клостере, штат Нью-Джерси, в котором прошло ее детство. Дом находился в полчасе езды от квартиры на Среднем Манхэттене, где жил Грег вместе с дочерью. Натали была вдвойне рада таким переменам: новое жилище располагалось в непосредственной близости от ее театра в Нью-Йорке и в то же время пространственно и эмоционально отделяло ее от Грега. Вскоре после переезда Натали приняла бесповоротное решение и подала на развод. Свидетели должны были показать на суде, что Грег ужасно огорчился из-за этого, отказываясь верить в окончательное крушение своего брака.

— Найдутся свидетельства и того, — продолжала Эмили, — что Грег Олдрич, впадая во все большее отчаяние, начал преследовать супругу. В пятницу вечером, за два дня до убийства, он появился на заключительном бродвейском показе спектакля «Трамвай "Желание"» и занял место в последнем ряду, где Натали не могла его видеть. Присутствовавшие на спектакле подтвердят, что Грег на протяжении всего действия сидел с каменным лицом и единственный в зале не поднялся для финальной овации.

Присяжные слушали прокурора очень внимательно, то и дело поглядывая на стол защиты. Эмили говорила не прерываясь.

— На следующее утро, четырнадцатого марта, в субботу, на телефонной станции был зарегистрирован последний звонок Натали Грегу. После обнаружения ее тела Олдрич в своем заявлении признался полиции: жена сообщила ему о том, что на выходные уезжает к себе на Кейп-Код, но в понедельник в три часа непременно будет присутствовать в офисе своего нового агента на Манхэттене, где тот примет у Олдрича дела.

Эмили отметила, что, как пояснил полицейским сам Олдрич, на деловой встрече он вместе с новым импресарио должен был просмотреть в присутствии Натали ее текущие и отложенные контракты. Подозреваемый также поведал, что жена умоляла его не нарушать ее одиночества и ни под каким предлогом ей не звонить.

Тут Эмили в упор посмотрела на Олдрича, словно бросая ему вызов.

— И Грег Олдрич по-своему уважил ее просьбу, — зазвеневшим голосом подчеркнула она. — Изначально он утверждал, что больше не виделся с Натали до самой ее гибели, однако следователи опровергли его слова уликами, которые вскоре оказались в их распоряжении. Буквально через полчаса после этого телефонного разговора кредитной картой Олдрича был оплачен прокат темно-зеленой «Тойоты» типа седан. Ее вернули через двое суток, проехав на ней в общей сложности шестьсот восемьдесят миль. Здесь чрезвычайно важен сам факт аренды автомобиля, поскольку у подсудимого есть собственная машина. Все это время она стояла в гараже.

Снова повернувшись к присяжным, Эмили аргументировано доказала, что пробег автомобиля в данном случае имеет огромное значение, так как путь от Манхэттена до Кейп-Кода и обратно составляет пятьсот сорок миль. И только когда сосед Натали на Кейп-Код, живущий прямо за углом, дал полиции показания, что Олдрич в субботу вечером незадолго до убийства Натали проезжал на темно-зеленой «Тойоте» мимо его дома, подсудимый признался, что действительно был там в указанное время.

— И зачем же подсудимый туда отправился? Олдрич постарается убедить суд присяжных в том, что у него была одна цель — удостовериться, не пригласила ли его номинальная супруга к себе в гости другого мужчину. Олдрич будет уверять вас, что если бы увидел с ней кого-то, то оставил бы все попытки наладить отношения и примирился бы с расставанием.

Эмили красноречиво возвела глаза к потолку и пожала плечами.

— Вот так! — воскликнула она. — После многочисленных упрасиваний наладить

отношения, после откровенной слежки за супругой во взятой напрокат машине этот человек собирался плюнуть на все и согласиться на развод. Однако он вовсе не рассчитывал на наблюдательность соседа, заметившего его за рулем «Тойоты». Грег Олдрич — человек далеко не бедный. На Кейп-Коде нет недостатка в прекрасных гостиницах, но он остановился в дешевом мотеле в Хайянисе. Олдрич признался, что в субботу дважды проехал мимо дома Натали, но не заметил возле него ни незнакомцев, ни чужой машины. И в воскресенье он три раза проделал то же самое — в последний раз в восемь вечера. Наконец ему стало очевидно, что Натали в доме одна. Подозреваемый уверяет, что после этого уехал в Нью-Йорк, потратив на дорогу пять часов, и дома сразу же лег спать. Согласно заявлению Олдрича, в понедельник он проснулся в семь часов утра и в семь двадцать отправился в Центральный парк на пробежку. Там он бегал или пробивался добрых два с половиной часа и в десять утра вернул «Тойоту» в бюро проката, расположенное в шести кварталах от его дома.

В голосе Эмили заметно нарастали саркастические нотки.

— Чем же он объяснил следователям аренду автомобиля, тогда как его роскошное авто преспокойно стояло в гараже? Он заявил, что берег машину перед скорым техосмотром и не хотел накручивать на ней лишние мили. — Она покачала головой. — Какая поразительная бережливость! Я же утверждаю, что Грег Олдрич взял «Тойоту» для того, чтобы Натали, невзначай выглянув в окно, не узнала его автомобиль. Он пытался скрыть от жены свою слежку!

Эмили перевела дыхание.

— Но он изучил все ее привычки. Натали ненавидела водить машину в часы пик. Она предпочла бы ехать ночью или рано утром. Я открыто заявляю вам, что Грег Олдрич знал, когда его супруга должна вернуться обратно — в любом случае в утренние часы понедельника, — и тоже явился в Кластер, надеясь застать ее дома. Олдрич прибыл туда загодя. Свидетельница Сюзи Уолш, служащая домработницей у соседки Натали, расскажет вам, что видела, как актриса заводила машину в гараж. Это было без нескольких минут восемь. Позже Уолш поведаст вам, что через пять часов, то есть в час дня, она проезжала мимо дома Натали Райнс и обратила внимание на дверцу машины Натали, которая по-прежнему была открыта. Свидетельница, сразу почувствовав неладное, решила войти в дом и нашла раненую актрису на полу в кухне. Детективы подтвердят, что никаких следов насильственного вторжения обнаружено не было, а мать Натали сообщит вам, что ее дочь хранила запасной ключ от черного хода на заднем дворике, в фальшивом камне. Ключ пропал, и, что еще более важно, Грег Олдрич знал, где его искать, потому что сам покупал для Натали этот тайник. Государственное обвинение признает, что не располагает никакими вещественными доказательствами, указывающими на непосредственную причастность Олдрича к преступлению. Руководствуясь этим, несмотря на наличие существенных косвенных улик, прокуратура округа Берген за два года следствия не сочла подозрения против Грега Олдрича достаточным основанием для его ареста. Его задержали лишь полгода назад после столь необходимого прорыва в ведении дела, который наступил благодаря появлению нового свидетеля — Джимми Истоны.

«Вот здесь придется помучиться», — подумала Эмили, глотнув воды.

— Сославшись на мистера Истоны, я сразу же замечу, что он преступник-рецидивист. За двадцать лет он был неоднократно осужден за тяжкие уголовные правонарушения и отбыл несколько сроков в тюрьме. Полгода назад он снова содеял то, что привык совершать на протяжении всей своей сознательной жизни, то есть очередное преступление. Истон вломился в дом в Олд-Таппане, но был пойман при попытке вынести деньги и драгоценности. Полиция предотвратила эту кражу благодаря установленной в доме бесшумной сигнализации, которую случайно задел грабитель. Понимая, что ему в очередной раз грозит немалый тюремный срок, Истон в период содержания в местном полицейском участке заявил, что располагает важными

сведениями касательно убийства Натали Райнс. К нему немедленно выехали следователи из прокуратуры и допросили его.

Все присяжные слушали Эмили крайне сосредоточенно. Она сразу почувствовала их негативную реакцию на уголовную биографию Истона, включающую в себя кражу со взломом, воровство, подделку документов и торговлю запрещенными медикаментами. Прежде чем перейти к фактам, которые Истон изложил следователям, Эмили подчеркнула, что присяжные, вне всякого сомнения, могут доверять этому свидетелю только при наличии серьезных доказательств, подтверждающих правдивость его версии.

Эмили прямо сказала присяжным, что, как они, возможно, догадались, мистер Истон сотрудничает со следствием вовсе не по доброте душевной. Прокуратура в обмен на его показания согласилась удовлетворить его просьбу и ограничить срок заключения за недавнюю кражу до четырех лет, что на шесть лет меньше обычного десятилетнего срока, который получает правонарушитель в подобных случаях. Эмили уточнила, что иногда сделка, влекущая признание подсудимым своей вины и освобождающая его от дальнейших судебных разбирательств, является необходимостью, так как позволяет получить сведения о более тяжких преступлениях. Она подчеркнула, что Истон в любом случае не избежит наказания, хотя может надеяться на некоторые льготы при отбывании срока.

От Эмили не укрылось, с каким вниманием слушали ее присяжные, ловя буквально каждое слово. Она еще раз перевела дух и изложила факты, которыми поделился со следователями Джимми Истон. За две недели до убийства Натали Райнс он случайно встретился с Грегом Олдричем в одном из баров на Манхэттене. Истон уверял, что Олдрич был очень подавлен и пил рюмку за рюмкой. Они сидели в баре рядом, и подозреваемый сам заговорил со свидетелем. Он намекнул, что хочет как-нибудь избавиться от своей жены. В полиции Истон признался, что незадолго до этого был условно-досрочно освобожден и из-за судимости не мог найти постоянную работу. В то время он снимал комнату в Гринвич-Виллидж и перебивался случайными заработками.

— Господа присяжные! Джимми Истон сообщил Олдричу о своем криминальном прошлом и дал понять, что за сходное вознаграждение будет рад помочь разрешить проблему. Олдрич предложил пять тысяч долларов задатка и двадцать тысяч долларов — после исполнения заказа. Вы услышите от мистера Истона, что они сразу заключили сделку и Олдрич прямо в баре подробно проинформировал нового знакомого о рабочем графике Натали и месте ее проживания. Вы также узнаете, леди и джентльмены, о звонке с сотового телефона Олдрича на мобильник Истона; звонок был зарегистрирован оператором. Джимми Истон расскажет о том, как побывал в квартире Грега Олдрича, интерьер которой вам подробно опишет, и получил там аванс в пять тысяч долларов. Далее мистер Истон признается вам, как впоследствии его обуял неописуемый страх, что его схватят на месте преступления и остаток своих дней он проведет в тюрьме. Свидетель известит вас и о том, что с этими мыслями он написал мистеру Олдричу письмо, где отказался от прежнего намерения. Леди и джентльмены! Я имею смелость утверждать, что именно в тот момент Грег Олдрич принял фатальное решение самостоятельно убить свою жену Натали Райнс.

Эмили закончила речь, поблагодарив присяжных за внимание, и судья представил мистера Мура. Эмили вернулась на место, незаметно кивнув при этом Теду Уэсли, сидевшему в первом ряду. «Как хорошо, что все позади, — подумала она. — Кажется, я выступила неплохо. Теперь послушаем, как Мур преподает нашего главного свидетеля».

Адвокат поднялся и театрально встряхнул головой, словно отменяя от себя весь тот вздор, который поневоле выслушал. Он поблагодарил судью, неторопливо подошел к скамье присяжных и слегка оперся об ограждение. «Ни дать ни взять, добрые соседушки судачат у плетня, —

звительно подумала Эмили. — Его излюбленный прием. Набивается им в друзья».

— Леди и джентльмены, меня зовут Ричард Мур. Мы с моим сыном Коулом представляем здесь интересы Грегга Олдрича. Мы хотели бы начать с выражения вам признательности за то, что вы несколько недель вашего личного времени уделили этому судебному заседанию. Мы оба очень ценим ваше участие, и оно также имеет безусловную важность, поскольку жизнь и судьба Грегга Олдрича в буквальном смысле в ваших руках. Немало времени было потрачено на отбор присяжных, и нынешний состав нас удовлетворяет, поскольку мы с Гретом Олдричем видим в вас людей, способных судить по справедливости. На большее мы не претендуем. Обвинитель в течение часа посвящала вас в обстоятельства дела, часть из которых представлены как улики. И вы слышали то же, что и я: почти два года следствие обходилось без задержания. Очень долго единственным известным полиции фактом оставался тот, что Грег и Натали, как и множество других пар, переживали развод. И как многие другие, проходящие через подобное, Грег Олдрич испытывал сердечные муки. Он еще даст свои показания, еще объяснит вам, как объяснял детективам задолго до своего ареста, что ездил на Кейп-Код, лишь желая удостовериться, что у его жены нет нового увлечения. Он поступил так, поскольку хотел узнать доподлинно, есть ли смысл в дальнейших поисках примирения. Грег также сообщит вам следующее: увидев, что у Натали в гостях никого нет, он тут же уехал с Кейп-Кода и направился в Нью-Йорк, даже не попытавшись поговорить с супругой. Помощник прокурора Уоллес сделала изрядный акцент на тех двух часах, когда Грег Олдрич отсутствовал в своей квартире в утро убийства Натали Райнс. Вам, однако, еще предстоит узнать, что утренняя пробежка входит в число его давних привычек. Обвинитель надеется, что вы поверите в возможность добраться в час пик от Нью-Йорка до Нью-Джерси, застрелить человека и затем, счастливо избегнув пробок на дорогах, вернуться обратно — и все за каких-то два часа! Вас пытаются убедить, что возможно убить жену, за которой не числится связи с другим мужчиной и с которой отчаянно желаешь воссоединиться. Такими были основные улики против Грегга Олдрича, пока в поле зрения не возник Джимми Истон, этот образцовый гражданин, палочка-выручалочка для следствия, человек, который одну половину сознательной жизни провел за решеткой, а другую — на поруках.

Мур снова тряхнул головой и продолжил тоном, полным сарказма:

— Недавно Джимми Истон был вновь пойман на грабеже одного из домов в этом округе и задержан при попытке к бегству. В очередной раз он грубо посягнул на неприкосновенность семейного очага и чужого имущества.

К счастью, сработала бесшумная сигнализация, и полиция вовремя его схватила. Но злоумышленник не стал отчаиваться, ведь у него на руках был счастливый билет, избавлявший от положенного десятилетнего срока. Таким билетом для него явился Грег Олдрич! Вы еще услышите, как патологический лжец и социопат Истон из мимолетной случайной встречи в баре, где разговор шел исключительно о бейсболе, состряпал зловецкий заговор с целью убийства женщины, которую Грег так любил. Вы узнаете, что для совершения этого преступления Олдрич якобы предложил совершенно незнакомому человеку двадцать пять тысяч долларов. Истон будет уверять вас, что принял это предложение, но очень скоро его вдруг замучила совесть — вероятно, впервые за всю его бесполезную жизнь, — и он уклонился от выполнения своего обещания. Вот чушь, которой потчует вас обвинение! Вот те улики, на основании которых вы можете сломать жизнь Грегу Олдричу! Леди и джентльмены, повторяюсь, что Грег Олдрич даст свои показания в числе прочих и сможет вполне удовлетворить ваше любопытство по поводу того, каким образом

Истон смог описать интерьер его гостиной и ничем Олдричу понадобилось ему звонить.

Обернувшись и многозначительно указав на Эмили, Мур громогласно изрек:

— Впервые вместо того, чтобы преследовать по закону человека, на счет которого более

двадцати преступлений, власти заручились его помощью!

С этими словами защитник прошел на свое место, а судья обратился к Эмили:

— Обвинитель, вызывайте первого свидетеля.

С того момента, как Сюзи Уолш обнаружила истекавшую кровью Натали, она стала настоящей знаменитостью среди своих знакомых. Бесчисленное число раз она пересказывала им одну и ту же историю: возвращаясь с работы, она увидела, что дверца машины Натали и ворота ее гаража распахнуты, как и пятью часами ранее. Сюзи сразу подумала, что в этом таится что-то недоброе.

«Не знаю, почему я решила проверить, хотя мне было страшновато: вдруг заберут в полицию за вторжение? — доверительно делилась она с соседями. — А потом я вошла и увидела на полу эту прелестную женщину, как она корчилась и стонала, а ее белый свитер весь напитался кровью. Честное слово, я сама едва не умерла! Руки у меня так тряслись, что я набрала девять-один-один, но не поняла даже, дозвонилась или нет. А потом...»

Когда полиция назвала мужа Натали, Грега Олдрича, подозреваемым в убийстве, Сюзи подумала, что, возможно, его дело доведут до суда, а потому решила побывать на нескольких заседаниях суда округа Берген, где разбирались уголовные преступления. Ей хотелось заранее освоиться с процедурой на тот случай, если вдруг ее вызовут как свидетельницу. Слушать прения было увлекательно. Сюзи отметила, что некоторые свидетели страдали излишней болтливостью, так что судья одергивал их и велел отвечать на вопросы, избегая оценочных суждений. Она призналась себе в том, что для нее это будет нелегкой задачей.

Через два года Олдричу предъявили формальное обвинение в убийстве Натали, и Сюзи уже не сомневалась: роли свидетельницы ей не миновать. Она тут же пустилась с подругами в обсуждения, что ей следует надеть на заседание.

— Ты ведь, наверное, попадешь на первые полосы газет, — предупредила ее одна из приятельниц. — На твоём месте я бы купила себе приличный брючный костюм, чёрный или коричневый. Ты, конечно, больше любишь красный, но это будет слишком жизнерадостный цвет для такой истории.

В своём излюбленном магазинчике Сюзи нашла в точности то, что искала. Ей приглянулся костюм из коричневого твида с темно-красным вкраплением. Красный цвет был не просто любимым — он всегда приносил ей удачу. Его присутствие в общей гамме придавало Сюзи уверенности, к тому же покрой обновки очень стройнил ее силуэт четырнадцатого размера.

Как бы там ни было, Сюзи с замиранием сердца подходила к свидетельской трибуне, даже, несмотря на то, что накануне покрасила и уложила волосы. Опустив руку на Библию, она поклялась говорить всю правду и ничего, кроме правды, и заняла свидетельское место.

«Какая хорошенькая эта прокурорша Эмили Уоллес, — подумала Сюзи. — Совсем молодая, а ведет такое сложное дело». Манеры государственной обвинительницы ей также пришлись по душе, и уже после первых ее вопросов свидетельница почувствовала себя гораздо свободнее. Она столько раз успела изложить события того дня своим знакомым, что теперь отвечала без запинки.

При помощи Эмили она поведала суду, что вошла в открытый гараж Натали Райнс, заметила в машине актрисы сумочку и чемодан, а затем постучалась в дом. Когда ей никто не открыл, Сюзи толкнула дверь и попала в кухню. Она хотела также объяснить, что вообще-то являться без приглашения — вовсе не в ее правилах, но в тот раз было совсем другое дело, поскольку явно было что-то не так... Однако она ничего этого не сказала, напомнив себе: «Отвечай на вопросы — и все».

Затем Эмили Уоллес попросила Сюзи описать то, что она увидела в кухне.

— Я сразу увидела ее. Еще два шага, и я бы об нее споткнулась.

— Кого «ее», мисс Уолш?

— Натали Райнс.

— Была ли она жива?

— Да. Она стонала, как зашибленный котенок.

Сюзии услышала в зале всхлипывания. Ее глаза тут же отыскивали в третьем ряду женщину, знакомую ей по газетным снимкам. Это была тетя Натали Райнс. Она торопливо достала из сумочки платок и прижала его к губам. Сюзии видела, что лицо престарелой дамы исказилось страданием, но больше она не проронила ни звука.

Далее Сюзии сообщила, как позвонила в службу «911» и опустилась на колени рядом с Натали.

— У нее весь свитер был в крови... Я не поняла, слышит ли она меня, но ведь бывает, что человек только с виду без сознания, а на самом деле слышит, если к нему обращаешься, поэтому я заверила ее, что все будет хорошо и скоро приедет «неотложка». А она вдруг перестала дышать...

— Вы прикасались к ней?

— Я положила руку ей на лоб и погладила по голове, давая понять, что я рядом. Ей ведь, наверное, было очень страшно, ну, лежать там на полу раненой и знать, что умираешь... Мне было бы страшно, честное слово!

— Возражаю! — воскликнул Ричард Мур, вскочив со стула.

— Возражение принимается, — постановил судья. — Мисс Уолш, будьте любезны, ответьте на вопрос без дополнительных комментариев. Обвинитель, повторите вопрос.

— Вы прикасались к ней?

— Я положила руку ей на лоб и погладила по голове, — осторожно произнесла Сюзии, напуганная выпадом защитника.

Однако когда подошла очередь Мура, он не задержал свидетельницу и обращался к ней вполне дружелюбно. Сюзии испытала смущение, когда вынуждена была признаться защитнику, что почти всегда, возвращаясь днем с работы, проезжала мимо дома Натали, хотя для этого требовалось огибать целый квартал, прежде чем свернуть на шоссе. Правда, пояснив, что она боготворила Натали и была готова ловить момент, лишь бы хоть краешком глаза взглянуть на своего кумира, Сюзии заметила в зале понимающие улыбки.

— Когда вы в последний раз видели Натали Райнс — до того, как попали в ее дом? — спросил Мур.

— Я уже говорила: тем же утром, когда она выходила из своей машины.

— Вопросов больше нет, — коротко сообщил судье защитник.

К разочарованию Сюзии, все закончилось слишком быстро. Сойдя со свидетельской трибуны, она постаралась как можно лучше рассмотреть Грега Олдрича. «Симпатичный мужчина, — подумала она. — Теперь понятно, почему Натали Райнс хоть и красавица, а влюбилась в него. И глаза такие печальные... Какой же он притворщик. Даже противно!»

Сюзии вышла из зала суда в надежде, что Олдрич заметил, каким презрительным взглядом она его смерила.

Из-за давней дружбы с обвиняемым и колких замечаний Кейти Майкл Гордон не мог остаться равнодушным к процессу «Штат Нью-Джерси против Грега Олдрича». Тем не менее, для него самого полной неожиданностью стала его собственная почти фаталистическая уверенность не только в том, что Грег виновен в гибели Натали, но и в том, что его непременно осудят.

Как и ожидал Майкл, дело вызвало всеобщий интерес. Натали Райнс была ведущей бродвейской актрисой и номинанткой на «Оскар». Олдрича, завсегдатая звездных тусовок, с легкостью узнавали на страницах таблоидов алчные до сенсаций читатели. После гибели Натали папарацци устроили за ним настоящую охоту: стоило ему появиться на вечеринке с какой-нибудь актрисой, сразу распространялись слухи об их романе. Желтая пресса на самом видном месте размещала заголовки о том, что Грег назван подозреваемым в убийстве своей жены.

Майкл понимал: и Олдричу есть, что сказать на суде. Однако остроту начавшемуся процессу придал дополнительный и неожиданный элемент: газеты не обошли вниманием молодую и привлекательную обвинительницу Эмили Уоллес и ее талантливое ведение дела.

Будучи в недалеком прошлом адвокатом, Майк сразу понял, что Эмили побуждает суд исключить всякую возможность непреднамеренного убийства. Билли Трайон и Джейк Розен, следователи из прокуратуры, дали суду предельно ясные показания, быстро и вразумительно ответив на все вопросы обвинителя. Они подтвердили, что не было обнаружено никаких следов взлома в доме жертвы. Сигнализация осталась без повреждений. Опытный грабитель мог бы простым консервным ножом вскрыть небольшой сейф, спрятанный в спальне актрисы во встроенном шкафу, но его никто даже не тронул. Данные с места преступления свидетельствовали, что злоумышленник скрылся с черного хода, пробежал через задний дворик и рожицу и оказался на ближайшей улице. Накануне ночью был дождь, поэтому преступник, предположительно, воспользовался пластиковыми бахилами, которые надел поверх ботинок. Четких отпечатков следов обнаружить не удалось, но на участке с мягким дерном сохранились две характерные вмятины, по которым установили размер ноги — между десятым и двенадцатым. Грег Олдрич носил обувь одиннадцатого размера.

К доказательствам приобщили формуляр системы безопасности. Как показал наладчик, в последний раз сигнализацию включали тринадцатого марта, в пятницу, в четыре часа дня, а в полдвенадцатого ночи выключили и с тех пор больше ею не пользовались. То есть дом не был защищен от вторжения ни в выходные, ни в утро понедельника, когда была убита Натали.

Мать жертвы Элис Миллз сообщила со свидетельской трибуны, что ее дочь прятала запасной ключ от дома в Клостере в фальшивом камне на заднем дворике.

— Грег, конечно, знал о тайнике, — заявила она суду. — Он сам купил его для Натали. Пока они жили вместе, она постоянно теряла или забывала ключ от квартиры, поэтому, когда Натали переехала в Клостер, Грег посоветовал ей хранить где-нибудь дубликат, чтобы как-нибудь ночью не остаться на улице.

Последнее замечание Элис Миллз вычеркнули из протокола, однако все в зале слышали ее слова. Неожиданно она зарыдала и прокричала, обращаясь к Грегу: «Ты всегда был таким заботливым! Почему же ты вдруг изменился? Почему так ненавидел ее, что совершил убийство?»

Следующим свидетелем выступил продавец из Брукстоуна. Он представил суду кассовый чек, удостоверяющий, что Грег Олдрич расплатился за тайник для Натали кредитной картой.

Заключение медицинской экспертизы оперировало терминами, лишенными эмоций. Положение тела указывало на то, что на жертву напали сразу же, как она переступила порог

кухни. Опухоль на затылке давала возможность предположить, что Натали Райнс сначала схватили, затем толкнули на пол и застрелили с близкого расстояния. Пуля прошла в непосредственной близости от сердца. Причиной смерти явилось внутреннее кровоотечение.

— Если бы Натали оказали помощь сразу после ранения, ее можно было бы спасти? — спросила обвинитель.

— Вне всякого сомнения.

В тот вечер эксперты передачи «В судебных кулуарах» сосредоточили свое обсуждение на Эмили Уоллес.

— Тот взгляд, который она метнула на Грега Олдрича, когда задала последний вопрос судмедэксперту, — это же чистейшая игра на зрителя, — прокомментировал Питер Ноулз, прокурор в отставке. — Она давала понять суду, что Олдрич после того, как выстрелил в Натали, вообще-то мог бы спасти ей жизнь. А вместо этого он оставил ее истекать кровью.

— Тут есть еще один момент, — веско заметил Бретт Лонг, криминальный психолог. — Зачем бы он стал действовать наудачу — вдруг кто-нибудь заглянул бы в дом после его ухода и оказал бы помощь раненой? Олдрич или другой стрелявший был уверен, что с ней покончено.

Эта же мысль посетила и Майкла. «Почему не я первый ее выразил? — спросил он себя. — Не потому ли, что избегаю оказывать Грегу хоть малейшую поддержку? И до конца ли я уверен в его виновности?» Однако вместо того, чтобы одобрить замечание Бретта Лонга, Майк произнес:

— Эмили Уоллес обладает редким даром внушать каждому присяжному, что она обращается непосредственно к нему. А мы-то с вами знаем, какой это результативный метод.

К концу второй недели процесса телезрителям предложили на интернет-сайте передачи оставить свои мнения относительно виновности Олдрича. Количество ответивших превзошло все мыслимые ожидания, и семьдесят процентов из них проголосовали за вердикт «виновен». Когда один из участников ток-шоу поздравил ведущего с таким горячим откликом, Майклу вспомнилось горькое замечание Кейти о том, что его, пожалуй, премируют за проделанную работу.

По мере того как сеть, сплетаемая вокруг Грега Олдрича, с каждым днем становилась все плотнее, у Майкла крепло ощущение, что он бросил своего друга в беде и, более того, самолично настраивает против него общественность. «А что же присяжные?» — думал он. Хотя им и не полагается следить за освещением процесса в средствах массовой информации, Майку было крайне интересно, сколько из них каждый вечер наблюдают за ходом дискуссии в его передаче и повлияли ли на них результаты голосования.

Смотрит ли ток-шоу «В судебных кулуарах» сам Грег — после того, как возвращается из зала суда домой? Что-то подсказывало Майклу, что все же смотрит... Также ему любопытно было узнать, не возникали ли у Грега — так, совершенно случайно — те же ощущения относительно Эмили Уоллес, что и у него: не казалось ли ему, что она чем-то явно напоминает Натали...

Зак понимал, что допустил ошибку: ни в коем случае не следовало оставаться вечером у нее на веранде и смотреть телевизор, зная, что она скоро вернется с работы. Он заметил, какими настороженными сразу стали ее глаза, и до чего холодно она поблагодарила его за заботу о Бесс...

Понимал он и то, что единственной причиной, по которой она до сих пор не отказалась от их договоренности, был ее нынешний процесс, но совершенно очевидно, что вскоре Эмили отыщет какой-нибудь удобный повод и отделается от его помощи. Или еще хуже: попытается навести о нем справки. Все-таки она прокурор... Нельзя, чтобы у нее возникли подозрения.

В те месяцы, когда он замыслил отомстить Шарлотте, ее матери и детям, он придумал свое будущее имя: Закари Лэннинг. Свои предыдущие имена он силится напрочь забыть, но иногда, во сне, они все же всплывали на поверхность его сознания.

В Де-Мойне Зак звался Чарли Муиром. В той жизни он трудился электриком и являлся членом добровольческой пожарной дружины. Шарлотта была его третьей женой, но сама она об этом не догадывалась; Чарли и Шарлотта — премилое сочетание. На свои сбережения он купил им дом, а через два года жена вышвырнула его за порог, а на его место вселились ее мать и дети. «Оккупировала мой собственный дом, — думал он со злобой о теще, — хотя за всю нашу с Шарлоттой жизнь не навестила ни разу...» Шарлотта подала на развод, и ей присудили и дом, и алименты, поскольку она пожаловалась, будто ей пришлось бросить любимую работу и стать домохозяйкой, готовя для мужа еду. Шарлотта была лгуньей: свою работу она терпеть не могла.

А потом оказалось, что Шарлотта встречается с одним парнем из пожарного депо, с Риком Морганом. И этот Рик, в свою очередь, наущничал кому-то, будто Шарлотта порвала с мужем, потому что боялась его, он вгонял ее в дрожь...

С каким наслаждением Зак наблюдал, как Эмили Уоллес тратит целое лето на сбор фактов, добиваясь обвинительного вердикта для парня, который убил свою жену! «И она его укатает, как же иначе, — размышлял Зак, — такая умница-разумница. И невдомек этой умнице, что я замочил пятерых разом!» Его тщеславие тешило то, что имя и лицо Эмили постоянно мелькали в прессе и на телевидении, словно поздравляя с успехом и его.

«Сейчас я — самый близкий ей человек, — рассуждал про себя Зак. — Я проверяю ее электронную почту. Роюсь в ее столе. Прикасаюсь к ее белью. Читаю письма, которые посылал ей муж из Ирака. Я знаю Эмили лучше, чем она сама».

Однако прежде всего необходимо было успокоить ее подозрения. Зак стал разузнавать по соседству и отыскал старшеклассницу, которая хотела найти подработку на время после уроков. В пятницу, по истечении второй недели процесса, он увидел, как Эмили выходит из машины, и направился к ней.

— Эмили, прошу прощения, но на складе меня поставили в другую смену, какое-то время я буду работать с четырех до одиннадцати вечера, — солгал Зак. — Поэтому вам с Бесс придется трудновато...

На этот раз, к его горькой обиде, он прочитал в глазах Эмили искреннее облегчение. Тогда он сообщил о девочке, которая жила в квартале от них и согласилась вместо него выгуливать и кормить Бесс — по меньшей мере, до Дня благодарения, когда у нее начнутся репетиции в школьном театре.

— Зак, вы невероятно любезны, — ответила Эмили. — На самом деле я теперь буду заканчивать раньше, так что помощь мне больше не потребуется.

За ее словами он услышал «никогда». Зак мог поклясться, что Эмили больше никому не

позволит хозяйничать в ее доме.

— Что ж, вот на всякий случай ее телефон, а вот ваши ключи... — Избегая смотреть ей в глаза, он добавил застенчиво: — Я ведь каждый вечер смотрю эти «Судебные кулуары». Вы просто молодец. Жду не дождусь, как вы уделаете этого Олдрича, когда его вызовут давать показания. Он наверняка ужасный мерзавец.

Эмили с улыбкой поблагодарила и засунула ключи поглубже в карман. Поднимаясь по ступенькам крыльца к двери, она подумала: «И слава богу, что все так закончилось. Я ломала голову, как от него отделаться, а бедняга сам все сделал».

Прищурившись, Зак смотрел ей вслед. Как когда-то Шарлотта выбросила его вон из дома, так и Эмили теперь вышвырнула его из своей жизни. Зря он надеялся, что она согласится на помощь той школьницы и наймет ее заботиться о собачке, а потом с радостью пригласит его обратно. Этому не бывать.

Ярость, которая, бывало, окатывала его как волной, вновь овладела всем его существом. И Зак все для себя решил. «Теперь твой черед, Эмили, — подумал он. — Отказа я не приму. Я к этому не привык и не собираюсь привыкать».

Войдя в дом, Эмили вдруг ощутила необъяснимую тревогу и два раза провернула за собой ключ в замочной скважине. А на веранде, выпуская Бесс из конуры, она прониклась неожиданной идеей, что неплохо бы поставить засов на дверь черного хода.

«Откуда они взялись, все эти опасения? — спрашивала себя Эмили. — Наверное, во всем виноват процесс... Я постоянно обсуждаю жизнь Натали и поневоле начинаю чувствовать себя на ее месте».

С самого начала процесса для Грега Олдрича вошло в привычку отправляться из зала суда в офис своего адвоката и вместе с ним пару часов разбирать показания свидетелей обвинения, которые выступали в этот день. Потом он на такси отправлялся домой. Кейти неукоснительно присутствовала на всех заседаниях суда, как и собиралась, условившись с отцом, что по окончании слушания, около четырех часов дня, будет возвращаться домой и заниматься с репетитором. По настоянию отца Кейти также согласилась хотя бы иногда встречаться с одноклассницами, с которыми когда-то училась вместе на Манхэттене — до того, как стала пансионеркой школы Чоат в Коннектикуте.

Совместные вечера отец и дочь проводили с просмотром ток-шоу «В судебных кулуарах». Кадры очередного дня заседаний и выражаемые экспертами мнения неизменно сердили девочку, порой доводя до слез.

— Папа, почему Майкл ни разу за тебя не заступился? — возмущалась она. — Когда мы катались вместе на лыжах, он казался таким хорошим и всегда говорил, что ты очень помог Натали в ее карьере. Почему же теперь он не повторит это зрителям, ведь тебе бы это так помогло!

— Мы еще ему покажем, — уверял в таких случаях Грег. — Больше не будем кататься с ним на лыжах.

И он в шутливом негодовании грозил телевизору кулаком.

— Ну, папа! — прыскала от смеха Кейти. — Я же серьезно.

— И я серьезно, — печально отзывался отец.

Грег признавался себе, что в те несколько вечерних часов, когда дочь уходила повидаться с друзьями, он получал столь необходимую передышку. Днем он ощущал, как любовь Кейти, которая в зале суда сидела за его спиной, согревает его, как теплое одеяло. Но иногда ему просто хотелось побыть в одиночестве.

В тот вечер он снова уговорил дочь встретиться с кем-нибудь из знакомых, пообещав, что в клубном ресторане, расположенном в их доме, закажет себе ужин с доставкой. Однако после ухода Кейти Грег налил себе двойной шотландский виски со льдом и уютно устроился в спальне перед телевизором с дистанционным пультом в руке. Он собирался в очередной раз посмотреть передачу Майкла, но сначала ему необходимо было основательно порыться в памяти.

Несколько часов назад адвокаты Ричард и Коул Муры напомнили ему, что на завтра назначено выступление свидетеля Джимми Истона и что исход процесса полностью зависит от правдивости его показаний.

— Грег, его ключевое — в прямом смысле ключевое! — заявление состоит в том, что вы с ним встречались в твоей квартире, — предупредил его Ричард. — Я в который раз спрашиваю; была ли у него хоть крохотная возможность попасть к тебе в гости?

Отвечая своему адвокату, Грег не удержался и вспылал:

— Я никогда не приглашал этого вруна к себе домой, и хватит об этом!

Но все же вопрос Ричарда не давал ему покоя «Как может Истон утверждать, что был у меня? Или я повредился в уме?»

Глотнув еще виски, Грег почувствовал, что достаточно собрался с духом для просмотра «Судебных кулуаров», однако стоило передаче начаться, как благотворный эффект от элитного шотландского напитка улетучился. Семьдесят пять процентов зрителей, проголосовавших на сайте передачи, сочли его виновным. «Семьдесят пять процентов! Целых семьдесят пять!»

Грег не верил своим глазам. На экране возникли кадры дневного заседания, где Эмили

Уоллес в упор на него смотрела. И вновь, как и в зале суда, он поежился, прочитав презрение и осуждение в ее взгляде. А сейчас все телезрители стали этому свидетелями. «Невиновен, пока вина не доказана, — с горечью подумал Грег. — А уж она-то постарается доказать, что я виновен».

Помимо их очевидного противостояния что-то в облике Эмили Уоллес смущало его и выбивало из равновесия. Один из гостей передачи назвал ее выступление на суде «игрой на зрителя», и Грег согласился с этим. Он прикрыл веки, убавил громкость телевизора, сунул руку в карман и извлек оттуда сложенный листок бумаги; в этот день на заседании суда он заполнил записями не одну страницу.

На листке он обозначил некоторые выкладки. Счетчик взятой напрокат машины вначале показывал пятнадцать тысяч двести миль; когда Грег сдавал ее обратно, набежало еще шестьсот восемьдесят. Путешествие от Манхэттена до Кейп-Кода и обратно насчитывает пятьсот сорок миль. С субботы до вечера воскресенья он пять раз мотался туда-сюда между мотелем в Хайянисе и домом Натали в Деннисе. На каждую такую поездку приходится примерно по двадцать миль. Всего за это время он должен был накатать не больше ста миль.

«Все равно остается еще столько пробега, что вполне хватило бы на поездку до дома Натали, где я мог убить ее и успеть вернуться на Манхэттен, — размышлял Грег. — Неужели это все-таки сделал я? Вроде раньше мне не доводилось бегать по два часа и больше. Я что, настолько отключился от реальности, что сам не помню, как убил ее? И я оставил ее там истекать кровью?»

Грег открыл глаза и добавил звук на телевизоре. Его бывший близкий друг Майкл Горлом возвестил с экрана: «Завтра на заседании суда нас, видимо, ждет нечто невообразимое. Главный свидетель государственного обвинения Джимми Истон даст показания о том, как Грег Олдрич нанял его для совершения убийства своей супруги, известной актрисы Натали Райнс».

Олдрич пультом выключил телевизор и осушил стакан до дна.

— Ваша честь, обвинение вызывает Джеймса Истона.

Дверь камеры временного содержания приоткрылась, и из нее показался Истон, с обеих сторон сопровождаемый двумя судебными приставами. Он неторопливо направился к свидетельской трибуне. Как только Эмили взглянула на него, ей на ум пришло любимое изречение ее бабушки: «Из свиного уха шелкового кошелька не сошьешь».

На Джимми был темно-синий костюм, белая рубашка и синий узорчатый галстук — те, что Эмили специально подобрала для его выступления в суде. Ему пришлось согласиться и на посещение тюремной парикмахерской, но, даже сносно подстриженный, Истон не перестал выглядеть отъявленным мошенником, как и предупреждала Эмили своего шефа.

Имея богатый опыт участия в криминальных процессах, Джимми знал, что и как надо делать. Дойдя до судейского стола, он остановился прямо напротив судьи Стивенса, и тот попросил для начала назвать свое полное имя, а фамилию произнести по буквам.

— Джеймс Истон, и-эс-тэ-о-эн.

— Сэр, поднимите правую руку и присягните суду, — велел Стивенс.

Пока Джимми с видом праведника клялся говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, по залу прокатились смешки. «Ужасно! — в смятении подумала Эмили. — Дай бог, чтобы мой главный свидетель не обескуражил присяжных».

Судья Стивенс требовательно постучал молоточком и предупредил, что тот, кто вербально или не вербально прокомментирует показания свидетеля, будет немедленно удален из зала и отстранен от участия в дальнейших заседаниях.

Наконец Истон уселся на свидетельское место, и Эмили с серьезным выражением лица спокойно к нему направилась. Ее стратегия заключалась в доверительном рассказе о его преступном прошлом и о заключенной с ним сделке о снисхождении. Во вступительной речи Эмили четко обозначила уголовные тенденции, свойственные Истону, и теперь торопилась подкрепить свои слова подробностями. Она надеялась, что подача сведений «в лоб» убедит присяжных в том, что она честна и откровенна с ними и что ее свидетель, несмотря на свой длинный криминальный перечень, все же заслуживает доверия.

Эмили понимала, что ступает по тонкому льду, который может вот-вот треснуть. Но Джимми Истон просто образцово отвечал на череду ее вопросов, заданных сухим нейтральным тоном. Держался он скромно и покорно признал за собой многочисленные приводы в полицию и неоднократные тюремные сроки. И вдруг без всякого предупреждения он выдал незапланированное:

— Но ни разочка, мэм, я ни одной живой души даже пальцем не тронул. Вот почему я по доброй воле отказался от сделки с Олдричем и не ужокошил его жену.

Ричард Мур вскочил со стула:

— Возражаю!

«Молодчина, Джимми, — мысленно похвалила свидетеля Эмили. — Ну и пусть вычеркивают это из протокола — главное, что присяжные услышали».

Первая часть показаний Истона заняла все утро. В двадцать минут первого судья Стивенс, понимая, что обвинитель вскоре приступит к опросу свидетеля по поводу его причастности к делу Олдрича, постановил:

— Мисс Уоллес, поскольку в полпервого мы обычно делаем перерыв на ланч, суд продолжит заседание в тринадцать тридцать.

«Время выверено точь-в-точь! — обрадовалась Эмили. — Так мы хоть немного отделим

биографию Истона от его показаний против Олдрича. Благодарю, ваша честь!»

С невозмутимым выражением лица она дождалась, пока Истона препроводят обратно в камеру, а присяжные покинут зал суда. Затем поспешила в кабинет Теда Уэсли, который все утро присутствовал на заседании. Эмили не терпелось узнать мнение шефа о том, как она справилась с допросом Истона.

Две недели прошло с того дня, когда объявили о возможном назначении Теда на пост генерального прокурора Соединенных Штатов; публикации в прессе хлынули лавиной — в большинстве весьма благожелательного свойства. «И что в этом удивительного? — на ходу думала Эмили, торопясь на встречу к начальнику. — Тед показал себя прекрасным профессионалом, а до карьеры прокурора был не последней фигурой в республиканских кругах...»

В кабинете босса ей сразу бросилась в глаза кипа публикаций на рабочем столе — наверняка все о том же назначении. Да и сам Уэсли ничуть не скрывал своего оптимизма.

— Эмили! — воскликнул он. — Подойди сюда. Ты только взгляни.

— Я почти все заметки о вас читала. Вы теперь неслыханно популярны. Поздравляю.

— Ты и сама не промах. Так потрудились над этим процессом, что даже меня потеснила с первых страниц.

Он успел заказать сэндвичи и кофе и теперь придвинул пакет с провизией и начал распаковывать ланч.

— Для тебя я выбрал ржаные хлебцы с ветчиной и швейцарским сыром. И черный кофе. Угадал?

— То, что надо.

Эмили взяла протянутый сэндвич.

— А теперь присядь и переведи дух. Мне надо с тобой поговорить.

Эмили перестала разворачивать сэндвич. «Что-то не так», — пронеслось у нее в голове, и она вопросительно взглянула на начальника.

— Эмили, я лишь хочу дать тебе один совет. В свое время ты не пожелала предавать огласке, тем более с кем-то обсуждать операцию на сердце, сделанную тебе два с половиной года назад. Вся прокуратура знает, что ты перенесла операцию, ведь несколько месяцев ты отсутствовала по болезни. Но ты старательно умалчивала о подробностях, и, скорее всего, я единственный здесь в курсе, что это была не просто операция, а пересадка.

— Все верно, — спокойно ответила Эмили, выдавливая на хлеб горчицу из пакетика. — Тед, вы ведь видели, что со мной было после гибели Марка. Я превратилась в развалину. Люди жалели меня, мне было просто нечем дышать от их сочувствия... А потом, через год, как гром среди ясного неба — надо менять клапан аорты. В сущности, для меня все осталось по-прежнему. Коллегам было известно, что раньше чем через три месяца я не появлюсь. Клапан не прижился, и стало ясно, что нужна срочная пересадка. Но мне повезло — сразу нашелся донор. Я потихоньку легла в ту же больницу и лишь немногим сказала — в том числе и вам, — что со мной происходит.

Тед, забыв про сэндвич, подался вперед и с искренним сочувствием взглянул в глаза своей подопечной.

— Эмили, я прекрасно понимаю, почему ты ни раньше, ни теперь не хочешь поднимать эту тему. Я же помню, как ты отреагировала, когда полгода назад я поинтересовался, хватит ли у тебя здоровья для этого процесса. Ты боишься показаться кому-то слабой. Но давай смотреть правде в лицо. Сейчас ты ведешь очень показательный случай и скоро сама станешь знаменитостью. Каждый вечер процесс разбирают в ток-шоу «В судебных кулуарах», твое имя там звучит постоянно. Тебя много обсуждают, хотя пока ничего существенного не нарыли. Но

поверь — это лишь вопрос времени, скоро все факты станут достоянием гласности. Ничего не поделаешь, люди по природе своей любопытны. Таблоиды скоро растиражируют и операцию, и гибель твоего мужа в Ираке — пусть даже с выгодной для тебя стороны.

Эмили отхлебнула кофе.

— Каков ваш совет, Тед?

— Надо подготовиться ко всяческим вопросам и впредь из-за них не расстраиваться. Желаеть ты того или нет, но ты теперь публичная фигура.

— Ах, Тед, мне даже думать об этом невыносимо, — произнесла Эмили с досадой. — Мне даже вспоминать об этом не хочется. Вы сами знаете, что некоторые сотрудники в прокуратуре и без того сильно усложняют жизнь своим коллегам-женщинам.

«В частности, такие сотрудники, как ваш двоюродный братец», — добавила она про себя.

— Эмили, уверяю тебя, меня всегда восхищало, что ты не допускаешь никакого снисхождения к себе, несмотря на проблемы со здоровьем.

— Есть и другая сторона медали, — доверительно продолжала Эмили. — Марк не собирался умирать так рано. Он полагал, что скончается дома от старости. И у него было полно планов, как мы с ним проведем нашу совместную жизнь. Мы даже начали выбирать имена для будущих детей. А потом так случилось, что я осталась жива только благодаря чьей-то смерти. Я много думаю об этом. Мой донор — он или она — тоже лелеял надежды на будущее. Вот с чем трудно примириться...

— Это мне тоже очень понятно. Но все же прислушайся к моему совету.

Эмили откусила кусок сэндвича и натянуто улыбнулась.

— Давайте сменим тему. Мне показалось, вы одобряете мою политику по отношению к Джимми Истону?

— Ну, я видел, как корчился Ричард Мур, пока Джимми выкладывал суду свою уголовную подноготную и сделку с обвинением. Ты пошла ва-банк и этим совершенно выбила почву из-под ног у защиты. Присяжным остается только поверить в то, что Истон, хоть и слизняк, в данном случае не врет.

Эмили отломил от сэндвича еще несколько кусочков и завернула остатки в целлофан.

— Спасибо, Тед. Надеюсь, вы говорите от всего сердца... — Она помедлила, пытаясь справиться с подкатившим к горлу комком. — И вообще, за все вам спасибо. Вы поддержали меня после гибели Марка... и когда я болела. А потом дали вести это дело... Такое не забывается.

Уэсли встал.

— Ты заслуживаешь гораздо большего, чем мое участие, — искренне заверил он. — Знаешь, Эм, если ты засудишь этого Олдрича, я буду ходатайствовать у нового прокурора о назначении тебя первым помощником. И поверь мне, это не пустые слова. А теперь иди и сделай из Истона конфетку для присяжных. Изобрази его святошей.

Эмили рассмеялась, поднимаясь вслед за шефом.

— Если мне это удастся, то подтвердятся слова моей бабушки, которая уверяла, что я способна всучить конному полисмену дохлую кобылу! До встречи, Тед.

Джимми Истон, даже не догадываясь об этом, получил на ланч в точности то же, что и Эмили, — ржаной сэндвич с ветчиной и сыром и черный кофе. Единственная разница состояла в том, что он пожаловался караульному камеры временного содержания на недостаточное количество горчицы.

— Мы учтем это завтра, если тебя снова приведут, — язвительно отозвался стражник. — Постараемся, чтобы ты остался доволен нашим меню.

— Надеюсь, ты доложишь о моей просьбе начальству, — буркнул Истон. — И передай, пусть в следующий раз внутри будет ломтик помидора.

Охранник промолчал.

Если не обращать внимания на то, что ему пожалели горчицы, всем остальным Джимми был доволен, особенно представлением, которое разыграл в суде. Перечисление былых преступлений напоминало исповедь священнику. «Каюсь, святой отец, грешен! Тридцать лет, или около того, я не был в церкви. Восемнадцать раз меня арестовывали, а в тюрьме я отсидел три раза — всего наберется двенадцать годков. А полгода назад я за неделю обчистил сразу четыре дома, но сгруппил: попался на последней краже. Зато я приберег кое-что на всякий пожарный случай».

К священнику, разумеется, Истон не обращался, а выложил свой козырь про Олдрича одному следователю из прокуратуры. Вот почему теперь он не мотал срок в десять лет, а сидел весь при параде.

Джимми допил последнюю каплю кофе. Надо будет сказать этому умнику, который сегодня принес ему сэндвич (если, конечно, он завтра не сменится), что чашку можно выдать и побольше. «И соленый огурчик», — ухмыльнулся про себя Джимми. Он взглянул на циферблат на стене: почти час дня. Через полчаса вернется судья. «Встать, суд идет!» Может, лучше: «Встать, Джимми Истон идет»? Вечером сокамерники будут смотреть «Судебные кулуары» с его участием. Уж он-то постарается угодить им своим поведением.

Джимми поднялся и постучал по прутьям решетки.

— Хочу в сортир! — закричал он.

Ровно в полвторого он возвратился на трибуну. Опускаясь на стул, Джимми вспомнил наставления Эмили Уоллес: «Сидите ровно. Не закидывайте ногу на ногу. Смотрите прямо на меня. И ни в коем случае не заигрывайте с присяжными!»

«Но, по-моему, она нисколько не рассердилась на мою отсебятину, что я ни одной живой души пальцем не тронул», — рассудил Джимми. Напустив на себя серьезность, он поглядел на Эмили. Иногда она приходила на допросы в тюрьму с заколотыми волосами, а сегодня распустила их по плечам, но не кое-как, а гладко расчесала каждую прядь, так что волосы напоминали водопад. На ней был брючный костюм, густо-синий, как раз под цвет глаз. Да что там — красивая, стерва! Один кореш уверял, что эта баба если возьмется, то упрячет за решетку кого угодно, но сам Джимми ей не по зубам, это точно...

— Мистер Истон, знакомы ли вы с обвиняемым Греггом Олдричем?

При других обстоятельствах Джимми не задумываясь воскликнул бы: «А то!», но сейчас он почтительно и внятно произнес:

— Да, знаком.

— Когда вы познакомились с мистером Олдричем?

— Два с половиной года назад, второго марта.

— При каких обстоятельствах вы познакомились с мистером Олдричем?

— Я зашел в «Винни на Бродвее». Это бар на Западной Сорок шестой улице, на Манхэттене.

— В котором часу это было?

— Примерно в полседьмого. Я заказал себе выпить, а посетитель, который сидел рядом, попросил пододвинуть к нему блюдо с орешками, что я и сделал, но сначала сам подцепил оттуда парочку соленых миндалин. Он сказал, что тоже их любит.

— Вы представились друг другу?

— Да. Я сообщил ему, что меня зовут Джимми Истон, а он назвался Грегом Олдричем.

— Мистер Олдрич присутствует в зале суда?

— Конечно, присутствует! То есть да.

— Не могли бы вы указать на него и кратко описать, во что он одет?

Джимми ткнул пальцем в направлении стола защиты.

— Он сидит посередине, между двумя другими. На нем серый костюм и синий галстук.

— Протокол засвидетельствует факт опознания мистером Истоном мистера Олдрича, — вставил судья Стивенс.

Эмили продолжила допрос свидетеля:

— Мистер Истон, вы первым заговорили с Грегом Олдричем?

— Скорее наоборот: Олдрич первый заговорил. Он уже принял на грудь...

— Возражаю! — вмешался Мур.

— Возражение принимается. — Судья Стивенс кивнул и обратился к Джимми: — Мистер Истон, отвечайте, пожалуйста, только на поставленный вопрос.

Джимми постарался изобразить на лице раскаяние.

— Ладно...

Тут он наткнулся на сердитый взгляд Эмили и поспешно прибавил:

— ...ваша честь.

— Мистер Истон, не могли бы вы передать содержание вашей с мистером Олдричем беседы?

«Вот он, — подумала Эмили. — Ключевой момент процесса».

— Ну, дело в том, — начал Джимми, — что мы оба пропустили по паре стаканчиков, мы оба были немного подавлены. Вообще-то я обычно не люблю вспоминать про тюрьму, сами понимаете, ничего приятного, но тогда я целый день искал работу и везде получил отказ. Вот я и признался Олдричу, что даже при большом желании такому, как я, трудно встать на правильный путь.

Джимми заерзал на стуле.

— А я этого очень хочу, — заверил он присутствующих.

— И как Грег Олдрич отреагировал на ваше признание?

— Сначала никак. Он вынул мобильник и набрал номер. Раздался женский голос. Когда женщина узнала, кто звонит, то распсиховалась. Начала так громко орать, что даже мне было слышно. Она просто визжала: «Грег, оставь меня в покое!» Потом она, скорее всего, отключила телефон, потому что подозреваемый показался мне явно на взводе, словно готов был каждого стереть в порошок. Он посмотрел на меня и сказал: «Моя жена. Убил бы ее!»

— Повторите, пожалуйста, последнюю фразу, мистер Истон, — попросила Эмили.

— Он посмотрел на меня и сказал: «Моя жена. Убил бы ее!»

— Грег Олдрич сказал: «Моя жена. Убил бы ее!» — медленно произнесла обвинитель, давая присяжным время обдумать эти слова.

— Да.

— И этот разговор происходил два с половиной года назад, второго марта, примерно в полседьмого вечера?

— Да.

Эмили украдкой взглянула на Олдрича: тот покачивал головой, словно был не в состоянии поверить в происходящее. Она заметила, что на лбу подозреваемого выступила испарина. Мур что-то шептал своему клиенту, очевидно стараясь успокоить. «Бесполезно, — подумала Эмили. — И это я еще не копнула вглубь».

— Мистер Истон, как вы отреагировали на заявление мистера Олдрича?

— Я понял, что он бесится. Ну, сердится. У него все лицо побагровело, он изо всей силы грохнул телефоном о стойку. Но я-то был уверен, что он преувеличивает, поэтому решил сосречь и ляпнул: «Я на мели. Двадцать тысяч баксов — и дело сделано!»

— Что случилось потом?

— В баре появился какой-то парень, он сразу узнал Олдрича и направился прямо к нему.

— Мистер Олдрич вас познакомил?

— Нет, тот парень только обмолвился, что видел Натали в «Трамвае "Желание"» и что она была бесподобна. Именно так: «бесподобна».

— Как повел себя мистер Олдрич?

— Он скривился и ответил, что Натали бесподобна в любой своей роли, а потом взял и отвернулся. Тот парень только пожал плечами и пошел к столикам, а потом я заметил, как он подсел к какой-то компании.

— Вы поняли, что тот человек имел в виду Натали Райнс?

— Да я сразу догадался! Я люблю кино, и видел ее в фильме, за который ее номинировали на «Оскар». Афиши «Трамвая» тоже везде висели.

Эмили глотнула воды.

— Мистер Истон, что происходило дальше, после того случайного вторжения?

— Я просто попытался пошутить и воскликнул: «Ого, да вы женаты на Натали Райнс! Я согласен прикончить ее, но уже за большую сумму».

— Как отреагировал на это предложение мистер Олдрич?

— Он посмотрел на меня и с минуту просто молчал, а потом осведомился: «За какую же сумму, Джимми?»

— Что вы на это ответили?

— «Пять тысяч на руки и двадцать тысяч — после исполнения». Опять же, я просто дурачился.

— Что затем сказал мистер Олдрич?

«Мне надо подумать. Оставь свой номер телефона». Я написал ему номер и собрался уходить, но прежде заглянул в сортир. Наверное, он решил, что я уже на улице, потому что через пять минут, когда я мыл руки, раздался тонк. Это был Олдрич. Он сообщил, что принимает мои условия и завтра я должен мниться к нему домой и получить пять тысяч наличными.

— Мистер Олдрич предложил вам явиться к нему на следующий день? То есть третьего марта?

— Да, к четырем часам. Он пояснил, что домработница к тому времени уже уйдет. Он сам будет стоять на углу и впустит меня в здание, тогда швейцар не обратит на меня внимания. Олдрич велел мне надеть солнечные очки и шляпу. Я так и сделал, и мы встретились на углу его дома. Потом он переждал, пока какие-то люди не вышли из такси, и мы вместе с ними поднялись на лифте.

— Вы отправились к нему в квартиру, и он передал вам пять тысяч долларов за убийство Натали Райнс?

— Да, и еще ее адрес в Нью-Джерси и график занятости в театре.

— Мистер Истон, не могли бы вы описать квартиру мистера Олдрича?

— Находится на шестнадцатом этаже. Шикарная. Представляете, всего две квартиры на этаже! Большая прихожая. Гостиная белая по цвету, а посередине я запомнил огромный мраморный камин с резьбой. Ковер там был вроде восточный, сплошь синий с красным. Прямо напротив камина стоял голубой диван, а по бокам от него — мягкие стулья. У окна я заметил еще один диванчик. На стенах много картин.

— Как долго вы там пробыли?

— Совсем недолго. Олдрич даже не предложил мне присесть. Он явно был весь на нервах. Он выдвинул ящичек стола рядом с диваном, вынул оттуда деньги и отсчитал пять тысяч баксов.

— Как вы поступили после этого?

— Я поинтересовался, как мне получить остальные деньги, когда работа будет сделана. Он ответил, что копы, наверное, будут его допрашивать, когда найдут тело, ведь он ее муж, ли еще они на грани развода. В итоге мы договорились, что через неделю после похорон Олдрич сам позвонит мне откуда-нибудь из телефонной будки и назначит встречу в кинотеатре на пересечении Пятьдесят седьмой улицы и Третьей авеню.

— Именно с такой договоренностью вы покинули квартиру?

— Да. Но потом я стал размышлять. Натали Райнс — настоящая знаменитость, и если с ней что-то случится, то поднимут нереальный кипеш, копы не дадут никому проходу. И я могу живо схлопотать пожизненное... В общем, я хоть и взял пять кусков, но сразу понял, что, скорее всего, не потяну такое дело. Все-таки я не киллер.

— Как вы уведомили мистера Олдрича, что не потянете такое дело?

— Я послал ему письмо, что вряд ли гожусь для той работы, которую он мне поручил, и что благодарю его за выданный мне невозмещаемый аванс.

После этих слов в зале раздался откровенный хохот, вызвавший крайнее недовольство судьи Стивенса. Он вторично предостерег зрителей от проявления любого рода эмоций и велел обвинителю продолжать допрос.

— Как вы распорядились суммой в пять тысяч долларов, мистер Истон?

— Как всегда: проиграл в казино.

— Когда вы отправили письмо с отказом от сделки по убийству Натали Райнс?

— Двенадцатого марта, утром. Я опустил его в почтовый ящик рядом с домом в Гринвич-Виллидж, где я тогда жил.

— Почему вы решили написать ему?

— Потому что он запретил ему звонить. Сокрушался, что зря позвонил мне тогда единственным раз. И я точно знаю, что письмо он получил, ведь недаром говорится: «Ни дождь, ни гром, ни ночная тьма не собьют с пути почтальона». По крайней мере, счета он мне таскал исправно.

Джимми не удержался и обернулся к скамье присяжных. Он улыбнулся им, словно приглашая оценить его остроту. Истон понимал, что сейчас присяжные выслушают от него любой вздор, и ему было приятно хоть раз побыть не обвиняемым, а просто свидетелем.

— Итак, письмо с отказом от убийства Натали Райнс было отправлено двенадцатого марта, — с расстановкой произнесла Эмили и тоже взглянула на присяжных.

Она рассчитывала, что те уже произвели в голове необходимые вычисления. Грег Олдрич должен был получить послание тринадцатого числа в пятницу или же четырнадцатого в субботу. Эмили надеялась, что присяжные помнят ее вступительную речь, где она рассказывала, что тринадцатого марта, в пятницу вечером, Олдрич пришел на заключительный показ спектакля. Очевидцы утверждали, что он сидел в последнем ряду с застывшим лицом и единственный из всех не встал для финальной овации. Четырнадцатого марта, в субботу, Олдрич взял напрокат «Тойоту» и отправился вслед за женой на Кейп-Код.

Эмили выждала долгую паузу и посмотрела на судью Стивенса.
— Вопросов больше нет, ваша честь, — заключила она.

Настала очередь Ричарда Мура; он медленно поднялся с адвокатского места. На протяжении следующих двух часов он вместе с Джимми сначала основательно перетряхнул его уголовное прошлое, а затем начал атаку на его показания. «К счастью, любое слово Истона лишь укрепляет наши позиции», — удовлетворенно отметила про себя Эмили.

Мур прилагал все силы, пытаясь иначе истолковать встречу Джимми с Олдричем в «Винни на Бродвее», телефонную беседу Грега с женой в присутствии Истона, слова случайного знакомого Уолтера Робинсона о спектакле «Трамвай "Желание"» и о том, что Натали бесподобна, а особенно последующий звонок Олдрича на мобильник Истона.

Однако, несмотря на все свое адвокатское искусство, Муру не удавалось ни сбить Джимми с толку, ни поймать его на противоречиях.

Например, он задал вопрос:

— Разве не правда, что вы с Грегом Олдричем просто поболтали о спорте, о том о сем?

— Если, по-вашему, попросить убить жену значит поболтать о том о сем, то, конечно, правда, — парировал Джимми.

Мур не сдавался:

— Не кажется ли вам, что в многолюдном баре невозможно было услышать, что говорила Олдричу по телефону его жена?

Джимми и тут сразу нашелся:

— Она же была актрисой и умела управлять голосом. Удивительно, как ее крики не долетали до других посетителей.

«Джимми вошел в раж, — наблюдая за ним, думала Эмили. — Он купается в лучах славы». Ее тревожило, что Истон становится не в меру болтлив. Судья Стивенс уже не раз раздраженно напоминал ему, что его ответы должны быть предельно краткими.

— Давайте вернемся к звонку Грега Олдрича на ваш мобильник. Общаясь с Грегом в баре, вы пожаловались, что куда-то задевали свой телефон и не можете его отыскать. Затем вы попросили Грега набрать ваш номер — тогда мобильник зазвонит, и вы его найдете. Разве не так было дело?

— Совершенно не так, — заявил Джимми. — Я никогда и никуда не прячу свой телефон, всегда цепляю его на поясной ремень. Повторяю: Олдрич позвонил мне в тот момент, когда я мыл руки в сортире.

Больше всего Эмили беспокоило описание Истоном квартиры подсудимого; это был самый слабый пункт обвинения. Истона не видели ни швейцар, ни домработница Грега Олдрича. То есть свидетель практически голословно утверждал, что был у Олдрича, получил от него деньги, но позже отказался от сделки. Подсудимый, в свою очередь, все это категорически отрицал.

В иллюстрированных журналах можно было найти массу интервью, взятых у Натали Райнс в квартире, где она жила вместе с Олдричем; некоторые из них были дополнены фотографиями актрисы на фоне гостиной. Эмили не сомневалась: защитник, в стремлении доказать, что знание планировки квартиры Олдрича и мебелировки гостиной доступно любому, использует эти снимки на полную катушку.

Именно такую стратегию и выбрал Мур. Он поочередно показал Истону несколько журнальных страниц с заснятой на них пресловутой гостиной, попросив свидетеля рассказать, что на них изображено. Ответы Джимми слово в слово совпали с его воспоминаниями о визите к Олдричу.

— Вы случайно столкнулись с Грегом Олдричем в баре! — взорвался защитник. — Вы

знали, кто его жена! Когда ее убили, вы нарочно состряпали эту байку, чтобы подороже продать ее, когда попадетесь на очередном грабеже!

Сочась презрением и насмешкой, Мур передал Истону вырезку из «Вэнити фэйр»:

А теперь зачитайте присяжным подчеркнутый отрывок о Грегге Олдриче и Натали Райнс.

Истон, нимало не смущенный нападками адвоката, преспокойно вынул из кармана очки.

— Гляделки уже не те, что в прежние времена, — доверительно пояснил он суду.

Затем прочистил горло и вслух прочитал:

— «Грегг и Натали никогда не держали постоянной прислуги. Их домработница является к восьми утра и трудится до полчетвертого. Если супруги не собираются куда-нибудь на вечер, они ужинают в клубном ресторане, расположенном в их доме, или заказывают еду с доставкой».

Джимми оторвался от журнала и посмотрел на Мура.

— И что с того?

— Вы подтверждаете, что любому, видевшему эту статью, будет известно не хуже вас: домработница уходит к четырем часам, то есть к тому времени, когда вы якобы посетили квартиру Олдрича?

— Вы думаете, я читаю «Вэнити фэйр»? — недоверчиво произнес Истон.

В зале снова засмеялись, и судья в очередной раз призвал присутствующих к порядку. Правда, теперь судья Стивенс действительно рассердился не на шутку и предупредил, что еще одно такое проявление — и он укажет судебным приставам на самых оголтелых весельчаков, с тем, чтобы выпроводить их из зала.

Последний сокрушительный удар в попытке выставить свидетеля лжецом Мур потерпел, когда попросил Истона еще раз внимательно рассмотреть снимки гостиной Олдрича и вспомнить, есть ли в интерьере особенность, о которой невозможно знать, если не побывать у Олдрича.

Джимми с сомнением покачал головой, а потом спохватился:

— А как же! Видите столик рядом с диваном? — Для убедительности он ткнул в картинку. — Отсюда Олдрич вынул деньги и передал мне. Не в курсе, скрипит ли ящик теперь, но тогда он открывался со скрипом. Я еще подумал: «Хоть бы смазали его, что ли...»

Эмили метнула взгляд на Грегга Олдрича — тот побледнел так сильно, словно вот-вот лишится чувств.

Зак соврал Эмили, что его график изменился, и теперь понимал: никак нельзя допустить, чтобы она видела его самого или его машину, когда возвращалась с работы. Трудность же состояла в том, что процесс уже открылся и заседания заканчивались в четыре часа дня, поэтому Эмили теперь освобождалась рано и была дома в полшестого или ближе к шести. Следовательно, Зак не мог поехать к себе сразу после смены, а вынужден был слоняться где-нибудь до темноты и лишь тогда потихоньку заруливать в гараж в надежде, что она его не заметит.

У Зака была и другая причина сердиться на Эмили: вскоре после того, как он отдал ей ключи, она поставила внутренний засов на дверь веранды. Он обнаружил это через неделю после того, как перестал присматривать за Бесс. На работе Зак сослался на плохое самочувствие и попытался украдкой проникнуть в ее дом: он очень скучал по личным вещичкам Эмили. Однажды утром, дождавшись ее ухода, он толкнул знакомую дверь и наткнулся на неожиданную преграду. Но у Эмили не хватило умишка догадаться, что он, по крайней мере, позаботился сделать себе ключ от главного входа. Однако Зак не решился им воспользоваться, сознавая, что стоять на ступеньках ее крыльца слишком рискованно: он мог случайно привлечь внимание их крикливой соседки.

Единственным и неременным контактом между ним и Эмили теперь оставалось прослушивание утренних разговоров, которые она вела с Бесс на кухне. Зак сначала планировал поставить микрофоны — а может, даже видеокамеры — сразу в нескольких местах в ее доме, но потом счел и эту затею слишком опасной. Если бы Эмили нашла хотя бы одно из устройств, то сюда налетела бы половина ее прокурорских сотоварищей, и уже через минуту они заколотили бы к нему в дверь. А так он был почти уверен, что Эмили никогда не заметит микрофончик, установленный над холодильником.

«Затаись, — не уставал напоминать себе Зак. — Живи по-тихому. Когда настанет время, выполнишь все задуманное, а потом скроешься. В Айове, в Северной Дакоте и в Нью-Мексико осторожность тебя ни разу не подводила. Шарлотта, Лу, Вилма...» Избавиться от Лу и Вилмы было проще: у них не было родни. Когда подойдет черед Эмили, ему снова придется замечать следы и делать ноги из Нью-Джерси. Зак уже начал потихоньку прикидывать, куда бы ему податься на этот раз.

Утром, к концу третьей недели процесса, Зак по обыкновению наблюдал за Эмили через щели в жалюзи. Она, как всегда, налила себе кофе, но вдруг резко встала, и он услышал: «Бесс, не время расслаиваться. Сегодня у меня важный день. Грег Олдрич будет давать показания, а я — вести перекрестный допрос. И я сделаю из него отбивную!»

Пройдя мимо холодильника и уже почти спускаясь вниз по ступенькам, Эмили добавила: «Бесс, наверное, это полный бред, но мне почему-то его даже жалко. Не хватало только завалить дело».

Ричард Мур знал наверняка, что в день, когда его клиент будет давать суду показания, обвинитель явится на службу очень рано. Вот почему уже в семь утра он поджидал Эмили у дверей ее кабинета. Это происходило в пятницу, третьего октября.

Завидев защитника, Эмили в ту же минуту поняла, какова причина его визита. Она пригласила адвоката к себе в кабинет и предложила кофе.

— Свежесваренный кофе не самая плохая в мире вещь, — заметила она. — Но если вам нужен исключительно «Старбакс» или «Данкин донатс», то тут я ничем не могу помочь.

Мур улыбнулся.

— С такой рекламой сложно отказаться, но все же нет, благодарю, Эмили. — Его улыбка пропала так же быстро, как и появилась. — Надеюсь, наша беседа останется между нами. Согласны?

— Все зависит от того, что вы собираетесь сказать.

— Мой клиент категорически настаивает на своей невинности. Ему неизвестно об этой встрече, не сомневаюсь, он бы не поддержал мою инициативу. Вопрос вот в чем: предложение о признании в убийстве при отягчающих обстоятельствах и смягчении приговора до двадцати лет до сих пор в силе?

Эмили живо представила бледное подрагивающее лицо Олдрича, но покачала головой:

— Нет, Ричард. В данный момент уже нет по ряду причин. Если бы в самом начале, несколько месяцев назад, Олдрич согласился подать прошение, я бы не стала подвергать мать Натали такому серьезному испытанию и не пригласила бы ее в свидетели.

Мур медленно кивнул, словно заранее ожидал такого ответа. Эмили, понимая всю бестактность своих слов, добавила:

— Я все же схожу, возьму себе кофе. Автомат в конце коридора; я буквально на секундочку.

Вернувшись в кабинет, она уже полностью успокоилась и нейтральным голосом продолжила:

— Ричард, вы сами знаете, сколько времени отнимает подготовка к каждому процессу. Я не один месяц работала сутками, и сейчас у меня скопилось целая куча дел, которыми давно пора заняться. На данном этапе, как мне представляется, все уже решают присяжные.

Мур встал.

— Ясно, я все понял. И повторяю, Грег Олдрич никоим образом не поручал мне к вам приходиться. Он клянется в своей невинности и надеется, что присяжные его оправдают. Вернее, не просто оправдают, а реабилитируют,

«Реабилитируют? Значит, он помешался, — подумала Эмили. — Ему стоит надеяться, что хотя бы один из присяжных ему поверит, и тогда приговор будет отложен. По крайней мере, так он выиграет еще несколько месяцев свободы — до следующего суда».

— Я искренне убеждена, что ни этот, ни другой состав присяжных не реабилитирует вашего подзащитного, — заявила она без тени сарказма.

— Возможно, вы правы, — хмуро отозвался адвокат и уже у двери обернулся. — Эмили, должен признать, что Истон как свидетель превзошел мои ожидания. Поэтому не покривлю душой, если скажу, что вы очень плодотворно потрудились.

Ричард Мур никогда не слыл щедрым на комплименты, и Эмили, обрадованная признанием, искренне поблагодарила бывалого юриста.

— И еще... Эмили, каков бы ни был исход, я рад, что скоро все закончится. Мы просто измучились с этим процессом.

На этом он закрыл за собой дверь.

Третьего октября Грег Олдрич встал в пять утра. В тот день ему предстояло давать свидетельские показания, поэтому накануне он отправился в спальню слишком рано и вскоре пожалел о своей ошибке. Он проспал всего час, до одиннадцати вечера, а потом в течение шести часов то задремывал, то снова просыпался.

«Надо проветриться, — решил Олдрич. — Пробежаться по парку. Невозможно давать показания, когда ты словно пьяный и ничего не соображаешь».

Он поднял шторы и притворил окна. Здание через улицу закрывало обзор.

«На этой Парк-авеню только на дома и смотришь, — недовольно подумал Грег. — С Пятой авеню виден Центральный парк, с Ист-Энд-авеню — река. А здесь любишь на дом, где живут тебе подобные — те, кто может позволить себе запредельные цены». В Джерси-Сити^[9] вид был получше. Из его прежней квартиры можно было разглядеть статую Свободы.

Но когда мама Грега умерла, он поскорее унес оттуда ноги. А когда-то она жила там, собрав остатки сил, — хотела дождаться, пока сын закончит университет Святого Иоанна^[10], Грег был рад, что его матери нет в зале суда.

Он отвернулся от окна. Казалось, что на улице свежо, и Грег решил облачиться в легкий спортивный костюм. Одеваясь, он поймал себя на мысли, что в последнее время очень часто думает о матери. Теперь он вдруг вспомнил, что после ее кончины пригласил в их квартиру на шестом этаже несколько знакомых соседей, вроде Лоретты Льюис, и предложил взять себе понравившуюся мебель: все равно лифта в доме не было.

«Но зачем сейчас размышлять об этом? Затем, что Ричард Мур собирается пригласить эту самую миссис Льюис в свидетели. Она даст мне отменную характеристику: каким образцовым сыном я был и как помогал всем старикам в подъезде. Видимо, Мур надеется вызвать ко мне хоть немного жалости».

Отец Грега умер, когда ему было девять,

Мама не один год боролась с раком, тянула его на себе, пока он учился в колледже. И Грег предположил, что Мур выжмет из присяжных слезу рассказом о его прошлом. Но какое все это имеет отношение к гибели Натали? Мур умерял, что так суд усомнится, способен ли вообще Грег на убийство. Как знать?..

В двадцать минут шестого, глотнув растворимого кофе, Олдрич приоткрыл дверь в спальню Кейти, чтобы проверить, как там дочь. Она крепко спала, свернувшись калачиком под покрывалом, так что выглядывали лишь длинные белокурые локоны. Кейти, как и отец, любила спать в прохладе.

Накануне вечером они уже разошлись по своим комнатам, но Грег вдруг услышал звук рыданий и отправился выяснить, в чем дело.

— Папа, почему этот Истон все выдумывает про тебя? — всхлипывала Кейти.

Олдрич присел на краешек кровати и миролюбиво потрепал дочь по плечу.

— Он выдумывает потому, Кейти, что отсидит в тюрьме гораздо меньше, если нафантазирует такую историю.

— Но ведь присяжные верят ему, папа! Я же вижу, что верят!

— А ты сама веришь?

— Нет, конечно! — Кейти рывком села на постели. — Как ты вообще мог такое спросить?

Вопрос отца явно потряс девочку. «Меня самого потрясло, что я мог такое спросить, — подумал Грег, — но если бы я прочитал в ее глазах сомнение, оно бы меня прикончило».

Кейти потом долго не могла заснуть, и теперь Грег надеялся, что она не встанет раньше

семи. Ему нужно было выходить из дома без двадцати восемь, если он не хотел опоздать в суд.

Он потихоньку выбрался из квартиры, два квартала до Центрального парка пробежал трусцой, а затем свернул на тропинку, ведущую на север. Но как Грег ни старался упорядочить мысли перед выступлением в суде, память неумолимо отбрасывала его в прошлое.

Его первой работой в шоу-бизнесе стала должность билетера в «Бэрриморе». Он не терял времени даром и постоянно тусовался в «Сардиз»^[11] и прочих артистических забегаловках, пока Док Йейтс не предложил ему место в своем театральном агентстве. К тому времени ни уже познакомился с Кэтлин. У нее была крохотная роль в мюзикле «Звуки музыки», который восстанавливали в «Бэрриморе». Для них обоих это была любовь с первого взгляда. Они поженились в ту же неделю, как Док Йейтс взял Грега на работу. И ему, и ей тогда исполнилось по двадцать четыре года...

Полностью уйдя в себя, Грег устремлялся все дальше к северной оконечности парка. Ни пронизывающий ветер, ни встречные любители ранних утренних пробежек не могли отвлечь его от раздумий.

Вместе с Кэтлин они прожили восемь лет. В агентстве Грег быстро сделал карьеру; Док с самого первого дня прочил его на свое место. Кэтлин тоже преуспевала, но, едва забеременев, с радостью объявила: «Грег, как только родится ребенок, я брошу работу ради семьи. Ты будешь нашим единственным кормильцем».

Грег сам не замечал, как улыбается на бегу. Те годы были исполнены необыкновенной нежности и благополучия. Каково же было после всего этого узнать о страшном диагнозе Кэтлин! Рак груди сначала свел в могилу мать Грега, а затем так скоростижно унес и его жену. Но еще невыносимее было вернуться после похорон домой, где заливалась плачем трехлетняя Кейти, напрасно зовущая маму...

Его спасением стала работа; в первые годы после смерти Кэтлин Грег почти постоянно был занят в агентстве. Утром он по возможности руководил делами из дома, пока к полудню не отправлял Кейти в ясли, а к вечеру всегда старался освободиться и побольше времени провести с дочуркой. Только выждав значительный период, пока Кейти подросла, Грег в интересах клиентов начал посещать коктейли, премьерные спектакли и кинопоказы.

Когда дочери исполнилось семь, Грег на вручении наград «Тони»^[12] познакомился с Натали. Она была среди номинанток и щеголяла изумрудно-зеленым вечерним платьем и бриллиантами, которые, как она шепнула ему, просто взяла напрокат у Картье. «Если я потеряю это кольцо, обещайте, что пристрелите меня», — пошутила она.

«Пообещайте, что пристрелите меня...»

У Грега при этом воспоминании все внутри моментально сжалось.

В тот вечер Натали не наградили, а ее спутник напился. Грег отвез Натали к ней домой в Виллидж и заглянул на рюмочку виски. Она дала ему сценарий, который ей предложили прочесть. Грег знал его, сообщил, что сценарий дерьмовый, и посоветовал не забивать им себе голову, поскольку половина ведущих актрис Голливуда уже от него отказалась. Натали пожаловалась, что ее агент чуть ли не силой вставляет ее подписать этот контракт, и тогда он предложил уволить такого агента, затем допил виски и оставил актрисе свою визитку.

Через две недели Натали позвонила и попросила Грега о встрече. Так начался их головокружительный роман, счастливо разрешившийся в актерской часовне церкви Святого Малахии, где они с Натали поженились через три месяца после знакомства. К тому времени он уже принял на себя обязанности ее импресарио. «За наши четыре совместных года каких только усилий я не прилагал, чтобы вознести ее на вершину славы, — размышлял Олдрич. — Но разве я не знал с самого начала, что наш брак обречен?»

Он обежал вокруг бассейна и направился обратно, в южную сторону. «Сколько моих по

пытках примирения с ней проистекали из на стоящей любви, а сколько — из одержимости? Я был одержим ею. Скорее был одержим идеей вернуть все как было — любящую жену, достойную мать для Кейти... Мне вовсе не хотелось порывать с Натали и опять начинать поиски. Я боялся, что Натали загубит свою карьеру, хотя к этому все шло. Лео Керне — неплохой агент, но и он, как в свое время ее первый импресарио, постарался бы настричь с нее побольше купонов».

«И зачем я поехал за ней на Кейп-Код? — думал Грег. — Что я себе вообразил? И что было у меня в голове в то утро, когда ее убили?»

Сам не замечая того, Грег добрался до южной оконечности Центрального парка и снова устремился на север.

Когда он вернулся в квартиру, Кейти уже была одета и на грани паники.

— Папа, сейчас полвосьмого! Нам выходить через десять минут! Где ты был?

Грег поспешил в душ. «Вот что произошло в утро убийства Натали, — понял он. — Я потерял ощущение времени. И в Нью-Джерси я тогда не ездил».

Впервые он почувствовал, что уверен в этом. «Почти уверен», — поправил он себя.

В девять часов Эмили вызвала первого из двух свидетелей обвинения. Эдди Ши, представитель компании «Веризон», показал на суде, что, согласно их регистрационным данным, два с половиной года назад, второго марта, в восемнадцать часов тридцать восемь минут с сотового телефона Грега Олдрича был осуществлен звонок на мобильник Натали Райнс, с того же номера поступил вызов на телефон Джимми Истоны, тем же вечером в девятнадцать часов десять минут.

Вторым свидетелем выступил Уолтер Робинсон, бродвейский инвестор, с которым Грег Олдрич перекинулся парой слов в «Винни на Бродвее» и который запомнил Истоны, сидевшего в баре рядом с Олдричем.

Когда Робинсон покинул свидетельскую трибуну, Эмили обернулась к судье и объявила: — Ваша честь, обвинитель закончил опрос.

Занимая место за прокурорским столом,

Эмили заметила, что зал переполнен, и нашла среди публики несколько знакомых лиц. Имена этих людей часто встречались на шестой странице «Нью-Йорк пост». Заседание, как и все предыдущие, снималось на телекамеры. День назад в коридоре ее остановил Майкл Гордон, ведущий ток-шоу «В судебных кулуарах». Он расхвалил Эмили за умелое ведение процесса и предложил поучаствовать в его передаче, когда суд завершится.

«Пока не знаю», — уклончиво ответила Эмили, но позже Тед Уэсли сказал ей, что появление на общенациональной программе в качестве ключевой гостьи создало бы беспрецедентную рекламу ее профессиональной репутации. «Эмили, если ты готова принять от меня хоть один добрый совет, то не упускай возможность засветиться».

Эмили как можно незаметней посмотрела на стол защиты. Грег Олдрич принарядился в ладно пригнанный темно-синий костюм в светлую полоску, оттенив его белой рубашкой и сине-белым галстуком. В отличие от вчерашнего дня, на его щеках проступил румянец, и Эмили предположила, что обвиняемый с утра, вполне вероятно, совершил пробежку. Впрочем, в его лице добавилось не только румянца, но и некоторой уверенности, которой не было накануне. Эмили почувствовала укол страха и подумала про себя: «Не понимаю, откуда у тебя эта самонадеянность».

Его дочь Кейти на этот раз заняла место в первом ряду, прямо позади отца. Ее светлые полосы рассыпались по плечам. Эмили знала, что девочке всего четырнадцать, но выглядела она удивительно взрослой для своих лет. Кейти сидела на стуле очень прямо, сохраняя на лице серьезное выражение. «Какая красивая девушка, — уже не в первый раз отметила про себя Эмили. — Интересно, похожа ли она на мать?»

— Мистер Мур, пригласите вашего первого свидетеля, — распорядился судья Стивенс.

На протяжении последующих трех часов Ричард Мур опрашивал очевидцев и по фактам, и по репутации своего подзащитного. Первая из них, Лоретта Льюис, жила по соседству с семьей Олдрич в дни юности Грега.

— Таких приятных молодых людей надо бы еще поискать, — искренне уверяла она суд охрипшим от волнения голосом. — Он просто пылинки сдувал со своей матери. Она очень болела, и он всегда о ней заботился. Помню, однажды зимой у нас в доме отключили электричество, так Грег обошел все двадцать квартир, он стучался к соседям и раздавал свечки, чтобы люди не сидели в темноте. Вдобавок он спрашивал, не замерзает ли кто. Его мать на следующий день призналась мне, что Грег снял одеяло с собственной постели и отнес этажом

ниже, к миссис Шеллхорн, потому что ее покрывало было совсем тоненьким.

Одна из бывших нянечек Кейти заявила суду, что в жизни не встречала более преданного отца, чем Грег Олдрич.

— Большинство полных семей — и те не посвящают детям столько времени и любви, сколько отдавал мистер Грег своей Кейти.

Эта няня работала у Олдрича четыре из пяти лет, что он был женат на Натали Райнс.

— Натали была для Кейти скорее подружкой, чем мамой. Если она вечером оказывалась дома, то разрешала девочке играть перед сном дольше, чем обычно, а если помогала Кейти с домашним заданием, то просто подсказывала ей ответы, а не учила ее саму думать над задачей. Грег не раз просил ее так не делать, но и сердиться на нее не мог.

Неожиданным свидетелем со стороны защиты явился Лео Кернс, новый импресарио Натали, которому актриса накануне гибели предложила представлять ее интересы. Кернс фигурировал в свидетельском списке среди прочих, но Эмили даже не предполагала, что Мур его вызовет. По мнению Кернса, их с Олдричем воззрения на дальнейшее продвижение Натали Райнс диаметрально различались.

— Натали к тому моменту исполнилось тридцать семь лет, — напомнил Кернс. — Она была номинирована на приз Киноакадемии как лучшая актриса, но это было за три года до событий. На пьесы Теннесси Уильямса ходит не так много публики, чтобы Натали могла оставаться на пике славы. Ей необходимо было сняться в нескольких крупнобюджетных остросюжетных фильмах, тогда, я уверен, вокруг нее снова поднялась бы шумиха. Она была выдающейся актрисой, но, думаю, ни для кого не секрет, что сороковой юбилей означает в шоу-бизнесе начало конца — если, конечно, к тому времени ты как следует не раскрутишься.

— Принимая во внимание, что вы на должности импресарио Натали Райнс заменили Грега Олдрича, проявлял ли он какую-либо враждебность по отношению к вам? — спроси, защитник.

— Нет, никогда. Единственное несогласие нас с Грегом состояло в том, каким путем должна развиваться карьера Натали.

— Случалось ли вам в прошлом соперничать из-за клиентов?

— Как-то двое из моих клиентов перешли к нему, потом один переметнулся от него ко мне. Но мы оба понимали: таковы правила игры. Грег — профессионал высочайшего уровня.

Далее выступила Луиза Пауэлл — секретарша Олдрича. Она рассказала, что даже в самых напряженных ситуациях, которые порой складывались в офисе, Грег никогда не позволял себе выплескивать раздражение.

— Да я вообще ни разу не слышала, чтобы он просто повысил голос, — заверила она суд.

Показания Луизы Пауэлл коснулись и отношений ее начальника с супругой.

— Грег безумно любил ее. Действительно, он часто звонил ей, когда они разъехались, но он вел себя так же и пока они жили вместе. Натали как-то призналась мне, что ей приятно такое участие с его стороны. Возможно, своими звонками Грег пытался дать ей понять, что заботится о ней, как и прежде. Натали обожала находиться в центре внимания, и Грег прекрасно об этом знал.

В десять минут первого, когда Луиза Пауэлл покинула место на трибуне, судья Стивенс осведомился у защитника, будут ли еще свидетели с его стороны.

— Ваша честь, моим следующим и последним свидетелем выступит мистер Грег Олдрич.

— В таком случае объявляется перерыв; в час тридцать мы продолжим заседание, — постановил судья.

Эмили пришла к выводу, что все свидетели показали себя неплохо.

В перерыве на обед она принесла кофе и сэндвич к себе в кабинет и закрылась там одна, с удивлением ощутив неожиданный эмоциональный спад. «Я сама затравила его и вот теперь

жалею свою жертву, — призналась себе Эмили. — Заботливый сын, отец-одиночка, мужчина, делающий новую попытку обрести семейное счастье, — и вдруг все это разом рушится».

«А его старания подогнать свой рабочий график под нужды подрастающей дочери? Это совершенно не вяжется с образом антрепренера-плейбоя, — размышляла Эмили. — Если бы только мы с Марком успели родить дочь, смотрела бы она на меня с таким же обожанием, как Кейти на своего отца? Она-то знает его лучше всех людей на свете...»

Сэндвич казался Эмили картонным на вкус. Неужели вся тюремная пища такого качества? Вчера после того, как Джимми Истона увезли обратно в тюрьму, охранник доложил ей, что арестованный попросил добавочную порцию кофе и соленый огурчик, если его снова вызовут на слушание дела.

«Свидетель из него получился отменный, — думала теперь Эмили, — но до чего же ершистый!» Когда Джимми заикнулся о том скрипучем ящике, Грег Олдрич едва не лишился чувств. Это признание стало ключевым в свидетельских показаниях Истона и забило первый гвоздь в крышку гроба обвиняемого — фактически решило его судьбу до конца дней.

Эмили никак не давал покоя нелепый вопрос: почему вдруг Грег Олдрич так жутко побледнел при упоминании о том столике? Может, он просто понял, что теперь точно обречен? Или просто не мог взять в толк, как Джимми Истон умудрился запомнить такую незначительную деталь?

«А я сама запомнила бы?» — спросила у себя Эмили, представив Истона посреди гостиной на Парк-авеню, уже согласившегося на совершение убийства и алчно ожидающего пять тысяч долларов, которые вот-вот окажутся в его руках.

Досадливо отмахнувшись от этих бесполезных мыслей, Эмили собрала со стола материалы, нужные ей для перекрестного допроса Грега Олдрича, и поспешила обратно в зал суда.

Ричард Мур постепенно провел своего клиента через всю его жизнь, шаг за шагом — от детства и юности в Джерси-Сити к переезду на Манхэттен после смерти матери, от успеха в качестве театрального агента к первому браку, от смерти первой супруги до свадьбы с Натали.

— Вы с Натали были женаты четыре года? — уточнил Мур.

— По сути, почти пять. Мы разъехались, но пока не разводились. Натали погибла через год после того, как выселилась из нашей квартиры.

— Как бы вы описали ваши отношения с бывшей супругой?

— Как очень счастливые.

— Тогда почему вы разъехались?

— Так Натали решила, не я, — ровным голосом сообщил Грег Олдрич, держась при этом спокойно и вполне уверенно. — Она сочла, что наш брак изжил себя.

— Почему она сделала такой вывод?

— За время нашей совместной жизни Натали трижды соглашалась на такие роли в кино и в театре, которые требовали выезда на натурные съемки или на гастроли. Ни в коем случае не стану отрицать, меня огорчали наши расставания, хотя я часто навещал ее, летал к ней самолетом. Пару раз я брал с собой Кейти, если были школьные каникулы или лето.

Олдрич открыто посмотрел на присяжных и продолжил:

— По профессии я театральный агент, и мне известно, как никому другому, что успешной актрисе необходимо отлучаться из дома на значительные периоды времени. И если я отговаривал Натали от роли, которая сорвала бы ее в дорогу, то только по той причине, что считал эту роль неподходящей, а не потому, что я, вопреки ее желанию, мечтал засадить ее дома на кухне. Это ее собственная трактовка, но никак не моя.

«Еще бы! А разве в то время ее карьерные предложения не были достаточно заманчивыми, ведь она вышла за вас, уже будучи звездой?» — подумала про себя Эмили, наскоро записывая вопрос, который собиралась задать Олдричу, когда подойдет ее очередь.

— Все это создавало напряжение в семейной жизни? — поинтересовался Мур у своего клиента.

— Да, создавало, но причину этого мы с Натали понимали по-разному. Я повторяюсь: когда я критиковал качество сценария, она считала, что я ищу повод удержать ее дома. Скучал ли я по ней в ее отсутствие? Конечно, ведь я был ей и мужем, и импресарио, и самым преданным поклонником. Тем не менее я сознавал, что женат на известной актрисе. Тоска по ней в разлуке вовсе не объясняла моих возражений по поводу тех или иных контрактов, которые ей так хотелось подписать.

— Вы пытались объяснить это супруге?

— Вот здесь и начинались трудности. Натали понимала, насколько разлука с ней мучительна для меня и для Кейти, поэтому пришла к выводу, что избавит нас всех от страданий, если съедет с квартиры, и мы останемся лишь друзьями.

— Правда ли, что вначале, сразу после вашего расставания, Натали не планировала отказываться от ваших услуг как агента?

— Да, правда. Я искренне верю, что Натали любила меня ничуть не меньше, чем я ее, и очень хотела сохранить тесные отношения и со мной, и с Кейти. Полагаю, ей тоже было очень грустно после нашего разрыва, но, пока я оставался ее импресарио, мы вынуждены были по-прежнему встречаться, обсуждать деловые вопросы, а затем снова расходиться в разные стороны, словно чужие. Скоро эта ситуация стала тяготить нас обоих.

Эмили записала себе в блокнот: «Ваш кошелек тоже стал меньше тяготить вас после того, как вы потеряли такую выгодную клиентку?»

— Некоторые из друзей Натали утверждали на суде, что после вашего расставания вы изводили ее частыми телефонными звонками, — констатировал Мур. — Не объясните ли им нам, почему так себя вели?

— Объяснение вы услышали сегодня утром от моей секретарши Луизы Пауэлл. Натали активно выражала недовольство тем, что я преследую ее, но на самом деле, и мне это доподлинно известно, испытывала весьма противоречивые чувства по поводу того, стоит ли ей добиваться развода. В любом случае, пока мы жили вместе, она мои частые звонки только приветствовала.

Далее Мур спросил своего подзащитного о скрипучем столике, в котором, по утверждению Джимми Истона, Грег хранил деньги и из которого якобы выдал первый взнос от суммы, причитающейся за убийство Натали.

— Этот столик стоит у меня еще со времен Кэтлин, семнадцать лет назад я купил его на распродаже. Скрипучий ящик в нем стал для нас своеобразной семейной шуткой: мы смеялись, что это послание с того света. Как узнал о нем Джимми Истон, я понятия не имею. Ни разу при мне он не заходил в мою гостиную, да и без меня, если мне память не изменяет, тоже никогда там не был.

Затем Мур задал Олдричу вопрос о встрече с Истоном в баре.

— Я сидел в баре в одиночестве, пропустил там пару стаканчиков. Не стану скрывать: настроение у меня было — хоть вешайся. Истон занял место рядом со мной, на соседнем стуле, и сам со мной заговорил.

— Что вы с ним обсуждали? — уточнил защитник.

— Команды «Янкиз» и «Метс». Бейсбольный сезон был как раз на подходе.

— Вы сообщали ему, что женаты на Натали Райнс?

— Нет, не сообщал. Его это совершенно не касалось.

— Пока вы находились в баре, выяснил ли он как-то, что Натали — ваша жена?

— Да, выяснил. Меня увидел Уолтер Робинсон, бродвейский спонсор. Собственно, он подошел лишь высказать мнение, что Натали в «Трамвае» сыграла замечательно. Истон все слышал и с лету ухватил, что я — муж Натали. Потом он обмолвился, что читал о нашем разводе в журнале «Пипл». Я вежливо намекнул, что вовсе не хочу касаться этой темы.

Мур поинтересовался звонками, совершен- и ими с телефона Олдрича в тот вечер: сначала на мобильник Натали, затем — Истона.

— Я набрал номер Натали просто поздороваться. В тот момент она отдыхала у себя в гримерке. У нее болела голова, и она сильно устала. Она рассердилась, что я потревожил ее, и действительно повысила голос, как показал ранее мистер Истон. Впрочем, я уже говорил, что Натали испытывала противоречивые чувства. За день до этого мы с ней проболтали по телефону целых двадцать минут, и Натали призналась мне, что наше расставание стало для нее нелегким испытанием.

— А как вы объясните звонок Истону? — осведомился защитник.

У Эмили внутри все сжалось от предвкушения того, как именно Олдрич станет выкручиваться. Его адвокат на перекрестном допросе уже предложил альтернативную версию происходившего в баре, но сам Олдрич с тех пор, как возник Истон, словно черт из табакерки, не спешил с заявлениями. Эмили понимала: наступает момент, который может решить исход всего процесса.

— Почти сразу, как Истон поинтересовался моей женой, он заторопился в туалет. Мне, собственно, было глубоко наплевать на его потребности, особенно после проявленного к моей

личной жизни любопытства. В тот момент я почувствовал, что слегка проголодался. Я решил заказать гамбургер и съесть его тут же, в баре. Примерно через пять минут снова появился Истон и пожаловался, что потерял мобильник — вероятно, положил где-нибудь поблизости. Он попросил меня набрать его номер — тогда телефон зазвонит и, дай бог, отыщется.

Олдрич помолчал и окинул взглядом присяжных.

— Он написал мне свой номер, и я набрал его. Сигнал с моего телефона шел, но нигде в баре мобильник Истона не откликался. Я выжидал гудок за гудком, чтобы Истон мог обойти все кругом и обнаружить свою пропажу. Звонок не срывался, и уведомления о том, что абонент недоступен, я не получал. Примерно через полминуты связь установилась, Истон взял трубку и поблагодарил меня. Оказывается, он оставил телефон в туалете. Больше мы не виделись, и я услышал об этом человеке снова лишь тогда, когда он попался на грабеже дома и сочинил свой смехотворный вымысел.

— Как, по-вашему, мог ли кто-нибудь поблизости слышать, как мистер Истон просил нас набрать его номер?

— Вряд ли. В баре стоял настоящий гвалт. И я не помню никого из знакомых, кто бы находился рядом с нами. Истон вместе со своей вопиющей ложью возник целых два года спустя. Теперь я даже не представляю, кто мог бы ее опровергнуть.

— Кстати, упоминал ли мистер Истон о том, что он преступник-рецидивист и что ему никак не удастся найти работу?

— Ни единым словом! — ответил Олдрич.

— В пятницу тринадцатого марта, два с половиной года назад, — невозмутимо продолжал Мур, — вы присутствовали на заключительном показе спектакля «Трамвай "Желание"» с участием Натали. Очевидцы утверждали, что вы сидели в последнем ряду с застывшим лицом и не поднялись для финальной овации. Как вы это прокомментируете?

— Вообще-то я не собирался идти на этот спектакль, но столько слышал об игре Натали, что не смог удержаться. Я специально купил билет в самый последний ряд: не хотел, чтобы Натали заметила меня, ведь она, чего доброго, могла и расстроиться. А под занавес я не встал, потому что эмоционально был истощен. Думаю, в тот момент я еще раз убедился, какая она все-таки фантастическая актриса.

— Натали звонила вам на следующее утро?

— Не звонила, а прислала голосовое сообщение о том, что уезжает на Кейп-Код, а в понедельник, как и было условлено, явится на нашу деловую встречу. Она также попросила на выходных ее не беспокоить.

— Что вы почувствовали, получив это сообщение?

— Не стану скрывать, я очень огорчился. Накануне Натали дала мне понять, что у нее появился другой мужчина. И мне необходимо было выяснить, насколько это правда. Поэтому я и решил съездить на Кейп-Код. Я рассудил так: если я действительно застукаю ее с другим, то мне ничего не останется, кроме как принять наш разрыв.

«Спроси его, почему он не нанял для этой цели частного детектива», — записала себе в блокнот Эмили.

— Зачем для поездки на Кейп-Код вы взяли напрокат автомобиль, зеленую «Тойоту», тогда как ваш «Мерседес» стоял в это время в гараже вашего дома?

— Дело в том, что Натали сразу узнала бы Мою машину. На номерной табличке значились наши с ней инициалы, и я не хотел, чтобы она или еще кто-то увидел мою слежку.

— Грег, что вы сделали, когда оказались на Кейп-Коде?

— Снял комнату в небольшом мотеле в Хайянисе. На Кейп-Коде у нас было много общих знакомых, и я боялся случайно столкнуться с кем-нибудь из них. Я лишь собирался посмотреть,

одна Натали в доме или нет.

— Вы проехали мимо ее дома несколько раз?

— Да. Когда-то из гаража сделали комнату для отдыха, а новый гараж так и не построили. Поэтому гостю некуда было бы поставить автомобиль. На подъездной аллее у дома Натали находилась только ее машина, из чего я сделал вывод, что она одна.

«Может, кто-нибудь подсел к ней по дороге? — записала себе Эмили. — Как вы могли только из-за отсутствия чужой машины с такой уверенностью думать, что у нее никого нет?»

— Как вы поступили потом, Грег? — продолжал Мур.

— Я проехал мимо дома Натали в субботу днем и еще один раз — ближе к ночи, а потом три раза в воскресенье. Ее автомобиль по-прежнему в одиночестве стоял на подъездной аллее. Погода оба дня хмурилась, и в доме постоянно горел свет, из чего я заключил, что Натали никуда не отлучалась. В воскресенье около восьми часов вечера я отправился обратно на Манхэттен. Прогноз погоды обещал шквалистый ветер, и мне хотелось поскорее добраться до дома.

— В тот момент вы уже приняли какое-то решение относительно ваших отношений с Натали?

— По пути я вспомнил строчку из одной книжки, которую когда-то читал. Не могу сказать точно, но, по-моему, речь в ней шла о Томасе Джефферсоне^[13]. Словом, цитата такая: «Никогда не бываю менее одинок, чем когда я один».

— «Никогда не бываю менее одинок, чем когда я один...» Вы посчитали, что эта фраза применима к вашим с Натали отношениям? — уточнил защитник.

— Да. Мне кажется, в тот воскресный вечер ни дороге домой я наконец-то примирился с реальностью.

— В котором часу вы оказались в своей квартире?

— Около часу ночи. Я был вымотан до предела и сразу лег спать.

— Чем вы занимались в понедельник утром?

— Я совершил пробежку в Центральном парке. Потом отдал автомобиль в прокат.

— В какое время вы отправились на пробежку?

— Примерно в четверть восьмого.

— А машину вернули в пять минут десятого?

— Да.

— Обычно вы не тратите на пробежку столько времени?

— Чаще всего мне хватает часа, а потом я могу еще некоторое время идти пешком. Однако бывает, что по пути я размышляю о разных вещах и теряю ощущение времени.

«Ну конечно!» — мысленно усмехнулась Эмили.

— Мистер Олдрич, часто ли вы подвержены таким вот провалам во времени, если вы на пробежке или на прогулке? — участливо поинтересовался Ричард Мур.

— Никакой системы тут нет. Но если моя голова чем-нибудь забита, то такое вполне может случиться.

Грег подумал, что такое случилось не далее как сегодня утром. Когда он вышел из дому, не было и половины шестого, а вернулся он только в полвосьмого. Пришлось со всех ног мчаться в душ и срочно переодеваться, чтобы успеть в суд. «Но присяжным я не буду говорить об этом, — решил про себя Грег, — иначе подумают, что я чокнутый».

«Никакой системы тут нет! — негодовала Эмили. — Только случилось это именно в утро убийства Натали. Какое удобное совпадение!»

Следующий вопрос Ричарда Мура был о том, как Грег отреагировал на звонок, возвестивший о гибели Натали.

— Я отказывался верить. У меня в голове не укладывалось... Меня эта новость просто

убила.

— Что вы сделали, получив известие о трагедии?

— Я сразу поехал к матери Натали, прямо с работы.

Грег, не скрываясь, отыскал среди присутствующих Элис Миллз, сидевшую в третьем ряду. Несмотря на принятые для свидетелей правила, ей разрешили посещать процесс до его окончания.

— И Элис, и я не могли опомниться от потрясения. Мы оба рыдали. Она в первую очередь вспомнила о Кейти. — Рассказывая, Олдрич явно делал над собой усилие. — Она-то знала, как хорошо Натали и Кейти ладили друг с другом. Элис убедила меня, что я должен тотчас отправиться к дочери и помягче ей все сообщить, пока об этом не позаботились чужие люди.

Время приближалось к четверем. «Мур нарочно тянет время, чтобы на выходных присяжные вдоволь посмаковали сочувствие к бедняжке Грегу», — подумала Эмили.

Донельзя раздосадованная, что придется отложить перекрестный допрос Олдрича на понедельник, Эмили тем не менее не допустила ни малейшей бреши в собственной невозмутимости.

В тот вечер эксперты, приглашенные на том шоу Майкла Гордона «В судебных кулуарах» сошлись во мнениях, что Грег Олдрич прекрасно себя вел на прямом допросе и что если он так же достойно выдержит и перекрестный допрос обвинителя, то вполне можно предположить отсутствие единого мнения со стороны присяжных и даже оправдательный приговор.

— Вердикт суда целиком и полностью зависит от показаний жулика, — заметил отставной судья Бернارد Рейли. — Стоит только найти приемлемое объяснение тому, как Джимми Истон узнал о том скрипучем ящике, и у присяжных тут же возникнут резонные сомнения. Все остальные его свидетельства против Олдрича голословны. — Судья Рейли улыбнулся. — Я могу болтать в баре о чем угодно и с кем угодно, но если кто-то из этих людей покажет под присягой, что я мечтаю убить свою жену, то поверят все же мне, а не ему. К тому же объяснения Олдрича по поводу его телефонного звонка Истону кажутся мне вполне убедительными и правдоподобными.

Майкл Гордон ощутил, как закипают в нем эмоции, и вдруг осознал: какая-то часть его, наверное, до сих пор надеется, что его друга оправдают.

— Я должен кое в чем признаться, — неожиданно для самого себя сообщил он. — Когда откуда ни возьмись, появился этот Джимми Истон, я искренне поверил, что он, пожалуй, не лжет и что Грег Олдрич действительно совершил преступление. Я лично много раз наблюдал за одержимым поведением Грега по отношению к своей жене и видел, как сильно он расстроен из-за их разрыва. Я действительно думал, что однажды он сорвался и убил ее.

Гордон посмотрел прямо в недоумевающие лица участников передачи.

— Понимаю, что совершаю сейчас небывалую вещь. Обычно я придерживаюсь политики нейтралитета, но, если уж на то пошло, данный случай для меня особенный. В первый же день суда я заявил вам всем, что Грег и Натали были мне близкими друзьями, но с тех пор, как против Грега Олдрича выдвинули обвинение, я намеренно занимал стороннюю позицию. Теперь, выслушав всех свидетелей и особенно самого Грега, я безмерно сожалею, что позволил себе усомниться в нем. Я чувствую, что он говорит правду, и верю в его невиновность, а развернутый против него процесс считаю величайшим несчастьем.

— Тогда кто, по-вашему, мог застрелить Натали Райнс? — осведомился Рейли.

— Допустим, она случайно столкнулась с грабителем, — предположил Гордон. — Да, на дома ничего не пропало, но ведь вор мог поддаться панике и скрыться после убийства. Или это вполне мог быть какой-нибудь сумасшедший поклонник. Что до искусственных камней с нишами для ключей — сколько людей держат их на задних дворах! Опытный воришка в первую очередь посмотрит, нет ли на участке такого тайника.

— Зря они не спросили у Джимми Истона, обращал ли он внимание на такие камни, — посетовал Бретт Лонг, криминальный психолог.

Остальные рассмеялись, а Майкл Гордон напомнил зрителям, что в понедельник прелестная молодая обвинительница Эмили Уоллес приступит к перекрестному допросу Грега Олдрича.

— Подозреваемый — последний свидетель защиты. После того как представители обеих сторон выступят с заключительными речами, судья даст свое напутствие присяжным и дело полностью перейдет в их ведение. Когда присяжные начнут совещаться, мы проведем очередной опрос на нашем сайте. Внимательно изучите все показания и выразите свое мнение. Благодарим, что смотрели передачу «В судебных кулуарах». Спокойной вам ночи!

В десять вечера, перекинувшись парой слов с расхोдившимися гостями, Майкл направился в

свой кабинет и набрал номер, который игнорировал в течение семи месяцев. Услышав голос Грега, он тут же поинтересовался:

— Надеюсь, ты видел передачу?

— Видел, — хрипло отозвался Грег. — Спасибо тебе, Майк.

— Ты уже ужинал?

— Что-то аппетита нет...

— А Кейти где?

— В кино с подружкой.

— У Джимми Нири открыто допоздна. И там нет зевак. Что скажешь?

— Что ж, годится...

Майкл Гордон положил трубку; глаза у него увлажнились.

«Я с самого начала не должен был его бросать, — подумал он. — Грег наверняка так одинок».

Эмили смотрела «В судебных кулуарах», устроившись в гостиной с бокалом вина. «Согласна, — размышляла она после комментария отставного судьи, — мое обвинение строится на показаниях такого скользкого свидетеля, какой мне в жизни не попадался».

Она чувствовала себя донельзя подавленной и опустошенной. И она понимала причину такого состояния. Все ее силы были брошены на то, чтобы вывести Олдрича на чистую воду. А потом Ричард каким-то образом умудрился добиться показаний и от соседки из Джерси-Сити, и от секретарши, и от няни. Послушать их, так обвиняемый — просто святой! Но Эмили решила, что правильно сделала, дав им выступить. Если бы она стала чернить их слова, то сделала бы громадную ошибку.

Лео Кернс, другой агент... Может, с ним стоило копнуть поглубже? А вдруг... Когда теряешь клиента, для альтруизма места не остается. Наверное, театральные дельцы — люди без лишних эмоций. Кернс представил все дело как теннисный матч, закончившийся ничьей.

Грег Олдрич... Как исказилось болью его лицо, когда он говорил о первой жене!.. «Что-то я сентиментальничаю, — тут же остановила Себя Эмили. — Я стала ему сопереживать, потому что сама испытала такую же боль, когда погиб Марк».

«Наш новый дом на той горе... мой верный храбрый Жан сам выстроил шале», — вспомнились ей обрывки народной песни из детства. Грег Олдрич пытался построить свою жизнь. Он вторично женился, и явно по большой любви. А потом, когда Натали застрелили, он, убитый горем, вынужден был обороняться от нападок полиции, подозревающей его в преступлении...

Эмили допила вино. «Господи, что со мной творится? — сердито спросила она себя. — Мне же положено его обвинять!..»

Когда в конце передачи Майкл Гордон выступил в защиту Олдрича, Эмили, зная его как беспристрастного аналитика, пришла в ужас. Однако затем ее решимость только окрепла. «Он может сколько угодно выражать мнение большинства своих зрителей и даже мнение, которое, возможно, уже сложилось у присяжных, но я-то себе не позволю зарубить на корню собственные усилия!»

— Вот так удивил! — воскликнула Изабелла Гарсия.

Она и ее супруг Сэл сидели в своей маленькой гостиной на Восточной Двенадцатом улице Манхэттена. Изабелла, поглощенная просмотром передачи «В судебных кулуарах», была крайне изумлена: ведущий Майкл Гордон признался гостям, что отныне не верит в причастность Грега Олдрича к убийству жены. Однако замешательство не помешало Изабелле сказать мужу, что если хорошенько подумать, то в словах Гордона есть здравый смысл.

Сэл в то время потягивал пиво и читал спортивную страничку. Телевидение его совершенно не интересовало, если не считать новостей, а также бейсбольных и футбольных матчей, к тому же он обладал редким даром мысленно отключать звук и изображение во время чтения.

Вчера, когда Белл пыталась привлечь его внимание к кадрам, на которых воришка Джимми Истон давал показания, Сэл удостоил его лишь мимолетным взглядом, но даже краткого мгновения хватило, чтобы понять: этого парня он где-то уже видел. Сэлу так и не удалось вспомнить, где именно, впрочем, ему до него не было никакого дела.

Зная наперед, что после окончания передачи Белл непременно захочет поговорить, Сэл покорно отложил газету. Обычно после просмотра «Кулуаров» его супруга озвучивала свое мнение о событиях, происходивших в тот день в зале суда. К сожалению, ее мамаша как раз была в круизе по Карибскому морю вместе с подружками, тоже вдовами, и ежевечерние длительные беседы матери и дочери по телефону на время прекратились.

— Должна заметить, Грег выглядел молодцом, — начала Белл. — В нем есть какое-то обаяние. Вообще, уму непостижимо, почему Натали его бросила... Если бы она была нашей дочерью, я бы посадила ее рядом и процитировала бы одного очень умного человека: «Еще никто на смертном одре не пожалел о том, что слишком мало времени проводил в рабочем кабинете».

— Она трудилась на сцене, а не в кабинете, — возразил Сэл.

«Можно подумать, от Белл зависит, каков будет вердикт суда», — со смешанным чувством иронии и раздражения подумал он, глядя на женщину, которая уже тридцать пять лет была ему подругой жизни. Белл не первый десяток лет подкрашивала волосы, поэтому и свои шестьдесят оставалась такой же жгучей брюнеткой, как и в их первую встречу. С тех пор она пополнила, но в меру, а уголки ее рта задорно загибались вверх, потому что Белл была улыбчивой. Сэл периодически напоминал себе, что должен благодарить Господа за мягкий нрав супруги: его брату, например, досталась в жены настоящая мегера.

— Сцена, кабинет — какая разница, — отмахнулась Белл. — А Кейти — прелесть, а не девочка! Обожаю, когда Майкл показывает ее в своей передаче.

Сэл подумал, что у его жены есть привычка отзывать о людях так, будто она с ними тесно дружит или дружила когда-то. Иногда, слушая ее рассуждения, он не сразу понимал, что речь идет вовсе не об их близких знакомых. Майкла Гордона, ведущего «Судебных кулуаров», она называла не иначе как Майк, Натали Райнс — обязательно Натали, и, разумеется, сам обвиняемый в убийстве заслужил ее нежную симпатию и простое имя Грег.

К без двадцати десять словесный поток Белл еще не иссяк. Она всю заливалась, как же хорошо, что Сюзи, та домработница, оказалась такой любопытной и заглянула в дом к актрисе — проверить на всякий случай, все ли там ладно.

— Не знаю, хватило бы у меня духу, чтобы пойти туда, если бы я была на ее месте, — прижалась Белл.

«Я тебя умоляю», — мысленно ответил ей Сэл. Закрытая дверь всегда была для его жены лучшим приглашением посмотреть, что за ней торится. Он решительно поднялся.

— Ты совершенно точно попыталась бы помочь, если бы так случилось, — устало заверил Сэл. — Мне пора на боковую. У нас с самого утра — заказ на переезд. Повезем вещи со Стейтен-Айленда на Перл-Ривер.

Через четверть часа, когда Сэл уже лежал в постели, ему вновь пришло на ум имя Джимми Истона. «Ничего удивительного, что этот парень показался мне знакомым, — понял Сэл. — Пару лет назад он подрабатывал у нас на подхвате. Так, проходимец... Нанялся и скоро исчез».

В субботу утром Зак подсматривал сквозь жалюзи за завтраком Эмили, как обычно. На часах было полдевятого. «Сегодня она спала на два часа дольше, — подумал он. — Вчера уже в полседьмого выехала из дома, а сегодня даже вторую чашечку кофе выпила, пока читала газету». Собачка Эмили, Бесс, пристроилась у хозяйки на коленях. Зак ее ненавидел: он завидовал их тесной близости.

Эмили отправилась наверх одеваться, и Зак почувствовал привычное разочарование оттого, что не мог ни видеть, ни слышать ее. Двадцать минут он не отходил от окна, пока не заметил, что соседка уже садится в машину. Начало октября выдалось теплым, и Эмили была в джинсах и свитере. Обычно, когда она работала в выходной, то выбирала более строгий наряд. Зак не сомневался, что Эмили собирается изучать материалы дела в своем кабинете.

Весь день до ее возвращения был у него расписан. С деревьев опадали первые листья, и Зак целое утро их подгребал и собирал в кучи, а затем засовывал в пластиковые мешки и оставлял за оградой, чтобы их подобрал мусоровоз.

Зак был уверен, что Эмили теперь появится только к вечеру. Пообедав, он поехал в местный питомник и приобрел там кое-какие осенние растения. Его слабостью были желтые хризантемы. Зак планировал обсадить ими дорожку от подъездной аллеи до крыльца, хотя ему предстояло совсем недолго любоваться их прелестью.

Сложив рассаду в тележку, он поймал себя на грустной мысли, что нельзя ничего купить дня Эмили. Хризантемы очень украсили бы ее участок... Но она так занята на службе, что у нее и на себя-то времени не остается, не то, что на садик. Конечно, Зак догадывался, что, прояви он к ней такого рода внимание, она, несомненно, поймет его превратно. И тогда...

«Но сейчас это совершенно неважно, — подумал он, расплачиваясь в кассе. — Ей тоже недолго осталось любоваться цветами!» Он все еще злился на себя за то, что сглупил в тот вечер, несколько недель назад, когда Эмили застала его на своей веранде. Это разрушило их наметившуюся дружбу, и теперь она его совершенно избегала.

Зато он радовался, что догадался захватить из нижнего ящика ее комода нарядную ночную сорочку. Зак мог не опасаться, что Эмили вдруг хватится: у нее в комодке таких сорочек хранилось не меньше восьми, а заглянув в корзину для белья, он выяснил, что хозяйка предпочитает спать в длинной футболке.

Недолгий путь домой Зак провел в размышлениях. Когда Эмили окончательно отвергла его, он начал потихоньку готовиться к отъезду из Нью-Джерси. Оставалось только покончить с ней...

Арендную плату за дом Зак вносил помесечно и уже предупредил владельцев, что освободит дом к первому ноября. На работе он также поставил администрацию в известность, что уволится в конце октября. Он объяснил это тем, что его престарелая мать, живущая во Флориде, тяжело заболела и нуждается в уходе.

Зак понимал: после убийства Эмили ему придется исчезнуть, непременно до того, как обнаружат ее тело. Он знал наперед, что копы сразу начнут опрашивать соседей, которые наверняка не раз видели его на прогулке с ее собачкой. К тому же Эмили в беседе с родными или знакомыми могла обмолвиться о странном соседе, который не внушает ей доверия.

Зак был готов побиться об заклад, что и об этом станет известно полиции.

Он вспомнил, как Шарлотта, третья из его жен, вышвырнула его из его собственного дома, а потом проболталась своему новому другу, что Зак — не как все нормальные люди и что она его побаивается. «И правильно делала, что побаивалась, моя сладкая, — усмехнулся он про себя. — Жаль только, что мне не хватило времени разделаться и со своим бывшим закадычным

приятелем, твоим хахалем...»

Всего Зак купил двадцать шесть кустиков хризантем и остаток дня с удовольствием посвятил их посадке. Как он и предполагал, Эмили вернулась домой около пяти. Выйдя из машины, она приветливо помахала ему, но сразу же заторопилась в дом.

Он успел заметить, что соседка устала и чем-то подавлена. Зак почти не сомневался, что вечером она останется дома и сама займется готовкой ужина — по крайней мере, он на это очень надеялся. Однако в двадцать минут седьмого сквозь открытое боковое окно до него донесся гул мотора. Зак подскочил к окну и увидел на аллее удаляющийся капот машины Эмили, а в заднее стекло разглядел на ней шелковую блузку, жемчужное ожерелье и массивные серьги.

«Навела марафет, — с горечью констатировал Зак. — Вероятно, договорилась поужинать с друзьями... Хорошо хоть, никто за ней не заехал, значит, это не совсем любовное свидание». Зак ощутил нарастающее озлобление «Не хочу, чтобы в ее жизни был кто-то другой! Никого не потерплю!»

Его расстройство уже достигло предела. Зак знал, что за минуту может выломать раму в любом из ее окон и затаиться в доме до ее появления. Сигнализация не в счет: она у Эмили простая и дешевая. Такую систему очень легко обезвредить снаружи.

«Еще не время, — тут же одернул он себя. — Сначала надо подготовиться — достать другую машину, снять сносное жилье в Северной Каролине...» Люди постоянно переселялись туда целыми толпами, и с новыми документами Зак рассчитывал легко затеряться среди общей массы.

Решив не заикливаться на мысли о том, чем в этот момент занимается Эмили, Зак направился в кухню, достал из холодильника упаковку с гамбургером, который купил себе пи ужин, и включил телевизор. Он с удовольствием смотрел некоторые субботние вечерние программы, особенно «Разыскивается преступник». Передача начиналась ровно в десять; дважды за последнюю пару лет в ней появлялись упоминания о Заке. Он охотно разглядывал собственные фотороботы — возможные изображения себя нынешнего — и презрительно фыркал: «Ничего общего!»

В субботу вечером Эмили отправилась на званый ужин к Теду Уэсли. «У нас будет всего несколько друзей, — пояснил он. — Перед отъездом мы хотим лишний разок пообщаться с теми, кто нам действительно дорог».

Пятого ноября Тед заступал на новую должность в Вашингтоне. Эмили знала, что их дом в Сэддл-Ривер уже выставлен на продажу.

Тед и Нэнси Уэсли впервые удостоили ее приглашением. Эмили понимала, что это ответ на благоприятные отзывы о ней в прессе, связанные с процессом. Теду нравилось держать в своем окружении людей, добившихся славы. Успешных людей.

«Успех меня ждет или провал, в любом случае газеты с моей физиономией пополнят мусорные корзины уже на следующей неделе, — рассуждала про себя Эмили, сворачивал на Фоксвуд-роуд в местечке Сэддл-Ривер. — Но если я проиграю, то пройдет вечность, прежде чем меня пригласят снова».

Дом Теда выделялся из череды мини-особняков, выстроенных вдоль извилистой улочки. Эмили подумала, что на прокурорское жалование такой, понятно, не купишь. До прокурорской должности Тед входил в долю в престижной адвокатской конторе своего тестя, и основная часть средств, как слышала Эмили, досталась ему от супруги. Дед Нэнси по материнской линии в свое время основал сеть дорогих универсамов.

Эмили припарковалась в конце аллеи, у ротонды. Открыв дверцу, она ощутила, что на улице посвежело, и с наслаждением вдохнула полной грудью прохладный бодрящий воздух. В последнее время ей некогда было даже выйти и подышать, проветрить легкие. Эмили заторопилась в дом: она не позаботилась взять с собой жакет, а сейчас он не помешал бы.

Зато она была довольна, что выбрала для вечера блузку с ярким рисунком. Эмили видела, что долгие часы напряженной работы негативно сказались на ее внешности. Умело наложенная косметика отчасти помогла скрыть усталость, но и живые оттенки шелка очень выручали. «Вот закончится процесс, возьму себе несколько выходных — и плевать, сколько там дел скопилось у меня на столе», — решила Эмили, позвонив в дверь.

Тед сам подошел к домофону, открыл ей и с восхищением воскликнул:

— Вы сегодня чрезвычайно эффектны, госпожа прокурор!

— И вправду, — подтвердила Нэнси Уэсли, поспешившая за мужем к двери.

В этой стройной блондинке лет пятидесяти с первого взгляда безошибочно угадывался тот неизгладимый отпечаток, который с детства оставляют богатство и принадлежность к элите. Однако улыбка Нэнси была радушной, едва приложившись губами к щеке Эмили, она взяла ее руки в свои.

— Кроме тебя, у нас еще три гостя. Надеюсь, они тебе понравятся. Пойдем, я вас познакомлю.

Следуя за четой Уэсли, Эмили успела беглым взглядом окинуть холл. Зрелище ее впечатлило. Сдвоенная мраморная лестница. Балкон. Старинная люстра. И как кстати она выбрала себе наряд! Нэнси Уэсли тоже надела все шелковое: черные брюки и блузку, только, в отличие от Эмили, блузка была пастельно-голубой.

Еще три гостя... Эмили опасалась: уж не вздумали ли Уэсли пригласить для нее какого-нибудь холостяка в качестве кавалера за ужином? В этом году такое уже неоднократно случалось, правда, в других компаниях. Эмили все еще не смирилась с утратой Марка, поэтому усилия знакомых не просто раздражали ее — они ее мучили. «Может, когда-нибудь я и сделаю новую попытку, — сказала себе Эмили, — но только не сейчас». Она поспешно убрала с лица

невеселую улыбку. «Но даже если бы я была не против, типчики, которых мне подсовывали, все равно никуда не годились!»

Однако в гостиной, к облегчению Эмили, выяснилось, что двое из приглашенных — супружеская пара и обоим явно за пятьдесят. Она сразу узнала мужчину — это был Тимоти Мониган, актер в одной из вечерних мыльных опер. Действие телесериала разворачивалось в больнице, он играл там главного хирурга. Мониганы расположились на диванчике у камина, а еще одна дама лет под семьдесят устроилась в вольтеровском кресле.

Тед представил своей новой гостье Тимоти и его супругу Барбару. Поздоровавшись с ними, Эмили с улыбкой обратилась к Монигану:

— Мне называть вас «доктор»?

— Я же не на работе! Можно просто Тим.

— Тогда уж и я попрошу: не называйте меня прокурором.

Затем Тед обернулся к пожилой даме:

— Эмили, это еще одна наша добрая приятельница, Марион Роде. Она-то, кстати, настоящий доктор, психолог.

Познакомившись со всеми, Эмили сразу оказалась в дружеской компании. Потягивая вино из бокала, она чувствовала, что понемногу отходит от служебных волнений. «Вот оно, подлинное общение, — подумалось ей. — В жизни есть место всему, а не только процессу над Олдричем. И пусть лишь на один вечер...»

Когда хозяйева предложили пройти в столовую, и Эмили оглядела прекрасно сервированный стол, ей вспомнились быстрые супы и сэндвичи на рабочем столе и ужины с доставкой — на протяжении последних месяцев все это являло для нее вершину кулинарного искусства.

Угощение удалось на славу, беседа за ужином текла весело и непринужденно. Тим Мониган оказался завзятым краснобаем и охотно делился эпизодами своего сериала, оставшимися за кадром. Эмили слушала и смеялась, а потом призналась, что даже колонки светской хроники меньше захватывают. Ей стало интересно, как Тим и Тед познакомились.

— Когда я учился в университете Карнеги-Меллона, мы жили в одной комнате, — пояснил Уэсли. — Тим выбрал своей специализацией театр, и хотите верьте, хотите нет, но я и сам участвовал в некоторых постановках. Однако родители велели мне забыть об актерстве: они считали, что иначе я окончу жизнь нищим на паперти. Пришлось подкорректировать планы в сторону юридической школы, но, по-моему, те любительские спектакли немало пригодились мне в суде — и в бытность адвокатом, и потом прокурором.

Мониган обратился к Эмили:

— Нэнси и Тед предупреждали, что сегодня вечером не стоит надоедать вам разговорами о процессе. Но признаться, мы с Барбарой внимательно следим за событиями по «Судебным кулуарам». Так вот, по кадрам, где вы в зале суда, я могу судить, что из вас получилась бы первоклассная актриса. Вы телегеничны и потрясающе держитесь перед камерой; есть и еще кое-что — ваша выразительная манера задавать вопросы и реагировать на них. Всего лишь один пример: те испепеляющие взгляды, которые вы метали в Грега Олдрича во время выступления Истона, были красноречивее многих томов судебного дела.

— Надеюсь, Тед не снесет мне голову, если я полюбопытствую вот о чем, — несколько стеснительно начала Барбара Мониган. — Должно быть, Майкл Гордон изрядно раздосадовал вас, когда признался, что больше не верит в виновность Грега Олдрича.

Эмили чувствовала, что психолог Марион Роде с неподдельным вниманием дожидается ее ответа, однако больше всего ее удручало то, что, несмотря на обстановку светского раута, за столом присутствует ее непосредственный начальник, окружной прокурор.

Эмили помедлила, тщательно подбирая слова.

— Я не стала бы и не смогла бы вести дело, если бы допустила хоть толику сомнения в том, что Грег Олдрич убил свою жену. Его трагедия — а также трагедия Кейти и матери Натали Райнс — заключается в том, что он действительно мог испытывать очень сильные чувства к своей жене. Однако я считаю — и, возможно, доктор Роде не раз убеждалась в этом на практике, — что люди, весьма достойные во всех отношениях, способны в ревности или отчаянии на очень дурные поступки.

— Абсолютно верно, — подтвердила Марион Родс. — Я кое-что читала и слышала об этом случае, и мне показалось, что чувства Натали к супругу в тот момент еще не остыли. Если бы они оба обратились за консультацией к психологу и обсудили проблему частых расставаний из-за ее гастролей, события, возможно, развивались бы по иному сценарию.

Тед Уэсли поглядел на свою жену и с неожиданной кротостью признался:

— Именно это средство благодаря Марион оказалось действенным и для нас. Много лет назад, когда мы с Нэнси переживали не лучший период, она вовремя протянула нам руку. Если бы мы тогда разбежались, страшно представить, сколько счастья было бы загублено: мы не родили бы сыновей, не готовились бы сейчас к переезду в Вашингтон... Марион у нас — самая желанная гостя после тех консультаций.

— Людям, которые проходят через эмоциональные потрясения или конфликтуют с кем-то дорогим и близким, бывает очень полезно обратиться к толковому специалисту, — спокойно согласилась Родс. — Не все проблемы, разумеется, поддаются решению, и не все отношения можно и нужно спасать. Однако истории со счастливым концом не такая уж редкость.

Эмили вдруг сделалось неловко: как будто эти слова были адресованы непосредственно ей. Неужели Тед с помощью Марион намекает, что ей сейчас поможет не новый мужчина, а психотерапевт? Как ни странно, эта мысль не вызвала у Эмили негодования. Тед и Нэнси наверняка предупредили приглашенных о ее утрате и об операции. Эмили вспомнила, как однажды Тед поинтересовался у нее, не обращалась ли она к специалисту, чтобы обсудить свою нелегкую жизненную ситуацию. Эмили тогда ответила, что у нее прекрасные отношения с родственниками и друзьями, а лучшей терапией для нее, как и для всех, перенесших потерю близкого человека, остается работа и только работа.

«Наверное, Тед рассказал Марион и о том, что отец и брат с семьей уехали отсюда, — предположила Эмили. — К тому же шефу хорошо известно, что с моим рабочим графиком часто с друзьями не поводишься. Знаю, он искренне сочувствует мне, но я правильно рассудила, пока ехала сюда: если я проиграю процесс, немало найдется умников, которые задним числом начнут критиковать его за то, что переоценил меня. Тогда и посмотрим, будет ли он так же ко мне расположен».

Вечер у Теда закончился в десять; к тому времени Эмили уже очень хотелось домой. Ей вполне хватило этой короткой передышки, желанного бегства от текущих дел, и теперь она мечтала как следует выспаться и наутро в воскресенье снова отправиться в свой рабочий кабинет. После благоприятного впечатления, произведенного Грегом Олдричем при даче показаний, Эмили все сильнее тревожилась за предстоящий перекрестный допрос.

По дороге домой она снова стала себя пытаться: «А вдруг дело совсем в другом? Так ли меня волнует этот перекрестный допрос и сам приговор? Возможно ли, что меня мучает вероятность совершенной нами ужасной ошибки? Может, Натали Райнс все-таки убил кто-то другой?»

Тем же субботним вечером в девять часов Зак устроился в небольшой гостиной своего съемного жилища так, чтобы видеть подъездную аллею возле дома Эмили, и включил телеканал, по которому начиналась передача «Разыскивается преступник». Пара банок пива помогла ему успокоить нервы. Работа в садике и посадка цветов изрядно утомили его. Ему было интересно, заметила ли Эмили, когда возвращалась из прокуратуры и потом отправлялась куда-то, как миленько смотрятся желтые хризантемы вдоль его тропинки.

Отзвучала музыкальная тема передачи, и ведущий Боб Уорнер объявил: «Сегодня у нас целых три эпизода по прежним случаям. Первый из них — новости о результатах двухлетнего розыска человека, которого когда-то звали Чарли Муир. Надеюсь, вы помните две предыдущие сводки о нем — одна касалась множественного убийства в Де-Мойне, штат Айова, случившегося два года назад, а другая, уточняющая, появилась в прошлом году.

В полиции утверждают, что Муир тяжело переживал развод и пришел в ярость, когда его дом присудили бывшей супруге. Считается, что это послужило мотивом для убийства самой жены, ее матери и детей. К тому времени, когда нашли их тела, Муир уже скрылся и больше в тех краях не появлялся.

При дальнейшем расследовании обнаружилось новые ошеломляющие улики, подтверждающие, что этот человек ответствен за убийства еще двух женщин, которые последовательно являлись его женами. Одна из них, Лу Гюнтер, умерла в Миннесоте десять лет назад, а другая, Вилма Крафт, скончалась в Массачусетсе семь лет назад. В каждом из трех известных нам браков преступник жил под разными именами и систематически менял свою внешность. В Миннесоте он был известен как Гус Ольсен, в Массачусетсе — как Чед Радд. Мы даже не располагаем сведениями о его настоящем имени».

Уорнер выдержал паузу и, сменив тональность, произнес: «Оставайтесь с нами, и вы узнаете продолжение этой невероятной истории. Мы продолжим после рекламы».

«Все еще вынюхивают, — насмешливо констатировал Зак. — Но надо отдать им должное — мне приписали и два предыдущих убийства. Прежде им не хватало на это смекалки. Посмотрим, как теперь меня обрисуют».

Пока шла реклама, Зак сбегал в кухню за пивом. Он уже настроился высмеивать собственные фотороботы, но вдруг забеспокоился. Его встревожило, что последнее его преступление связали с убийствами в Миннесоте и в Массачусетсе.

Зак опять уселся перед телевизором, держа банку пива. Передача возобновилась. Уорнер комментировал появлявшиеся на экране фотографии: третья жена Зака Шарлотта вместе с ее матерью и детьми, потом Лу и Вилма. Ведущий описал жестокую манеру, с которой были совершены убийства: Шарлотта с семьей застрелена, Лу и Вилма — задушены.

Смятение Зака только усилилось, когда Уорнер показал снимки убийцы, предоставленные родственниками жертв. Фотографии были сделаны в течение десяти лет проживания преступника сначала в Миннесоте, потом в Массачусетсе и в Айове. В разные периоды он то носил бородку, то чисто брился, а волосы то отращивал, то коротко стриг. Иногда он был в очках с толстыми линзами, иногда в круглых «бабушкиных» очках или вовсе без очков. Его вес также постоянно колебался от крайней сухощавости до дородности и снова к худобе.

Далее ведущий представил вниманию зрителей компьютерную обработку образа маньяка, который учитывал его нынешний возраст и возможные вариации, состоящие из волосяного покрова на лице и на голове, разной массы тела и аксессуаров в виде очков. К ужасу Зака, один из фотороботов существенно напоминал его нынешний облик. «Но ведь зрители видят все

картинки скопом, — успокаивал он себя, — они ни за что меня не узнают».

«Профайлеры из ФБР считают, что, если исходить из его прошлой занятости, этот человек в данный момент может работать на заводе или на складе, — продолжал Уорнер. — Однажды ему также довелось быть помощником электрика. Единственным явным его увлечением можно считать уход за садиком возле дома. Маньяк всегда с большим удовольствием возился у себя на участке и гордился результатами своего труда. Мы раздобыли снимки его бывших домов и сейчас их продемонстрируем. Все три фото сделаны осенью. Как видите, убийца весьма равнодушен к ярко-желтым хризантемам — они в изобилии насажены то вдоль подъездной аллеи, то вдоль тропинки к крыльцу».

Зак так и подскочил в кресле. Он пулей вылетел на улицу, истерически схватился за лопату и принялся выкапывать цветы. Впопыхах он не сразу заметил, что фонарь над входом освещает всю тропинку, но затем поспешно его выключил. Задышавшись, он в полной темноте выдирает из земли кусты хризантем и швыряет их в пластиковые мешки. Неожиданно ему пришло в голову, что с минуты на минуту на аллее возле своего дома может появиться Эмили. Ему вовсе хотелось, чтобы она застала его за этим нелепым занятием. Зак подумал и о том, что соседка могла обратить внимание на цветы еще днем; как бы их отсутствие не вызвало ее любопытства, ведь какие-нибудь новые насаждения им на замену можно будет купить не раньше завтрашнего утра.

Не дай бог Эмили что-нибудь заподозрит. Может, кто-то из ее коллег уже обсуждает эту программу? Интересно, вспоминает ли этот кто-то про хризантемы? Обратил ли внимание на ту паршивую картинку кто-нибудь на его складе или в этом квартале? Связал ли два факта: то, что Зак живет и работает здесь два года, и то, что ровно столько времени минуло с его бегства из Де-Мойна?

Едва Зак закончил вырывать последние стебли, как на аллее возле дома Эмили показался ее автомобиль. Он скрючился в тени и наблюдал, как она выбралась из машины, устремилась к входу и скрылась за дверью. Откуда бы она сейчас ни приехала, можно ли поручиться, что она не видела этой передачи? Даже если она в подходящий момент лишь мельком взглянула на экран — у нее должно было сработать профессиональное чутье. Если этого не случилось сейчас, то ждать все равно недолго...

Зак понял, что придется ускорить приготовления к отъезду, который произойдет гораздо раньше намеченного срока.

Кончилось тем, что Майкл Гордон почти все свои выходные посвятил общению с Грегом и Кейти. В пятницу вечером за ужином у Нири обычно немногословный Грег неожиданно разоткровенничался. Майкл пытался повиниться перед ним за сомнения в его невиновности, но Олдрич только отмахнулся и признался:

— Майк, я не раз думал об одном происшествии, которое случилось со мной в шестнадцатилетнем возрасте. Я попал в тяжелейшую автокатастрофу и полтора месяца провел в реанимации. Из того периода я ровным счетом ничего не помню. Потом мама мне говорила, что последние три недели я бредил, нес всякий вздор и просил вынуть из меня трубки, которые якобы в меня понатыкали. Оказалось, я принимал медсестру за свою родную бабушку, которой не стало, когда мне было шесть лет...

— Ты никогда об этом не рассказывал, — заметил Майк.

— Кому приятно вспоминать, каково это — стоять на пороге смерти? — Олдрич натянуто улыбнулся. — Да и кому, спрашивается, хочется об этом слушать? В мире все и так достаточно беспросветно, не стоит забивать себе голову чьими-то унылыми историями, которым двадцать шесть лет в обед. И вообще, давай сменим тему...

— Давай, — согласился Майк, — а то ты ничего не ешь. Грег, сколько фунтов ты сбросил?

— Достаточно для того, чтобы опять влезть во все костюмы.

В субботу рано утром Майк заехал за Гретом и Кейти, и они все вместе отправились в Вермонт, в лыжный домик Майка. Лыжный сезон ожидался в лучшем случае через два месяца, но отец с дочерью вволю нагулялись, пока Майк работал над своей книгой о крупнейших преступлениях двадцатого века.

Ужинали они в «Манчестере». Погода в Вермонте, как обычно, оказалась гораздо холоднее нью-йоркской, и жаркое пламя в камине уютного рестораника согревало друзей не только душевно, но и физически.

Поздно вечером, когда Кейти с книгой под мышкой отправилась спать, Грег заглянул в кабинет к Майку, где его приятель после ужина снова засел за свой труд.

— Ты как-то обмолвился, что сейчас пишешь главу о миллионере Гарри Тоу, который убил архитектора Стэнфорда Уайта в Нью-Йорке, в Мэдисон-сквер-гарден...

— Именно так.

— Верно, что он стрелял на глазах у целой толпы, а потом был освобожден после ходатайства о собственной невменяемости?

Майкл не мог понять, куда клонит Грег.

— Да, но Тоу действительно потом лечился и психиатрической клинике...

— Если мне не изменяет память, он там надолго не задержался, а когда освободился, поселился в шикарном особняке в Лейк-Джордже^[14].

— Грег, выкладывай, чего ты от меня добиваешься!

Олдрич сунул руки в карманы брюк. Майк взгляделся в лицо друга — оно показалось ему до странности беззащитным.

— После той аварии в подростковом возрасте у меня бывали периоды, когда я подолгу не мог вспомнить какие-то давние события. Теперь этого нет. Единственное, что осталось от того происшествия, — это мое восприятие времени. Если я чем-то поглощен, то не всегда замечаю, как пролетают, допустим, часа два...

— Это называется способностью концентрироваться, — вставил Майк.

— Спасибо, но именно это со мной случилось в день смерти Натали. Стоял март, и погода

была отвратная. Одно дело — сидеть здесь за столом, не замечая хода времени, и совсем другое — бегать по улице в непогоду. Дело в том, что я точно знаю: я не способен кого-то убить. А Натали... Боже, как же я ее любил! И мне очень хотелось бы восстановить события, произошедшие за те два часа. Я отлично помню, как сдавал в прокат машину. Но если я и вправду все время бегал, то неужели до такой степени ушел в себя, что не ощущал ни холода, ни одышки?

У Майкла при виде смятения и расстройтва друга сжалось сердце. Он торопливо встал и встряхнул Грегa за плечи.

— Грег, послушай! Вчера ты блестяще выступил в суде. Я поверил и твоей версии встречи с Истоном, и объяснению частых звонков жене. Помню, как однажды мы болтали с тобой, и вдруг ты посреди фразы нажал кнопку на мобильнике и буквально десять секунд с ней говорил.

— Натали, я люблю тебя, — бесцветным голосом откликнулся Олдрич. — Конец связи.

В воскресенье утром Эмили позволила себе поспать до полвосьмого. Она планировала явиться в свой рабочий кабинет уже через час и провести там остаток выходного.

— Ох, Бесс, и натерпелась же ты со мной. Извини, что я совсем тебя забросила, — обратилась Эмили к своей любимице, снимая ее с соседней подушки.

Ей нестерпимо хотелось выпить кофе, но, увидев умоляющее выражение глазок болонки, Эмили наскоро натянула джинсы и куртку и объявила:

— Бесс, сегодня утром тебе не надо бегать на заднем дворе. Мы отправляемся с тобой на прогулку.

Собачка ринулась вниз по лестнице, неистово виляя хвостом. Эмили перехватила ее за ошейник и пристегнула поводок, затем сунула ключ от дома в карман куртки и отперла замок. Выходить отсюда было удобнее: с тех пор как на веранде появился засов, Эмили почти перестала пользоваться запасной дверью.

Бесс оживленно тянула хозяйку за поводок. Они пошли вдоль подъездной аллеи, но вдруг Эмили резко остановилась и в изумлении уставилась на соседний дом.

— Боже мой, что там такое? — пробормотала она, глядя на свежевскопанную землю у крыльца.

А ведь еще вчера там красовались желтые хризантемы! Может, они оказались поражены вредителями? Но разве такое бывает? Эмили ничего не понимала. Только вчера сосед всю тропинку обсадил цветами... Когда же он успел их выкопать? Вечером, когда она уезжала в гости к Уэсли, они еще были там, а когда возвращалась домой, то совершенно не обратила внимания, есть цветы или нет.

Эмили почувствовала, как Бесс отчаянно дергает за поводок, и перевела взгляд на свою любимицу.

— Извини, Бесс, все-все, уже идем...

На тротуаре собачка пожелала повернуть налево, и Эмили ничего не оставалось, как пройти мимо дома Зака. «Скорее всего, он у себя, — предположила она, — его машина стоит на аллее. Если бы не его странности, можно было бы потом спросить, что все-таки случилось. Но не хочется давать этому типу повод потом липнуть ко мне».

Ее мыслями вновь завладело воспоминание о том, как Зак сидел у нее на веранде, раскачиваясь в кресле. Эмили призналась себе, что тогда ей не просто сделалось неприятно — ей стало страшно.

«Мне и сейчас как-то не по себе, — рассуждала она через четверть часа, уже на обратном пути. — Тогда я была так загружена подготовкой процесса, что, наверное, меня не сразу проняло».

«Сам Господь сотворил этот день», — хмуро думал Грег Олдрич, глядя из окна спальни.

На календаре был понедельник, шесть часов утра, и на улице лил сильный дождь. Впрочем, даже в ясную погоду Грег все равно отказался бы от пробежки. «Вряд ли в такой особенный для меня день я опять потерял бы ощущение времени, — сказал он себе, — но рисковать не стоит».

Он с трудом сглотнул; у него сильно пересохло во рту. Накануне вечером Грег принял снотворную пилюлю слабого действия и смог уснуть на целых семь часов. Однако он не чувствовал себя отдохнувшим — скорее наоборот, слегка заторможенным. Грег решил, что его выручит крепкий кофе.

Достав из шкафа халат, он надел его и сунул ноги в шлепанцы, а затем по мягкому ковру в коридоре побрел на кухню. Долежавший оттуда аромат бодрящего напитка в кофеварке сразу поднял настроение.

«Выходные в Вермонте в компании Майка меня просто спасли, — размышлял Грег, доставая из застекленного шкафчика свою любимую кружку. — Каким утешением было поговорить с ним о том дне, когда не стало Натали, когда я целых два часа, ничего вокруг не замечая, бегал по холоду...»

Друг настраивал его, что в понедельник надо выступить со свидетельской трибуны так же хорошо, как и в пятницу. Вчера вечером, когда они уже возвращались из Вермонта, Гордон снова поднял эту тему.

— Грег, прояви завтра ту же решимость, какая была у тебя в пятницу. Твоя речь производила впечатление абсолютного правдоподобия! Помнишь выступление судьи Рейли в моей передаче? Если бы он в баре поболтал с незнакомцем и тот стал бы потом утверждать, будто новый знакомый предложил ему деньги за убийство жены, то поверили бы Рейли. Зрители по всей стране слышали эти слова, и я ничуть не сомневаюсь, что множество людей везде и всюду думают так же. — Майкл помолчал и продолжил: — В жизни бывают обстоятельства, при которых можно обвинить кого угодно и в чем угодно. Не забывай, что Джимми Истона за дачу показаний против тебя ждет немалая награда: ему больше не придется трястись при мысли, что он состарится в тюрьме.

— Да, но ты кое-что упустил из виду, — возразил Олдрич. — Жену того судьи никто в действительности не убивал.

«Убежденность, — с горечью констатировал Грег, — вот чего мне не хватает!» Он перелил кофе в кружку и перешел с ней в гостиную. Эту квартиру они с Кэтлин купили, когда ожидали рождения Кейти. Ему тогда пришлось сильно поднапрячься, чтобы подписать контракт на содержание жилья. Правда, в те времена он несколько не сомневался, что добьется успеха на своем поприще. И вот он его добился, и к чему это все привело?

Кэтлин радовалась как ребенок, выбирая для новой квартиры обои, мебель и ковры. У нее от природы был хороший вкус и исключительное умение торговаться. Она любила шутить, что оба они — прирожденные везунчики, хотя и не родились с серебряной ложкой во рту. Если бы она не умерла, Грег никогда не сошелся бы с Натали, и ему не надо было бы ехать в суд и доказывать присяжным, что он не убийца. Ностальгия нахлынула на него подобно волне; Олдрич ощутил, что душевно и физически скучает по первой жене.

— Кэтлин, — прошептал он, — посмотри, что со мной стало... Мне так страшно... Если меня осудят, кто позаботится о нашей Кейти?

В горле у него стоял комок; совладать с собой не получалось. Прикусив губу, Олдрич приказал себе: «Хватит! Уймись! Лучше иди и приготовь Кейти завтрак. Если она увидит, в

каком ты состоянии, то совсем падет духом».

На пути в кухню ему попался тот самый столик с ящиком, откуда, по уверениям Джимми Истона, Грег выдал ему пяти тысячный аванс за убийство Натали. Олдрич остановился и потянул за ручку ящичка. Пронзительный скрип, столь дотошно описанный Истоном, тут же резанул по ушам, и он с досадой задвинул ящик обратно.

— Вижу, ты в полной боевой готовности?

Эмили оторвала глаза от записей: в дверях стоял детектив Билли Трайон. На часах было семь утра понедельника — она явилась в свой кабинет загодя. «Вот один из самых моих нелюбимых коллег в мире!» — раздраженно сказала себе Эмили, уловив в тоне Трайона снисходительные нотки.

— Эмили, нужна ли тебе моя помощь в это необыкновенное утро? Я слышал, сегодня у тебя в суде грандиозное событие?

— Надеюсь, Билли, я сама вполне справлюсь. В любом случае спасибо.

— Как спел бы Элвис: «Сейчас или никогда!» Удачи тебе с Олдричем. Желаю разнести его в пух и прах.

Эмили не могла понять, действительно ли Трайон болеет за нее или просто предвкушает ее сокрушительный провал, но сейчас ей было некогда в этом разбираться. «Подумаю об этом завтра», — рассудила она.

Трайон тем не менее и не собирался уходить.

— Не забудь, что ты будешь бороться и за нас с Джейком, — заявил он. — Нам с ним пришлось побегать по этому делу. Да и кто бы сомневался, что этот Олдрич действительно мокрушник.

Сообразив, что Трайон напрашивается на комплимент, Эмили неохотно согласилась:

— Конечно, вы с Джейком очень постарались. Остается только уповать, что присяжные с тобой полностью согласятся.

«Наконец-то удосужился подстричься, — заметила она, оглядывая Трайона. — Если бы он мог представить, насколько теперь выигрывает внешне, то почаще посещал бы парикмахера». Расставшись с привычным небрежным обликом, Билли стал похож на такого развязного мачт, вследствие чего действительно мог нравиться некоторым женщинам. В их конторе ходили слухи, что Билли завел себе новую подружку, певичку из ночного клуба. А собственно, что в этом удивительного?

Эмили вдруг ощутила, что и он оценивающе ее рассматривает.

— Сегодня ты принарядилась ради телекамер, не иначе. Классно выглядишь.

Утром, собираясь в суд, Эмили в приступе непонятого суеверия отвергла приготовленные заранее пиджак и юбку. Вместо них она достала из платяного шкафа темно-серый брючный костюм и ярко-красную водолазку; она помнила, что надевала этот комплект в тот день, когда Тед Уэсли поручил ей ведение дела.

— Я вовсе не принарядилась, — сухо возразила она. — Этому костюму уже два года, и я не раз появлялась в нем в суде.

— Да я просто похвалить тебя хотел! Ты и вправду прекрасно выглядишь.

— Билли, я тебе очень благодарна, но ты, наверное, и сам видишь, что я изучаю материалы по процессу, и меньше чем через час мне предстоит явиться в зал суда и добиваться для убийцы обвинительного приговора. Так что, если ты, конечно, не возражаешь...

— Нет, конечно, нет, — шутливо замахал руками Трайон, затем повернулся и прикрыл за собой дверь.

После его визита делового настроения у Эмили как не бывало. «Разве я принарядилась ради телекамер? — спросила она себя. — Ведь нет же... Или эта водолазка слишком кричащая? Тоже нет. Ладно, забыли, не то крыша поедет, как у Зака». Она вдруг вспомнила о пропавших хризантемах. В субботу сосед целый день сажал их. Такие красивые цветы.

А вчера утром, когда они с Бесс вышли на прогулку, их уже не было — остались одни ямки вдоль тропинки. А в пять часов, когда Эмили вернулась домой, на их месте всю красовались астры и анютины глазки. Но хризантемы ей нравились больше. «Хотя этот парень явно со сдвигом. Наверное, к лучшему, что я застала его у себя дома в кресле-качалке. Тревожный звоночек!» — заключила Эмили.

Отбросив усилием воли мысли о своем гардеробе и о чудаковатом соседе, Эмили снова углубилась в материалы дела и еще раз проштудировала записи, которые собиралась использовать на перекрестном допросе Грега Олдрича.

Слушание дела возобновилось ровно в девять утра. Судья Стивенс предписал Грегу Олдричу занять место на свидетельской трибуне.

На Грее был темно-серый костюм, белая рубашка и черно-серый галстук. «Оделся как на похороны, — подумала Эмили. — Могу поспорить, что это Мур посоветовал ему такое сочетание — пытается навеять присяжным образ безутешного супруга. Но лично мое мнение, что он зря старается».

Она быстро оглянулась. Судебный пристав перед этим сообщил ей, что еще задолго до открытия дверей весь коридор, ведущий в зал гуда, ломился от желающих присутствовать на процессе. Нечего и говорить о том, что помещение было забито до отказа. Кейти Олдрич находилась в первом ряду, непосредственно за отцом, а по другую сторону прохода сразу позади Эмили расположились Элис Миллз и две ее сестры. Эмили успела поздороваться с ними, когда усаживалась за свой стол.

Судья Стивенс повторил для протокола, что свидетель был приведен к присяге накануне, а затем обратился к Эмили:

— Обвинитель, вы можете приступить к перекрестному допросу.

Эмили поднялась.

— Благодарю, ваша честь.

Она отошла к дальнему краю скамьи присяжных и начала:

— Мистер Олдрич, вы заявляли суду, что очень любили свою жену Натали Райнс. Вы подтверждаете это?

— Да, подтверждаю, — спокойно ответил Олдрич.

— И вы являлись ее импресарио. Верно?

— Верно.

— Справедливо ли утверждение, что Натали Райнс была популярной актрисой, и широкий успех у публики она имела как во время вашего с ней брака, так и до него?

— Совершенно справедливо.

— Вы не отрицаете тот факт, что, живи она и поныне, были бы все основания предрекать радужное продолжение ее карьеры?

— Несомненно, так бы и было.

— Вы не станете спорить, что если бы перестали быть ее импресарио, лишились бы своей доли от ее прибылей?

— Это так, но еще до женитьбы на Натали я не один год преуспевал в качестве агента и преуспеваю до сих пор.

— Мистер Олдрич, я задам вам еще один вопрос на эту же тему. Ваши доходы существенно увеличились после того, как вы женились на Натали и стали ее агентом? Да или нет?

— Да, но не столь существенно.

— Хорошо, кто-нибудь из ваших нынешних клиентов сравнится по популярности с Натали Райнс?

— Некоторые из моих клиентов, в особенности те, у кого есть контракты с фирмами

звукозаписи, зарабатывают гораздо больше, чем когда-то Натали. — Олдрич поколебался и продолжил: — Здесь подразумевается успех иного рода. Натали претендовала на титул, некогда принадлежавший покойной Хелен Хэйес^[15], и действительно имела все шансы стать первой леди американского театра.

— Вы были бы рады, если бы она этого добилась?

— Как актриса, она была изумительна и вполне заслуживала таких почестей.

— С другой стороны, мистер Олдрич, вас огорчало, что Натали по работе надолго отлучалась на съемки. Разве не правда, что вы постоянно изводили ее, требуя буквально разрываться?

Эмили подступила ближе к свидетельской трибуне. Ее голос звенел от волнения.

— Я уже заявлял суду и повторю снова, что меня гораздо больше заботила готовность Натали соглашаться на такие роли, которые, по моему мнению, повредили бы ее карьере. Разумеется, я скучал по ней в разлуке. Нас связывали очень нежные чувства.

— Не стану с этим спорить, но разве от этого ее меньше мучили ваша злоба и раздражение из-за ее частых отъездов — так что в конце концов Натали разочаровалась в вашем браке?

— Расстаться со мной ее вынудили совершенно другие причины.

— Впрочем, оставим в стороне ваше профессиональное мнение относительно достойных ее ролей. Если вы действительно были настолько терпимы к ее рабочему графику, почему она решила нанять другого агента? Почему просила вас не звонить ей больше? Почему, в конце концов, недвусмысленно потребовала этого от вас?

Наступая на Грега Олдрича, Эмили не только по реакции зала чувствовала, что хладнокровие подсудимого дало брешь, — он начал запинаться и при ответах отводил глаза.

— В последний раз Натали связывалась с вами в субботу утром, четырнадцатого марта. Это было два с половиной года назад. Позвольте мне буквально процитировать вам то, что вы под присягой показали суду. — Эмили вслух прочитала с листка: — «Прислала голосовое сообщение о том, что уезжает на Кейп-Код, а в понедельник, как и было условлено, явится на нашу деловую встречу. Она также попросила на выходных ее не беспокоить». Она хотела, чтобы ее оставили в покое, не правда ли, мистер Олдрич?

Эмили испепеляла обвиняемого взглядом. На лбу у него выступили бисеринки пота,

— Да...

— Но вместо того чтобы прислушаться к ее пожеланиям, вы взяли в прокате машину и последовали за ней на Кейп-Код?

— Я прислушался к ее пожеланиям и не тревожил ее.

— Мистер Олдрич, я не о том. Вы последовали за ней на Кейп-Код?

— Я вовсе не собирался докучать ей разговорами. Мне важно было убедиться, что она там одна.

— Также вам было важно использовать не свою машину, чтобы вас никто не узнал, верно?

— Я уже объяснял на прошлой неделе, почему действовал тайно. Я не хотел огорчать Натали или устраивать ей сцены. Рассчитывал лишь проверить, одна она или нет.

— Если вам требовалось выяснить, встречается ли ваша жена с другим мужчиной, почему вы не наняли частного детектива?

— Мне даже мысль такая в голову не приходила. Я поддался порыву, потому и отправился на Кейп-Код. И я ни за что не стал бы нанимать кого-то шпионить за моей женой. — Олдрич помолчал и срывающимся голосом добавил: — Мне и думать-то об этом противно.

— По вашим показаниям, к вечеру воскресенья вы сделали вывод, что Натали одна, поскольку на подъездной аллее не было чужих машин. Но как вы могли ручаться, что еще до вашего приезда на Кейп-Код к ней кто-нибудь не подсел по пути? Откуда такая уверенность, что

Натали непременно одна в доме?

— Я знал точно! — воскликнул Олдрич.

— Откуда вам было знать точно? Речь шла о жизненно важном для вас вопросе. Каким же образом вы удостоверились?

— Заглянул в окно. И увидел, что она одна.

Эмили, ошеломленная неожиданным откровением, тотчас поняла, какую громадную ошибку совершил обвиняемый. «Ричард Мур того же мнения», — пронеслось у нее в голове.

— Значит, вы оставили автомобиль, прокрались по газону и посмотрели в окно?

— Да! — с вызовом бросил Олдрич.

— В какое именно окно?

— В то, где теперь комната для отдыха.

— В какое время дня или ночи вы это осуществили?

— В субботу, ближе к полуночи.

— То есть вы прятались по кустам возле ее дома среди ночи?

— Тогда мне было все равно.

От дерзкого тона Олдрича не осталось и следа. Он подался вперед и, запинаясь, пояснил:

— Неужели неясно, что я за нее беспокоился? Неужели так трудно понять, что, если бы она нашла себе другого, мне неминуемо пришлось бы отказаться от нее?

— Что вы подумали, когда увидели ее в доме одну?

— Она выглядела такой незащищенной... Сидела на диване, поджав ноги, словно девчонка...

— А как, по-вашему, она должна была отреагировать, заметив в темном окне чей-то силуэт?

— Я был осторожен и хорошо маскировался. Я не хотел напугать ее.

— И вы остались довольны тем, что Натали одна?

— Да.

— Тогда зачем в воскресенье вы еще несколько раз проехали мимо ее дома? — поинтересовалась Эмили. — Вы сами признались в этом на прямом допросе.

— Я волновался за нее.

— Давайте мыслить логически, — предложила Эмили. — Вначале, по вашим словам, вы отправились на Кейп-Код на чужой машине из желания убедиться, что Натали одна. Затем выясняется, что вы подглядывали за ней в окно среди ночи, а удостоверившись в ее одиночестве, вполне успокоились. Теперь оказывается, что и в воскресенье, несмотря на вашу убежденность в отсутствии у Натали гостей, вы день-деньской до самого вечера раскатывали вблизи ее дома. Я правильно вас поняла?

— Еще раз повторяю: я волновался за нее, поэтому и остался там на воскресенье.

— Из-за чего же вы так волновались?

— Я переживал за ее душевное состояние. Мне было ясно, что раз она сидит на диване в такой удрученной позе, значит, ее что-то сильно гнетет.

— А вам не приходило на ум, что в ее подавленном настроении виноваты вы сами, мистер Олдрич?

— Приходило. Именно поэтому, как я уже говорил в пятницу, по дороге с Кейп-Кода домой я почти примирился с неизбежностью нашего разрыва. Это сложно объяснить, но ход моих мыслей был такой: раз именно я стал главным поводом для ее огорчений, то надо самоустраниться.

— Мистер Олдрич, вы не застали вашу жену в компании другого мужчины. Но затем, по вашим же показаниям, подумали, что Натали из тех людей, которые никогда не бывают менее одиноки, чем когда они одни. Тем самым вы хотите сказать, что потеряли ее в любом случае?

— Ни в коей мере.

— Мистер Олдрич, не проще ли было признать, что Натали просто не желала больше вашего общества? И если бы даже ее мучили какие-то затруднения, она все равно не обратилась бы за помощью к вам? Разве не правда, что ей хотелось вычеркнуть вас из своей жизни?

— Помню, по дороге домой с Кейп-Кода у меня появилось ощущение, что бессмысленно надеяться на наше воссоединение.

— И вы из-за этого сильно расстроились?

Грег Олдрич выдержал взгляд Эмили и ответил:

— Конечно же, я расстроился. Но было и другое чувство — чувство облегчения оттого, что все кончено. По крайней мере, больше она не будет тянуть из меня жилы.

— Больше она не будет тянуть из вас жилы — таков был ваш вердикт?

— Полагаю, можно сформулировать и так.

— И на следующее утро вы не ездили к ее дому и не стреляли в нее?

— Нет, нет и еще раз нет!

— Мистер Олдрич, полиция встретилась с вами сразу после обнаружения тела вашей супруги. Разумеется, вас просили назвать хоть одного человека, кто мог видеть вас на пробежке в Центральном парке между — я цитирую вас же — «примерно четвертью восьмого и пятью минутами одиннадцатого, когда я сдал в прокат машину».

— В парке я ни на кого конкретно не смотрел. Погода стояла холодная и ветреная. В такие дни люди для пробежки стараются укутаться потеплее, некоторые надевают наушники. Там вовсе не принято общаться, каждый погружен в себя.

— То есть на протяжении двух с половиной часов, бегая по улице в холодный и ветреный мартовский день, вы были погружены в себя?

— Однажды в ноябре я участвовал в марафоне. И среди моих клиентов есть бывшие футболисты-профессионалы. Они подтвердят, что, как бы ни было на улице зябко, едва они выходят на игру, в кровь начинает поступать адреналин, и они просто не чувствуют холода. Так и я в то утро.

— Мистер Олдрич, оцените, верно ли я описываю развитие событий. В то утро адреналин поступил к вам в кровь после осознания того, что, по вашим же словам, примирение с бывшей супругой уже невозможно. Кроме того, вы знали, что Натали находится у себя дома. Из всего этого можно допустить следующее: вы взяли в прокате машину, за полчаса доехали до Клостера, достали ключ из тайника, о существовании которого вам было известно, и подкараулили свою жену в кухне. Так было дело?

— Совершенно не так. Абсолютно.

Эмили, сверкая глазами и указывая на обвиняемого, громогласно и язвительно спросила:

— Вы ведь убили вашу жену в то утро, верно? Застрелили и оставили умирать, думая, что окончательно разделались с ней! А затем отправились в Нью-Йорк и, возможно, бегали потом по Центральному парку в надежде, что кто-нибудь вас увидит. Я права?

— Нет, не правы!

— А еще через какое-то время вернули в прокат машину, на которой шпионили за своей женой. Да, мистер Олдрич?

Грег, уже стоя, сорвался на крик:

— Я не трогал Натали! Я не смог бы даже пальцем ее тронуть!

— Но вы тронули ее. И даже больше — не просто тронули, а убили! — выкрикнула в ответ Эмили.

Настала очередь Мура вскакивать с места.

— Возражаю, ваша честь! Я возражаю! Прокурор провоцирует свидетеля.

— Возражение принимается. Обвинитель, успокойтесь и переформулируйте ваш вопрос, —

постановил судья Стивенс тоном, в котором явно звучало раздражение.

— Вы убили вашу жену, мистер Олдрич? — гораздо мягче произнесла Эмили.

— Нет... нет... — запротестовал, запинаясь, Олдрич. — Я любил Натали, но...

— Но вы готовы были признать... — вмешалась Эмили.

— Возражаю, ваша честь! — гневно перебил защитник. — Она не дает ему закончить фразу.

— Принимается, — согласился Стивенс. — Мисс Уоллес, я предписываю вам дать

свидетелю возможность говорить. Не вынуждайте меня снова делать вам замечания.

Эмили кивнула, показывая тем самым, что приняла указания судьи к сведению, и снова посмотрела на обвиняемого.

— Мистер Олдрич, разве вы ездили на Кейп-Код не потому, что Джимми Истон отказался от сделки по убийству вашей жены? — осведомилась она более ровным голосом.

Олдрич лишь беспомощно покачал головой.

— С Джимми Истоном я виделся один раз в баре, поболтал с ним несколько минут, и больше мы никогда не встречались.

— Но вы заплатили Истону, чтобы он выследил и убил ее? Не так ли все происходило?

— Я не нанимал Истона и не покушался на жизнь Натали! — возмутился Олдрич. Его плечи вздрагивали, глаза были полны слез. — Почему вы не понимаете? Кто-нибудь способен меня понять?

Его голос пресекся и сорвался на судорожные рыдания.

— Ваша честь, могу ли я попросить перерыв? — поспешно обратился к судье Мур.

— Объявляется пятнадцатиминутный перерыв, — изрек судья Стивенс. — Свидетель должен успокоиться.

Вскоре заседание продолжилось. Грег Олдрич уже взял себя в руки и вернулся на свидетельскую трибуну. Он был бледен, но выказывал решимость и дальше терпеливо сносить едкий тон обвинительницы.

— У меня осталось всего несколько вопросов к свидетелю, ваша честь, — сообщила Эмили.

Миновав судейскую скамью, она подошла к трибуне и остановилась прямо перед Олдричем, пытливо на него взирая. Выдержав паузу, она сказала:

— Мистер Олдрич, на прямом допросе вы подтвердили, что в гостиной вашей нью-йоркской квартиры имеется столик с выдвижным ящиком, который при открывании издает характерный громкий звук.

— Да, это так, — еле слышно отозвался Олдрич.

— Будем честными, можно ли утверждать, что Джимми Истон в подробностях описал и сам столик, и этот звук?

— Да, можно, хотя у меня дома он никогда не был.

— Мистер Олдрич, вы обмолвились, что скрип столика считался в вашей семье своего рода семейной шуткой, вы все называли его «посланием с того света».

— Да, верно...

— Сэр, вспомните, был ли мистер Истон знаком с кем-нибудь из членов вашей семьи?

— По моим сведениям, ни с кем.

— Имеются ли у вас с мистером Истоном общие приятели? Может, кто-то из них говорил при Истоне о ящике в вашем столе?

— Насколько мне известно, у нас нет общих приятелей.

— Мистер Олдрич, каким образом Джимми Истон мог настолько точно описать столик и звук, издаваемый ящиком, если он никогда не был в вашей гостиной?

— Я голову сломал, но по-прежнему теряюсь в догадках...

Голос Грега снова дал трещину.

— И последнее, мистер Олдрич. В статьях о Натали в различных журналах упоминалось ли хоть раз об этом столике?

— Нет, ни разу... — Обвиняемый в отчаянии вцепился в подлокотники стула и обернулся к присяжным. — Я не убивал свою жену! — выкрикнул он. — Не убивал! Я хочу, чтобы мне верили! Я... я...

Не в состоянии больше вымолвить ни слова, он уткнул лицо в ладони и зарыдал. Намеренно не обращая внимания на согбенную фигуру на свидетельском месте, Эмили сухо сообщила судье:

— У меня больше нет вопросов, ваша честь.

После чего она вернулась за прокурорский стол.

Ричард Мур о чем-то быстро пошептался с сыном и, очевидно решив отказаться от возможных уточнений, встал и объявил:

— У защиты тоже нет вопросов, ваша честь.

Судья Стивенс повернулся к Олдричу и сказал:

— Сэр, вы можете покинуть трибуну.

Тот с изнуренным видом поднялся и пробормотал:

— Благодарю, ваша честь.

Медленно, словно каждый шаг давался ему с трудом, Олдрич поплелся на свое место.

Затем судья спросил у Эмили:

— Будет ли опровержение со стороны обвинителя?

— Нет, ваша честь, — ответила она.

Тогда судья Стивенс обратился к присяжным:

— Леди и джентльмены, все свидетельские показания по делу выслушаны. Объявляю сорокапятиминутный перерыв, чтобы представители обеих сторон обдумали свои заключительные речи. По местным судебным правилам первым будет говорить защитник, за ним — прокурор. В зависимости от того, сколько времени займут их выступления, я дам вам напутствие либо сегодня к концу заседания, либо завтра утром. После этого мы жребием определим кандидатуры заместителей, и окончательный состав присяжных из двенадцати человек начнет обсуждение по процессу.

В понедельник к концу дня Эмили едва-едва успела закончить свою пламенную заключительную речь. «Мур старался, как мог, — подумала она в конце заседания, — но история с ящиком оказалась ему не по зубам».

Она покинула зал суда с робкой надеждой, что Грег Олдрич вскоре попадет в тюремную камеру. «Назавтра дело перейдет в ведение присяжных. Сколько времени им понадобится для вынесения вердикта? — гадала Эмили. — Лишь бы его вообще вынесли, этот вердикт!» Она содрогнулась при мысли, что присяжные не придут к единому мнению, — это вынудит ее по новой перелопачивать все дело.

По пути домой Эмили заглянула в супермаркет, собираясь купить себе на ужин что-нибудь простое, вроде молока, супа и хлеба, но, проходя мимо мясного прилавка, поневоле задержалась. Последние несколько месяцев она перебивалась едой навынос, поэтому идея, наконец, побаловать себя бифштексом с картошкой показалась ей очень соблазнительной. Однако, выкладывая на кассе покупки, Эмили почувствовала себя донельзя усталой и, через четверть часа вырулив на подъездную аллею к дому, уже сомневалась, что найдет в себе силы поджарить этот бифштекс.

Машины Зака она не заметила и тогда и вспомнила, что он предупреждал ее об изменении своего рабочего графика. Заново посаженные цветочки поникли от дождя, лившего едва ли не день напролет, и их вид только расстроил Эмили.

Распаковав пакет с провизией, она на несколько минут выпустила Бесс на задний дворик, а сама поднялась в спальню и переделалась и старые хлопчатобумажные спортивные и толстовку. Когда она вытянулась на постели, к ней тут же приласкалась Бесс, и Эмили накрыла себя и собачку одеялом.

— Бесс, сегодня я выдержала очень нелегкое сражение. Посмотрим, что будет дальше, — пробормотала она со слипающимися глазами.

Эмили проспала два часа и проснулась от собственных жалобных причитаний: «Пожалуйста, не надо... пожалуйста, не надо...» Она резко оторвала голову от подушки и подумала: «Я схожу с ума? Что это за сон?»

И тут она вспомнила. «Меня кто-то напугал... А я умоляла его не убивать меня...»

Эмили поняла, что дрожит всем телом. Бесс поскуливала, почуяв, что хозяйка чем-то встревожена. Эмили прижала собачку к груди и призналась ей:

— Бесс, как хорошо, что ты у меня есть! Мне все приснилось как наяву. И так похоже на кошмар... Но если кто и хочет добраться до меня, то только Грег Олдрич. Больше особо некому, а его я точно не боюсь...

Вдруг ее как громом поразило: «Вот и Натали не боялась!.. Она ведь даже мысли не допускала, что он может убить ее...»

«Господи, что со мной такое?» — обеспокоено спросила себя Эмили и взглянула на часы. Без десяти восемь — достаточно времени, чтобы приготовить себе приличный ужин, пролистать газету и усесться за просмотр «Судебных кулуаров».

«Интересно, будет ли Майкл Гордон продолжать настаивать на невиновности своего приятеля, — размышляла она, — после сегодняшних событий?»

— Сегодня в суде Грег Олдрич явно оплошал, — удрученно заметил Майкл Гордон на фоне экранной заставки шоу «В судебных кулуарах». — Уверенность и убедительность, которые он проявил в пятницу на прямом допросе, но видимому, совершенно оставили его. Он привел суд в полное замешательство своим неожиданным признанием, что ночью прятался в кустах у дома своей супруги и подглядывал за ней в окно. Это случилось за тридцать два часа до того, как Натали Райнс вернулась с Кейп-Кода в Нью-Джерси и была застрелена в своем особняке на кухне.

Эксперты, приглашенные на передачу, все как один закивали. Бернارد Рейли, в пятницу вечером рассуждавший, что случайная встреча в баре может повлечь за собой нелепые и несправедливые обвинения, теперь выражал глубокую обеспокоенность поведением Грега Олдрича на грозном перекрестном допросе обвинителя.

— Когда Олдрич признался, что ночью смотрел в окно дома своей жены, я лишь посочувствовал Ричарду Муру — он, скорее всего, впервые услышал это от своего подзащитного.

Жоржет Кассотта, криминальный психолог, подлила масла в огонь:

— Позвольте и мне. Своим признанием он вогнал женщин-присяжных в дрожь, да и мужчины, полагаю, сильно впечатлились услышанным. Из заботливого супруга, каким он предстал на прямом допросе, он разом превратился в Подглядывающего Тома^[16]. А чего стоят поездки мимо дома Натали в воскресенье — и это после того, как в субботу вечером он с радостью убедился, что она одна, и сам подтвердил это на суде! Так что, вполне возможно, его судьба уже предрешена.

— Обвинение оказалось сегодня в выигрыше еще по одной причине, — добавил судья Рейли. — Эмили Уоллес чрезвычайно умело использовала скрипучий ящик как главную улику. Она намекнула обвиняемому на все возможные объяснения, откуда Истону могло быть известно об этом столике и издаваемом им звуке, Олдрич же этим не воспользовался. И он, и Мур должны были предугадать, что обвинитель сделает упор на этом моменте, но дело даже не в том, что подсудимый совершенно искренне признал свою несостоятельность.

Проблема в другом: он произвел впечатление человека, которого загнали в угол.

— Но если он и вправду невиновен, — парировал Гордон, — и действительно не может понять, откуда Истон знает о столике, разве не так от отчаяния будет реагировать человек, попавший в ловушку?

— На данный момент Грегу Олдричу остается только молить Бога, чтобы хоть один присяжный склонился к такому же мнению и приговор не был бы вынесен, — ответил судья Рейли. — Хотя, откровенно признаюсь, я не верю в их единодушный вердикт «невиновен».

Перед завершением программы Майкл Гордон напомнил зрителям, что присяжные приступят к обсуждению сразу, как только судья Стивенс даст им свое напутствие по правовым вопросам.

— Вероятно, это произойдет около одиннадцати утра, — предположил Майкл. — С этого времени прошу вас оставлять на нашем сайте свои прогнозы: признают ли Грега Олдрича виновным в убийстве своей жены. Вы можете также проголосовать за отсутствие единодушного мнения среди присяжных, которое повлечет за собой отсрочку приговора и новое судебное разбирательство. Сомневаюсь, что завтра в нашей передаче мы уже сможем огласить вердикт. Приглашаю вас присылать нам свои голоса до тех пор, пока присяжные не известят судью Стивенса, что решение принято. Если к нашему завтрашнему выпуску вердикт еще не будет вынесен, мы с вами обсудим результаты голосования. Доброй вам ночи!

Едва Майкл Гордон попрощался со зрителями, Белл Гарсия повернулась к своему мужу Сэлу.

— Сегодня все пошло насмарку, — недовольным голосом заключила она. — Понимаешь, в пятницу Майк вдруг взял и объявил всем, что считает Грега невиновным. А сегодня вынужден был признать, что Грег своим выступлением только все себе напортил!

Сэл взглянул на жену поверх очков.

— Выступлением? Мне казалось, обычно актеры выступают...

— Ты знаешь, о чем я! Грег вел себя совсем не как невиновный. Он расплакался, когда Эмили стала напирать на него с тем скрипучим ящиком и Джимми Истоном. Наверное, жалеет теперь, что не смазал его вовремя. Но хуже всего, что он по-настоящему рыдал, пришлось даже устроить перерыв. Мне его стало жалко, но если судить объективно, то сегодня он произвел на всех впечатление человека, убившего t мою жену!

Видя, что Белл распалилась не на шутку и настроена на немедленную и подробную дискуссию о сегодняшнем судебном заседании, Сэл решил, что пора откладывать газету, и задал супруге вопрос, который, по его опыту, должен был повлечь за собой развернутый ответ, а от него самого требовал лишь минимального участия:

— Белл, если бы ты была среди присяжных, как бы ты проголосовала?

Белл задумчиво и нерешительно покачала головой.

— Ну... трудно судить... Все это очень печально. Видишь ли, что теперь будет с Кейти? Но... ох, Сэл! Если бы я была среди присяжных — вот говорю, а у самой сердце разрывается! — то проголосовала бы за «виновен». В пятницу мне и вправду показалось, что Грег вроде бы разумно объясняет вещи, которые подозрительны даже для самого тупого болвана. Мне и тогда не давал покоя этот ящик в столе, но ведь любой подтвердит, что такой тип, как Джимми Истон, соврет — недорого возьмет. А сейчас, когда в «Кулуарах» показали Грега на суде, я словно увидела человека на исповеди. Ну, не когда признаются в каком-то не очень благовидном поступке, а когда изливают душу и рассказывают, как все происходило. В общем, ты понимаешь...

«Джимми Истон...» — снова промелькнуло в голове у Сэла.

Белл смотрела на мужа в упор, и тот искренне понадеялся, что на его лице не отразилось беспокойство, навеянное этим именем. К тому же он скрыл, что днем ему звонил Руди Слинг. Почти три года минуло с тех пор, как Сэл со своей артелью помог переселиться семье давних друзей, Руди и Рини Слинг, которые перебирались из квартиры на Восточной Десятой улице в Йонкерс^[17].

— Привет, Сэл! Ты случайно не смотришь шоу «Судебные кулуары» — о том, как один крутой театральный агент грохнул свою жену в «штате садов»? — осведомился у него Руди.

— Мне это не слишком интересно, зато Белл просто липнет к экрану, а потом все мне докладывает. Так что я поневоле в курсе.

— Этот тип, Джимми Истон, был у тебя в команде, когда ты три года назад перевозил нас в Йонкерс.

— Теперь я уже подзабыл. Вроде нанимал его в запас, если мы не справлялись, — на всякий случай поосторожничал Сэл.

— Решился тебя побеспокоить, потому что Рини сегодня утром о нем говорила. Дело в том, что перед переездом ты посоветовал нам ничего не вытаскивать из ящиков комода, а просто заклеить их липкой лентой.

— Точно, так и было.

— Так вот, уже на месте мы попросили этого Истона отлепить ленту от мебели в спальне, и Рини застала его за тем, что он рылся в ящиках. Она все проверила — ничего не пропало, но она все равно считает, что он хотел что-нибудь украсть. Поэтому мы запомнили его имя. В тот день у тебя был выходной. Потом я еще звонил тебе и убеждал лучше присмотреться к этому парню.

— Руди, после этого он ни разу у меня не работал. И вообще, к чему ты клонишь?

— Просто интересная штука получается парень, которого ты когда-то трудоустроил, попал в заголовки всех газет. В суде он заявил, что Олдрич нанял его для убийства своей жены. Рини предположила следующее: возможно, через твою артель он привозил что-нибудь в квартиру этого Олдрича и открывал тот ящик. Вот откуда он может знать про скрип!

«Этот Истон к тому же один из тех людей, которых я брал без оформления», — раздраженно подумал Сэл, а вслух произнес:

— Руди, в тот переезд я обошелся с вами по-дружески, правда?

— Да что там, просто по-королевски. Не взял вперед и пяти центов, а потом еще два месяца ждал, пока мы расплатимся.

— И я никогда не принимал заказ на доставку на Парк-авеню, где живет этот распроклятый Олдрич! — злобно выкрикнул в трубку Сэл. — И буду по гроб жизни тебе обязан, если ты никому не станешь болтать о Джимми Истоне! Признаюсь честно: я платил ему наличными, не отражая это в бухгалтерской отчетности, и мне из-за этого может здорово влететь.

— Что ты, что ты, — торопливо успокоил его

Руди. — Ты же мне друг. В общем, наверное, нее это пустяки. Просто я подумал: вот тебе шанс отличиться или даже отхватить вознаграждение, если вдруг Истон и вправду что-то доставлял Олдричу. Тогда ты мог бы всем об атом рассказать. Представляешь, как обрадуется Белл, если в газете появится ваше фото!

«Мое фото в газете, — мысленно представил Сэл и содрогнулся. — Всю жизнь мечтал!»

Он быстро прокручивал в голове этот недавний разговор с Руди, пока Белл растолковывала ему, каким образом молодая прокурорша Эмили с треском разгромила свидетельские показания Олдрича.

— Она была подобна карающему ангелу, — наконец изрекла Белл.

Затем прервалась, со вздохом нагнулась и пододвинула к себе скамеечку. Удобно положив на нее ноги, Белл продолжила:

— Иногда камеры задерживались на Элис Миллз — на матери Натали. Ой, Сэл, совсем забыла с тобой поделиться! Настоящая фамилия Натали была Миллз, но ей показалось, что для шоу-бизнеса она не очень подходит, поэтому Натали взяла псевдоним Райнс в честь Луизы Райнер — актрисы, которая первой завоевала две награды Киноакадемии подряд. Сегодня я читала об этом в журнале «Пипл». Натали не хотела носить в точности ту же фамилию и немного изменила ее.

В понедельник, после провального дня в суде, Ричард и Коул Муры шагали по парковочной площадке к своим машинам.

— Почему бы тебе и Робин не прийти примерно в полседьмого к нам с мамой на ужин? — бесстрастно предложил отец. — Выпьем немного — нам обоим не повредит.

— Хорошо, — согласился сын и, открывая дверцу машины, добавил: — Папа, ты сделал все, что мог. И сдаваться еще рано; я уверен, у нас немало шансов на отсрочку приговора.

— Было немало, пока он не выставил себя Подглядывающим Томом! — рассерженно возразил Ричард. — Просто не верится, что он скрыл от меня это подсматривание в окно. По крайней мере, мы могли заранее продумать этот момент и найти ему лучшее объяснение. Будь у нас возможность как следует все подготовить, он бы так не оконфузился. Остается только гадать, что еще он от меня утаил.

— Да, интересно, — отозвался Коул. — До встречи, папа.

В семь вечера Ричард, его супруга Эллен и их сын Коул со своей женой Робин уже собрались за ужином. Все удрученно обсуждали недавнее заседание.

В свои шестьдесят лет Эллен благодаря неустанным тренировкам сохранила великолепную фигуру, так что даже седина не старила ее. За сорок лет брака с Ричардом она стала для него неоценимой поддержкой во всех судебных казусах. Вот и сейчас ее карие глаза выражали неподдельное участие. Эллен было известно, какой ценой дался мужу этот процесс. «Слава богу, что Коул помогает», — подумала она.

Робин Мур, двадцативосьмилетняя шатенка, адвокат по вопросам недвижимости, уже два года была замужем за Коулом. Она недовольно покачала головой и обратилась к свекру:

— Папа, я на сто процентов уверена, что Истон каким-то образом проник в квартиру Олдрича. Здесь, как мне кажется, и заключается разница между осуждением и оправданием. Во время дебатов присяжные будут ходить вокруг да около этого несчастного ящика.

— Совершенно с тобой согласен, — заметил Ричард. — Ты же знаешь, мы задействовали нашего детектива Бена Смита, он перешерстил все прошлые делишки Джимми. Когда Истой ненадолго оказывался на свободе, он нигде постоянно не работал, и если не мог добывать себе на пропитание воровством, то халтурил где-нибудь в обход бухгалтерии.

— Робин, у нас есть список всех заведений, которые постоянно доставляли что-нибудь по адресу Олдрича, — уныло произнес Коул, — например, прачечная, химчистка, супермаркет, аптека и много других. И все они отрицают, что хоть раз нанимали Истона — с оформлением или без.

Он сделал еще глоток из бокала с «Пино нуар» и продолжил:

— Лично мне кажется, что Истон никогда не трудился ни в одной из местных лавочек. Если уж ему и довелось попасть в квартиру Олдрича, то, вероятно, благодаря одиночной доставке от какого-нибудь частника, который заплатил ему черным налом. Как жаль, что нельзя показать фото Джимми домохозяйке Олдрича.

Обидно, что Истон попался на краже и выдвинул свой нелепый вымысел семь месяцев назад, а она скончалась через год после гибели Натали.

— Может, когда-нибудь он обчистил его квартиру? — предположила Робин.

Ричард отрицательно помотал головой.

— Там серьезная охрана. Но даже если бы Истону удалось туда влезть, он, конечно, что-нибудь прихватил бы, и пропажу скоро бы обнаружили. Уж поверьте, такой тип не ушел бы с пустыми руками!

— В клубе сейчас только и разговоров что о процессе, — вмешалась Эллен. — Ричард, не стану лишней раз напоминать, что судебных тайн я не выдаю, но иногда и тебе не помешает услышать мнение посторонних людей.

— И что же они думают? — поинтересовался ее супруг.

На его лице ясно читалось, что ответ жены он знает наперед.

— Вчера в нашей четверке по гольфу играли Тара Волфсон и ее сестра Эбби. Тара уверяла, что ей даже представлять противно, как Грег Олдрич вынимал деньги из ящичка, отсчитывал пять тысяч и давал их Истону как аванс за убийство жены. Она надеется, что ему дадут пожизненное.

— А Эбби? — спросила Робин.

— Она, напротив, была в той же степени уверена в невиновности Олдрича. Они так жарко спорили, что начисто забыли о гольфе. Но потом, еще до возвращения Ричарда из суда, Эбби мне перезвонила. Она услышала последние новости о процессе и изменила мнение. Теперь она тоже думает, что Олдрич — преступник.

За столом воцарилось тягостное молчание, которое решила нарушить Робин:

— Если Грега Олдрича признают виновным, отпустит ли его судья домой, чтобы уладить дела перед заключением?

— Могу сказать точно, что судья Стивенс без промедления отменит залог, — ответил Коул.

— Папа уже несколько раз пытался посоветовать Олдричу хотя бы предварительно распорядиться насчет Кейти.

— До сегодняшнего дня, стоило мне лишь заикнуться об этом, он сразу резко меня обрывал, — развел руками Ричард. — Грег прячет голову в песок и отказывается даже рассматривать возможность обвинительного приговора. Если вердикт подоспеет к завтрашнему дню, хотя это маловероятно, — я даже не уверен, догадается ли Грег заранее попросить кого-нибудь отвезти Кейти домой. Хуже того, я сомневаюсь, назначил ли он опекуна, который позаботится об этой несчастной девчушке. Мать Кейти была единственным ребенком в семье, и у Грега не имеется ни братьев, ни сестер; правда, у него есть кое-кто из двоюродных, но они живут в Калифорнии, и он с ними вообще не видится. Словом, никакой другой родни нет...

— Господи, спаси его дочь, — печально вымолвила Эллен Мур. — Спаси их обоих...

После передачи Майкл Гордон вышел из Рокфеллеровского центра и пешком отправился к Олдричу на перекресток Парк-авеню и Шестьдесят шестой улицы. Преодолеть предстояло около мили, но Майкл привык к быстрой ходьбе. Дождь кончился; влажный прохладный воздух приятно освежал лицо.

Прежде чем покинуть зал суда, Грег сказал ему: «Вечером я буду ужинать дома вдвоем с Кейти. Возможно, в последний раз... Приглашаю к нам, когда у тебя закончатся съемки Мне надо кое-что с тобой обсудить».

«Разумеется, Грег...» На языке у Майкла вертелись разнообразные слова утешения, но, взглянув на помрачневшее лицо друга, Майкл все их отверг: так он мог лишь оскорбить его. Грег и сам явно понимал, что страшно навредил себе своим выступлением, и только больше от этого мучился.

Натали... Перейдя Парк-авеню и устремившись на север, Майкл живо вспомнил ее лицо. В радостном настроении она бывала веселой и очень душевной, с ней было так приятно общаться... Но если вдруг она хандрила из-за неудачной репетиции или из-за стычки с режиссером по поводу очередной героини — тогда она была несносна. Грегу требовалось терпение святого, чтобы быть ей поверенным и защитником.

Не это ли он стремился донести до суда, когда признавался, что подглядывал за Натали в окно дома на Кейп-Коде? Не это ли Грег отчаянно пытался объяснить Эмили Уоллес, которая сурово допытывалась, зачем он разъезжал у дома Натали на следующий день? И как же он оправдывал свое поведение? «Я переживал за ее душевное состояние».

«Если знать Натали, то ничего удивительного, — подумал Майкл. — Да еще эта прокурорша, Эмили Уоллес, растревожила его — он сам в этом признавался тогда, на выходных в Исрмонте... Причем внешне она не особо похожа на Натали... Хотя, если присмотреться, что-то общее, пожалуй, найдется. Меня, кстати, то тоже слегка взбудоражило...»

Обе женщины, бесспорно, были очаровательны, с тонкими чертами лица и прелестными глазами, только у Натали они были зелеными, а у Эмили Уоллес — темно-синими. Одна не уступала другой в стройности, но Эмили, вероятно, была на целых три дюйма выше. С другой стороны, движения Натали отличались грациозностью, а держалась она всегда необыкновенно прямо, отчего казалась выше, чем на самом деле. Однако осанка Уоллес также была безупречной, что придавало ей особый представительный вид, а ее фирменные взгляды искоса добавляли неотразимости общему впечатлению. Она столь умело стреляла глазами в сторону присяжных, словно приглашая их разделить ее презрение к Грегу и к его сбивчивым ответам, что все это напоминало спектакль. Вот только никто, если желал добиться своего, не умел так многозначительно смотреть, как Натали...

Снова начал накрапывать дождик, и Майкл ускорил шаг. «Никакого толку от метеоролога на нашей станции. По крайней мере, прежний прогнозировал куда лучше, — подумал он и ухмыльнулся. — Или лучше отгадывал».

Между Эмили и Натали он заметил и еще одно своеобразное сходство: походку. Эмили дефилировала от скамьи присяжных к свидетельской трибуне и обратно, словно актриса по сцене.

За полквартила до дома Грега Олдрича Майкл попал под настоящий ливень и припустил бегом. Швейцар, давний его знакомый, увидел гостя издали, и сразу открыл дверь.

— Добрый вечер, мистер Гордон.

— Здравствуй, Альберто.

— Мистер Гордон, я, наверное, сегодня не увижу мистера Олдрича, а завтра утром, когда он отправится в суд, я уже сменюсь. Пожалуйста, пожелайте ему от меня удачи. Он такой приличный джентльмен. Я служу здесь двадцать лет — приступил еще до того, как он сюда въехал. На этой работе поневоле узнаешь, кто есть кто. Стыд и срам, если присяжные поверят этому поганому вруну Джимми Истону, что мистер Олдрич приглашал его сюда, к себе в квартиру!

— Конечно, Альберто. Будем держать за него кулаки.

Майкл прошел через шикарно обставленный вестибюль к лифту и, пока поднимался на шестнадцатый этаж, с удивлением осознал, что молит Бога: пусть хоть один человек из состава присяжных разделит чувства Альберто.

Грег уже поджидал друга у дверей лифта. Взглянув на его промокший плащ, он спросил, пытаясь изобразить на лице усмешку:

— Неужели на кабельном телевидении жалеют денег на такси?

— Я поверил прогнозу нашего синоптика и решил прогуляться. Теперь раскаиваюсь в своей непоправимой ошибке.

Майкл поспешно расстегнул и сбросил мокрый плащ.

— Повешу-ка я его над ванной, — рассудил он, — иначе он весь пол закапает.

— Хорошо. Мы с Кейти тебя заждались, я вот только созрел для второй порции виски.

— Пока созреваешь, налей мне хотя бы первую.

Скоро Майкл присоединился к компании. Грег устроился в клубном кресле, а Кейти с опухшими от слез глазами расположилась на пуфике у его ног. Увидев гостя, она вскочила и бросилась к нему.

— Майк, папа говорит, что его, наверное, осудят!

Грег встал и положил дочери на плечо руку.

— Ну-ну, не раскисай. Майк, виски там. — Он указал на столик рядом с диваном. — Кейти, доченька, садись.

Он вернулся на место, и Кейти послушно втиснулась в кресло рядом с ним.

— Майк, я почти уверен, что сейчас ты прокручиваешь в голове, как бы меня развеселить, — спокойно произнес Олдрич. — Я избавлю тебя от этой необходимости. Я отдаю себе отчет, как плохи мои дела. Не спорю, я совершенно напрасно игнорировал вероятность обвинительного приговора.

Гордон кивнул.

— Раньше мне было как-то неловко поднимать эту тему, но, знаешь, Грег, я очень за тебя тревожился.

— Не переживай, что молчал: Ричард Мур не один месяц долдонил мне о том же, а я доводил его до белого каления своей апатией. Слоном, пришло время все обсудить. Ты не согласишься стать опекуном Кейти по завещанию?

— Разумеется! Это честь для меня...

— Конечно же, я не подразумеваю под этим, что Кейти непременно поселится у тебя. Это не совсем удобно, хотя все равно ближайšie три года она будет учиться в Чоат. Кое-кто из друзей предлагал приютить ее, но, когда начинаешь раздумывать, что для Кейти предпочтительнее, понимаешь: и так и эдак — хуже некуда.

Кейти тихо плакала. Глаза Грега тоже увлажнились, но его голос оставался твердым.

— Что касается деловой стороны вопроса, то сегодня вечером после суда я позвонил двум ведущим импресарио в нашем агентстве. Они согласны выкупить мою долю за приемлемую цену, а значит, у меня появятся деньги на подачу апелляции. Апелляция с моей стороны обязательно последует; Ричард и Коул постарались, как могли, но сегодня после заседания мне

показалось, что они посмотрели на меня другими глазами. Вполне возможно, что для повторного рассмотрения дела мне придется нанять новых адвокатов.

Он плотнее прижал к себе дочь.

— В распоряжении Кейти — средства доверительного фонда, которые помогут ей получить диплом «Лиги плюща», если, конечно, она этого захочет.

Майкл чувствовал себя так, словно беседует со смертельно больным, диктующим свое завещание. Однако он догадывался, что Грег открыл ему не все из своих планов.

— У меня сейчас достаточно средств, я оставлю за собой эту квартиру, по меньшей мере, еще года на два. А там, глядишь, я и вернусь...

— Грег, может, и неудобно, чтобы Кейти вне школы жила у меня, но как она будет находиться здесь одна? — возразил Майкл и поспешно прибавил: — Я вовсе не имею в виду, что события обязательно примут худший оборот.

— Она ни в коем случае не останется в одиночестве, — заверил Олдрич. — Есть на свете женщина, очень сердечная, которая любит мою Кейти и мечтает о ней позаботиться.

Гость изумленно поглядел на хозяина; тот, казалось, собирался с духом для объяснений.

— Майк, я прекрасно понимаю, что сегодня большинство зрителей в зале суда и тех, кто смотрел твою передачу, составили обо мне отрицательное мнение. Но среди них нашелся человек, очень важный для меня, который все-таки мне поверил. — Грег шутливо потянул дочь за локон. — Ну же, Кейти, перестань кукситься! За нас отдала свой голос та, которая, к сожалению, не входит в состав присяжных и чье мнение для нас дороже всего. Она посещала слушания каждый день с самого начала процесса, и из всех присутствовавших она в первую очередь имела моральное право добиваться справедливости в память о Натали.

Майкл молча выжидал, уже догадываясь, к чему клонит Грег.

— Недавно нам позвонила Элис Миллз и сообщила, что, выслушав меня сегодня в суде, отлично поняла мою позицию. Она абсолютно поверила в то, что я просто опекал Натали, а вовсе не шпионил за ней. Она со слезами призналась, что страшно скучает по мне и Кейти, и горько сожалела о том, что не доверяла мне и считала виновным.

Теперь и Майкл заметил в друге перемену: на Грега снизошло некое спокойствие.

— Элис всегда относилась к Кейти как к родной внучке. Если меня осудят, она готова взять ее к себе и позаботиться о ее судьбе. Я ответил Элис, что она для меня — просто дар небес. Мы общались еще несколько минут и договорились, что, если дела в суде разрешатся худшим образом, Элис сразу переедет ко мне.

— Грег, я, наверное, должен поразиться такому повороту, но на самом деле я ничуть не удивлен, — охрипшим от волнения голосом произнес Майкл. — Я мог это предугадать еще по выступлению Элис в суде и потом, когда наблюдал за ней. Все происходящее ранило ее, словно ножом по сердцу. Когда Эмили Уоллес нападала на тебя, я чувствовал, что Элис готова встать за тебя горой.

— Знаешь, Майк, может, я сейчас скажу полную чушь, — тихо признался Олдрич, — но сегодня меня больше всего выбило из колеи ощущение, будто я самой Натали пытаюсь объяснить, зачем помчался за ней на Кейп-Код.

На случай если Эмили или кто-то из любопытных соседей начнет допытываться, почему он поменял цветы вдоль тропинки, Зак поспешно состряпал историю. Он якобы впервые в жизни попробовал посадить хризантемы, и они вызвали у него острейший приступ астмы, поэтому пришлось просить знакомого их выкопать. Поскольку он выдирает цветы практически в полной темноте, то почти не сомневался, что никто его толком не разглядел. «Звучит очень даже правдоподобно», — успокаивал он себя, тем более что ничего лучше на ум не приходило.

Во вторник около семи утра Зак снова наблюдал за завтраком Эмили. Его соседка по обыкновению болтала со своей болонкой. Подслушивающее устройство, которое он когда-то установил над холодильником, уже давно барахлило, но пока транслировало большую часть фраз Эмили.

«Бесс, сегодня с утра судья даст свое напутствие присяжным, и они начнут обсуждение по процессу. Ручаюсь, что они все-таки признают его виновным, но мне почему-то от этого совсем не радостно. Мне не дает покоя, что обвинение получилось по большей части бездоказательным. Оно целиком построено на показаниях Джимми Истона, и это ужасно. Если бы на месте преступления осталась хотя бы частица ДНК, тогда стало бы понятно, виновен Грег Олдрич или нет!»

Вспомнив телеэпизод о себе, Зак подумал, что если бы судили его, прокурору не пришлось бы мучиться из-за такой проблемы. Ведущий передачи «Разыскивается преступник» уведомил зрителей, что анализ ДНК подтвердил связь между убийствами всех трех женщин.

Голос Эмили в потрескивающем микрофоне начал стихать, и Зак покрутил ручку громкости на своем приемнике, тревожась о том, что Эмили куда-то пропадает. «Надо как-то исхитриться вернуться в ее дом и подрегулировать микрофон», — мысленно запланировал Зак.

Он выждал до семи сорока, когда Эмили отправилась в суд, и только после этого завел автомобиль, собираясь на работу. Его соседка напротив, престарелая Мадлен Кирк, как раз подметала тропинку у своего крыльца. Дав задний ход по аллее, Зак приветливо помахал старушке, но та и не пыталась ответить. Наоборот, она даже отвернулась.

Вот и еще одна его отвергает... «Все они одинаковы, — с горечью констатировал Зак. — Старая кошелка даже не захотела пожелать мне доброго утра». Он и раньше пару раз замечал старуху у дома, и ему казалось, что она хотя бы кивает на его приветствие.

Зак нажал на газ, и его машина с ревом пронеслась мимо Мадлен Кирк. Вдруг от неожиданной догадки его бросило в озноб.

«А вдруг она смотрела ту передачу? В ее возрасте только телевизор и остается... Живет она одна, и, кажется, ее никто не навещает. Может, она видела мои хризантемы и потом удивилась, куда они исчезли?.. И теперь что — она позвонит в программу и настучит им? Или сначала все хорошенько взвесит? Не проболталась ли она уже кому-нибудь по телефону? И что конкретно она могла рассказать?»

Он гнал как сумасшедший. «Недоставало только, чтобы меня сейчас остановил коп», — затравленно подумал он и снизил скорость до положенных двадцати пяти миль в час. Между тем он так и этак прокручивал в голове поведение Мадлен Кирк и решал, что теперь делать...

Во вторник в девять часов утра судья Стивенс начал напутственную речь присяжным. Он повторил сведения, которые сообщил, когда был утвержден предварительный состав присяжных: Грег Олдрич обвиняется в самовольном вторжении в дом Натали Райнс, в убийстве Натали Райнс и в незаконном использовании огнестрельного оружия. Для вынесения приговора присяжные должны единогласно признать, что прокурор доказала вину подсудимого, не оставив разумных оснований для сомнений.

— Я уточню, что конкретно имеется в виду под «разумными основаниями для сомнений», — отметил Стивенс. — Для вынесения обвинительного приговора вам необходимо пребывать в твердой уверенности, что подсудимый виновен. Если у вас появится хотя бы тень сомнения, вы не должны признавать его виновным.

Эмили внимательно слушала речь судьи.

«Вам необходимо пребывать в твердой уверенности, что подсудимый виновен...» Она размышляла, уверена ли она сама. Есть ли у нее разумные основания для сомнений? Никогда прежде Эмили не вела процесс с подобным чувством. Ей ни разу не приходилось убеждать присяжных вынести обвинительный приговор без собственной стопроцентной уверенности. Но вся трудность заключалась в том, что иногда у нее были обоснованные сомнения насчет Олдрича, а иногда — нет.

Она изучающе оглядела обвиняемого. Того, кого вчера она наблюдала в страшном смятении и кто уже сегодня, в случае быстрого вынесения вердикта, мог заночевать в тюремной камере. Сейчас он выказывал абсолютное спокойствие. Олдрич был одет в пиджак и слаксы, дополненные голубой рубашкой и галстуком в красно-синюю полоску, — костюм более демократичный, нежели прежние, в которых он появлялся на заседаниях. «А ему идет», — нехотя признала Эмили.

Судья Стивенс продолжал наставлять присяжных:

— Вам вменяется в обязанность тщательно взвесить показания каждого свидетеля и оценить их убедительность. Непременно учитывайте манеру, с которой держался выступавший, и его возможную заинтересованность в том или ином исходе процесса. — Он помедлил и добавил с большей серьезностью: — Вы слышали показания Джимми Истона и осведомлены о его криминальном прошлом. Вам известно, что он сотрудничал со следствием и за содействие обвинителю должен получить поощрение. Не забудьте, его ждет значительное сокращение тюремного срока.

Тем временем Эмили сосредоточила все внимание на скамье присяжных, где сидели семь мужчин и столько же женщин. Среди них она пыталась угадать двух запасных, которых предстояло выбрать, как только судья Стивенс окончит речь. Эмили надеялась, что ими окажутся номера четыре и восемь: обе дамы поежились, услышав, что Истону сократят срок. Очевидно, в этот момент они представили себе, как он обчищает их собственные дома. Эмили могла поручиться, что эти присяжные не поверили ни единому его слову.

Она снова посмотрела на судью, проникшись к нему благодарностью за сухой деловой тон, которым он характеризовал Джимми Истона. Если бы присяжные уловили в его голосе хоть нотку сомнения в показаниях свидетеля, для обвинителя это могло бы кончиться плачевно.

— Давая оценку выступлению Истона, — говорил судья Стивенс, — примите во внимание не только это послабление, но и все прочие сопутствующие обстоятельства. Следует кик можно тщательнее взвесить его показания. Что касается остальных свидетелей, в вашей воле полностью доверять им или не доверять новее. Вы можете также принять на веру лишь часть их слов, а все

остальное отвергнуть за ненадобностью. И в каждом случае, леди и джентльмены, установление убедительности тех или иных показаний возлагается исключительно на присяжных.

В то утро зал суда был пуст больше чем наполовину. «Зрителям неинтересно выслушивать напутствие судьи, — размышляла Эмили. — Гораздо драматичнее допрос свидетелей, да еще сам итог процесса, когда присяжные гуськом возвращаются в зал с вынесенным вердиктом».

Судья Стивенс улыбнулся.

— Леди и джентльмены, на этом я заканчиваю свою речь. Наступает момент, который, как я знаю по опыту, принесет разочарование двоим из вас. Сейчас мы выберем запасных. Карточки с именами каждого присяжного находятся в этом барабане. Секретарь суда наугад вынет две карточки. Пусть те, кого назовут, сядут в первом ряду, и я ознакомлю их с дальнейшей процедурой.

Эмили скрестила под столом пальцы, загадав, чтобы выпали четвертый и восьмой номера. Секретарь суда, худощавая женщина лет пятидесяти, принялась с безучастным официальным видом вращать барабан и, когда он остановился, открыла крышку. Глядя в сторону и отменяя тем самым любые сомнения в произвольности выбора, она вынула первую карточку.

— Присяжный номер четырнадцать. Дональд Стерн.

— Мистер Стерн, будьте добры, займите место в первом ряду, — указал судья Стивенс. — Сейчас секретарь назовет имя второго запасного.

Отвернувшись, секретарь запустила руку в барабан и достала еще одну карточку.

— Присяжная номер двенадцать. Дороти Уинтерс, — прочитала она.

— Мисс Уинтерс, пожалуйста, займите место в первом ряду, — повторил и ей судья Стивенс.

Донельзя расстроенная мисс Уинтерс с явной неохотой покинула скамью присяжных. Демонстративно покачивая головой, она направилась в первый ряд, где и уселась рядом с Дональдом Стерном.

«Кажется, мне больше не грозит получить подножку от этой леди, — подумала Эмили. — Она с таким сочувствием посматривала на Кейти и Олдрича, что, чего доброго, и других склонила бы оправдать его».

Эмили уже без интереса слушала наставления судьи Стивенса двум запасным. Он уведомил их, что они по-прежнему принимают участие в процессе, и объяснил, что если кому-то из оставшихся присяжных станет плохо или неотложная семейная надобность воспрепятствует дальнейшему присутствию в суде, оба запасных должны быть готовы занять место выбывших.

— Вам не разрешается обсуждать дело ни между собой, ни с кем бы то ни было до окончательного вынесения вердикта. До тех пор вы можете находиться в главной комнате присяжных на пятом этаже.

«Боже, убереги присяжных от несчастий! Не допусти эту Уинтерс до прений, — молилась про себя Эмили. — Конечно, я могу сильно ошибаться на ее счет, но, по-моему, она как минимум костями ляжет, пытаясь отсрочить приговор. Наверное, Муры того же мнения: у них такой вид, словно они лишились лучшего друга».

Затем судья Стивенс обратился к присяжному под номером один, плотному лысеющему мужчине лет сорока с хвостиком.

— Мистер Харви, по местным судебным правилам присяжный номер один назначается старшим среди остального состава. Вы несете ответственность за ход обсуждения и за уведомление судьи о вынесении вердикта. Когда присяжные примут окончательное решение, вы передадите мне записку через судебного пристава, который будет стоять у дверей вашей комнаты. В записке не надо указывать, какой вынесен вердикт, — лишь то, что он есть. После чего вы же объявите суду общее мнение присяжных.

Судья взглянул на часы и обратился ко всем присяжным:

— Сейчас четверть двенадцатого. Около половины первого вам принесут обед. Сегодня вы можете дискутировать до четырех часов тридцати минут. Если к тому времени вы еще не закончите — а я напоминаю, что вам ни в коем случае не следует торопиться, поскольку нужно беспристрастно отнестись к показаниям обеих сторон, — вы будете отпущены на ночь и возобновите прения завтра в девять утра. — Он обернулся к Эмили. — Мисс Уоллес, готовы ли материалы дела?

— Да, ваша честь, они все здесь.

— Леди и джентльмены, теперь я предлагаю вам пройти в комнату для обсуждения. Пристав сейчас же доставит вам материалы по процессу. Как только он покинет комнату, вы можете приступать к прениям.

Присяжные, словно сговорившись, почти одновременно поднялись и не спеша направились в смежную с залом суда комнату присяжных. Эмили нарочно проследила за их процессией, ожидая враждебных или сочувственных взглядов, брошенных украдкой на Грега Олдрича. Все присяжные, однако, смотрели строго перед собой, не давая возможности угадать, каковы на данный момент их симпатии и антипатии.

Затем судья Стивенс коротко напомнил обвинителю, защитнику и подсудимому, что они обязаны находиться в пределах десятиминутной доступности в случае запроса со стороны присяжных или для заслушивания вердикта.

— Суд объявляет перерыв, — заключил Стивенс, легонько стукнув по стойке молотком.

Присутствующие в зале зрители потянулись к выходу. Эмили подождала, пока не удалятся Муры и Олдрич с Кейти, и только тогда поднялась из-за стола.

В коридоре кто-то слегка дотронулся до ее руки. Эмили обернулась — перед ней стояла мать Натали, Элис Миллз. Она была одна.

— Мисс Уоллес, я бы хотела с вами кое-что обсудить...

— Конечно!..

Сердце Эмили переполнилось жалостью, как только она посмотрела на покрасневшие веки пожилой женщины. «Она все глаза выплакала, — подумала Эмили. — Сплошное мучение для нее — наблюдать за всем этим изо дня в день».

— Давайте спустимся ко мне в кабинет и выпьем чаю? — предложила она.

Лифт был переполнен. Эмили заметила любопытствующие взгляды: некоторые узнавали мать убитой. Едва они вошли в кабинет, Эмили сказала:

— Миссис Миллз, я понимаю, что для вас это было настоящей пыткой, и очень рада, что дело близится к завершению...

— Мисс Уоллес, — робко перебила Элис Миллз, вызвав у собеседницы улыбку.

— Пожалуйста, называйте меня Эмили. Мы же с вами договорились!

— Хорошо, Эмили, — послушно повторила миссис Миллз. — А я ведь тоже просила называть меня Элис, помните?

Губы у нее дрожали.

— Сейчас принесу обещанный чай, — вспомнила Эмили. — Не возражаете?

Когда через пару минут она вернулась, гостя уже немного успокоилась. Пробормотав слова благодарности, миссис Миллз взяла чашку и отхлебнула горячего напитка. Эмили не торопила ее, ей было ясно: мать Натали собирается сообщить что-то важное и именно поэтому так волнуется.

— Эмили, я даже не знаю, с чего начать... Я видела, как вы старались и добивались справедливости для Натали. Бог не даст соврать, я хочу того же, но вчера, когда вы допрашивали Грега, многие сочли его ответы совершенно невразумительными. А я услышала в них совсем

другое.

Эмили ощутила нарастающий ком в горле. Она-то решила, что Элис Миллз воздаст ей по заслугам, поблагодарит, что она не жалела сил для осуждения Грега. Но, оказывается, все не так...

— Мне вспомнилось, что Натали в репетиционные периоды иногда сильно расстраивалась и переживала, если что-то не получалось. Бывало, Грег потихоньку пробирался в зрительный зал и наблюдал за ней. Порой она даже не подозревала о его присутствии, потому что он не хотел ей мешать и отвлекать от работы. А когда она уезжала на гастроли, он не раз бросал все и садился в самолет ради того, чтобы просто побыть с ней. Он чувствовал, как для нее важна его поддержка. И вчера, когда Грег со свидетельского места объяснял, что он делал на Кейп-Коде, я вдруг поняла, что он занимался тем же, чем и всегда: пытался защитить Натали.

— Но, Элис, разве обстоятельства не изменились? Ведь затем Натали съехала и собиралась подать на развод.

— Грег любил Натали по-прежнему и все равно старался оберегать ее. Вчера на трибуне я увидела того Грега, которого всегда знала. Эмили, я столько об этом передумала, какие только мысли не приходили мне в голову! Но Грег точно не мог убить Натали, да еще оставить ее раненую умирать. Я и на смертном одре не изменю своего мнения.

— Элис, — кротко произнесла Эмили, — примите мои слова как знак величайшего уважения к вам. Если случается подобная трагедия и в ней обвиняется кто-то из членов семьи, часто бывает сложно примириться с мыслью, что он действительно убийца. Пусть это прозвучит печально и даже кощунственно, но гораздо милосерднее, когда такое преступление совершает чужой человек. По крайней мере, тогда родня оплакивает потерю сообща...

— Эмили, мне нет дела до других! Я умоляю вас, если Грега осудят, не бросайте расследование. Разве вы сами не замечаете того, что лично мне давно ясно? Джимми Истон — лжец!

Эмили резко поднялась и возмущенно посмотрела на гостью.

— Почему вы решили, что я с вами согласна, Элис? — воскликнула она.

Во вторник вечером Майкл Гордон открыл обсуждение в рамках шоу «В судебных кулуарах» с объявления, что первый день дебатов по делу Грегга Олдрича завершился без вынесения вердикта.

— Сейчас мы обнародуем результаты голосования на нашем сайте и узнаем, сколько зрителей считают Грегга Олдрича виновным, а сколько — нет. — Майкл оглядел гостей передачи. — Буду откровенен, мы все здесь сильно удивлены, так мне показалось. Вчера на перекрестном допросе Грегг изъяснялся достаточно путано, и наши ожидания в отношении голосов зрителей по понятным причинам склонялись в сторону обвинительного приговора.

Предвосхищая радостное известие, Гордон бодрым тоном сообщил, что сорок семь процентов из четырехсот тысяч респондентов проголосовали за невиновность Олдрича.

— Только пятьдесят три процента зрителей, — подчеркнул Майкл, — готовы осудить его.

Судья Рейли покачал головой и сказал:

— Столько лет отдать судебному делу, когда, кажется, уже достаточно поднаторел в человеческой психологии, и получить такой неожиданный результат. Но долгие годы, проведенные за судебным столом, научили меня и другому — никогда не загадывать наперед.

— Если обвинитель Эмили Уоллес смотрит пашу передачу, — продолжал Майкл Гордон, — она наверняка не может сдерживать эмоций. Незначительный перевес не играет роли в уголовном суде. Каков бы ни был вердикт — виновен или невиновен, — он должен приниматься единогласно, двенадцать голосов из двенадцати. Если присяжные разделяют мнение зрителей, то мы вправе ожидать отсрочки приговора и повторного расследования.

В девять утра в среду присяжные возобновили обсуждение по процессу. Эмили тем временем пыталась сосредоточиться на других судебных делах, но ей это никак не удавалось: из-за вчерашнего инцидента с Элис Миллз она плохо выспалась.

В полдень Эмили отправилась в кафетерий при здании суда купить сэндвич и перекусить у себя в кабинете. Но, открыв дверь заведения, она сразу пожалела, что не попросила кого-нибудь в конторе об этом одолжении: за одним из столиков расположились Грег Олдрич с дочерью, Ричард и Коул Муры, а также Элис Миллз. Чтобы добраться до кассовой стойки, Эмили пришлось пройти мимо них.

— Добрый день, — негромко поздоровалась она, избегая встречаться взглядом с сидящими за столиком.

Тем не менее, от нее не укрылось выражение страдания на заплаканном лице Кейти.

«За что ей все это? — подумала Эмили. — И кто в четырнадцать лет заслуживает такого наказания? Она ведь неглупая и понимает, что в любой момент нас могут пригласить в зал суда и зачитать приговор, который отправит ее отца за решетку на весь остаток жизни».

Эмили заказала сэндвич с индейкой и диетическую содовую. Вернувшись в кабинет, она отломала от сэндвича несколько кусочков и тут же отложила его. Казалось бы, всего несколько минут назад она была голодна, но вид юной Кейти лишил ее даже признаков аппетита. Затем мысли Эмили вновь обратились к матери Натали.

«Если бы в апреле, когда мы впервые с ней встретились, она была так же убеждена в невиновности Олдрича, поменяла бы я что-нибудь и ходе расследования?» — размышляла она.

Сама эта мысль уже пугала. Расследование пели в основном Билли и Джейк, они же докрашивали Джимми Истона и проверяли достоверность улик. Не подлежало никакому сомнению, что Грег Олдрич звонил на мобильник Истона, как невозможно было оспаривать и то, что Истон во всех подробностях описал гостиную Олдрича. Однако все прочие многочисленные обстоятельства истории остались без подтверждения. Например, Грег Олдрич отрицал получение письма от Истона, в котором тот отказывался от убийства Натали.

«Такой, как Истон, вряд ли возьмется писать письмо, — рассуждала про себя Эмили. — Для него с его привычкой к скрытности наиболее вероятный вариант — голосовое сообщение, в котором он уведомил бы Олдрича, что уезжает из города и никаких услуг оказывать не станет. Но может, он просто не хотел ввязываться в препирательства с Олдричем, если тот вдруг сам возьмет трубку? Ведь Истон не мог знать заранее, что попадет именно на автоответчик. Поэтому он и написал письмо... Но я уже покончила с этим процессом, — напомнила себе Эмили. — Проехали. Против Олдрича — тонна улик. Пусть теперь присяжные решают что угодно, а я как-нибудь переживу».

В шестнадцать тридцать судья Стивенс вновь отправил присяжных по домам, еще раз напомнив, что им запрещено обсуждать прения друг с другом или с кем-либо из знакомых.

«Они уже двенадцать часов не могут принять решение, — думала Эмили, следя, как присяжные с угрюмыми лицами поочередно выходят из зала. — Впрочем, ничего удивительного... Хоть бы до пятницы вердикт подоспел».

Эмили уныло улыбнулась; после вчерашнего просмотра «Судебных кулуаров», где стали известны результаты интернет-голосования, ей совсем не хотелось, чтобы присяжные на выходные попали в круг родни и друзей, которые жаждут поделиться сокровенными мыслями по процессу.

Коул Мур в компании с Грегом Олдричем и Кейти направились к выходу, Элис Миллз

следовала за ними. Ричард же немного задержался в зале суда и подошел к Эмили.

— Задали нам обоим жару эти присяжные, — дружески заметил он.

— Видимо, так, Ричард, — отозвалась Эмили, — Но мне и раньше было понятно, что одним днем здесь не отделаться.

— Кажется, Элис Миллз вчера о чем-то говорила с вами?..

— Говорила, — подтвердила Эмили. — Она очень приятная женщина, и жестоко пострадавшая, но я безмерно рада, что ее нет среди присяжных.

— Верю, что рады, — усмехнулся Ричард Мур.

Улыбка, впрочем, пропала с его лица так же быстро, как и появилась.

— Эмили, ручаюсь, вы не там искали. Вполне возможно, что вы добьетесь обвинительного приговора, но и в этом случае мы не оставим попыток выяснить, каким образом Истон раздобыл нужные сведения, особенно об этом треклятом ящике. Уверен, существует и другое объяснение.

— Ричард, вы стояли горой за Олдрича, а я лишь добросовестно выполнила свои обязанности обвинителя. Если вдруг всплывут новые легальные сведения, я первая займу очередь на их изучение.

Они вместе покинули зал суда.

— Увидимся завтра утром, — попрощался Мур.

— Всего доброго, — ответила Эмили.

Вернувшись в кабинет, она обнаружила на рабочем столе записку: «Эм, приходи на ужин к половине седьмого в "Солари". Сегодня у Билли Трайона день рождения, мы угощаем. Тед Уэсли тоже будет». Послание подписала Триш, одна из следователей их отдела. Она добавила и шуточный постскрипtum: «Не волнуйся, ты не опоздаешь на свою любимую передачу "В судебных кулуарах"!»

Идея отпраздновать день рождения Билли Трайона несколько не воодушевила Эмили, но отклонить приглашение было совершенно не-возможно, тем более что ожидался Тед Уэсли — ее шеф и двоюродный брат Трайона.

Эмили взглянула на часы. Было уже почти пять. «Раз на работе ничего не клеится, — подумала она, — то лучше поспешить домой. Быстро покормлю и выгуляю Бесс, а заодно сброшу этот официозный костюм и каблучищи и подберу что-нибудь более уютное».

Однако Бесс так не терпелось вырваться на улицу, что Эмили даже не успела переодеться. Порадовав болонку двадцатиминутной прогулкой, Эмили дала ей корм, сменила воду в собачьей миске и только потом поднялась к себе.

Детектив Билли Трайон праздновал свой пятьдесят третий день рождения в «Солари» — широко известном ресторанчике поблизости от Бергенского окружного суда. Положив руку на спинку стула своей нынешней пассии, молоденькой Донны Вудс, он с явным удовольствием разглагольствовал о том, как славно отвлечься от напряженного ожидания, связанного с вынесением вердикта Олдричу.

— На это дело мы с Джейком угробили немерено часов, — явно бахвалясь, рассказывал он. — Жаль, что Розен сегодня не с нами: у его сына соревнования.

— А мне казалось, ты Джейка недолюбливаешь, — простодушно заметила Донна. — Ты действительно жалеешь, что он не пришел?

Торжествуя наблюдая за застигнутым врасплох Трайоном, мечущим на подружку злобные взгляды, Эмили внезапно почувствовала себя сродни Джейку. «Как обидно, что у меня нет сына и он не участвует в соревнованиях, — подумала она. — Я охотно отправилась бы куда угодно вместо этого ресторана».

За столиком также сидели два помощника прокурора, два бывалых детектива и следователь Триш Фоули — та, что оставила Эмили записку с приглашением.

«Триш — настоящий друг, — рассуждала про себя Эмили, — но она понятия не имеет о моих трениях с Билли. Скорее всего, она позвала меня, потому что знает, как я беспокоюсь за исход процесса. Она надеется, что на вечеринке я хоть немного развеюсь. А я бы лучше осталась дома с Бесс».

Эмили вздохнула. Весь день она не виделась с Тедом Уэсли, хотя он наверняка был на рабочем месте. Ее удивило, что он не заглянул к ней поздороваться: обычно, когда присяжные совещались по поводу громкого преступления, Тед вел себя иначе.

Билли Трайон, желая загладить неловкость от опрометчивых слов Донны, касаемых его отношений с Джейком, попытался перевести беседу в другое русло.

— Слушай, Эм, не парься! У тебя в главных свидетелях суший образец добропорядочности, — сострил он, — считай, что обвинительным приговор у нас в кармане. Как тебе понравилась его история о письме Олдричу, где он отказался от сделки, но удержал так называемый невозмещаемый аванс? Это была моя подсказка, и Истон воспользовался ею. То-то в суде повеселились!

— Твоя подсказка? — пораженно воскликнула Эмили.

— Ну-ну, не передергивай. Когда я его в первый раз допрашивал, он сообщил, что написал Олдричу письмо о том, что не собирается возвращать деньги. Я и пошутил, будто бы он получил от Олдрича невозмещаемый аванс. Именно так он и выразился, когда выступал свидетелем.

— Всем добрый вечер.

Тед Уэсли выдвинул стул и сел. Никто не заметил, как появился прокурор, но было ясно, что он слышал последнюю фразу Трайона.

— Давайте закроем эту тему, — сухо предложил Тед. — К чему создавать лишние проблемы?

«А где же поздравления братцу? — язвительно подумала Эмили, всматриваясь в лицо начальника. — Что-то беспокоит его... Интересно, смотрел ли Тед "Кулуары" вчера вече ром? Скорее всего, да. И он не может спокойно спать, когда добрая половина зрителей считает, что его ведомство преследует невиновного. Не лучший имидж накануне вступления в должность генерального прокурора. Как-никак, это главный судебный исполнитель во всех Соединенных Штатах».

От Эмили не укрылось, что Уэсли поздоровался сразу со всеми, не выделив ее особым дружеским приветствием, как обычно.

«Конечно, — размышляла она, — именно этого и следовало ожидать. Я и прежде догадывалась, что дружба Теда любит ясную погоду. Он не только со мной так поступает, а вообще со всеми. Если Олдрича осудят, можно смело прогнозировать сплошное солнце и теплые бризы».

Триш попыталась вернуть компании праздничное настроение, разрушенное разоблачительными словами Донны.

— Ну, Билли, чего же ты желаешь на свой день рождения? — весело поинтересовалась она.

— Чего я желаю? Сейчас прикину... — Он слишком явно старался уйти от обсуждения Истона. — Дальше ловить плохих парней, чего бы мне это ни стоило. Выиграть в лотерею и снять шикарную берлогу в здании на Парк-авеню. А еще навестить двоюродного брата, когда он станет генеральным прокурором в Вашингтоне. — Он посмотрел на Теда и ухмыльнулся. — Хочу понять, каково это — сидеть, положив ноги тебе на стол!

Но Тед Уэсли, очевидно, не был расположен к веселью.

— Я уже предупредил тебя, что заскочу только на минутку. Всем приятного вечера.

Он резко поднялся. «А у него не в обычае поздравлять кузена с днем рождения», — отметила про себя Эмили.

Официант принес и раздал меню. Гости стали заказывать, и понемногу напряжение отпустило всех, кроме самого именинника. Очевидно, глупая выходка любовницы и холодность брата сильно задели его.

Донна, на свое счастье, оказалась менее щепетильна и пребывала в прекрасном настроении.

Блюда были восхитительны. Вскоре Билли кое-как преодолел свою хандру и стал подшучивать над Донной, пившей исключительно содовую, называя ее кандидаткой в свои личные водители. Сам он с легким сердцем осушил четыре бокала вина.

В качестве десерта подали именинный торт и кофе.

Когда вечеринка закончилась, и гости собрались расходиться, Триш объявила всем, что днем ей позвонил прокурор и велел записать угощение на его счет. Билли довольно улыбнулся и пропел:

— Узнаю братишку, закадычного друга с самого детства!

«А ты для него сплошное мучение, — подумала Эмили. — Хорошо, если ты со временем не станешь камнем на его шее».

Услышанное за ужином серьезно ее озадачило. Во-первых, Билли был явно не в ладах с напарником Джейком Розеном, порядочным и совестливым следователем. Во-вторых, он предоставил Истону готовую цитату для присяжных о невозвращении денег Олдричу. И наконец, Трайон пожелал себе на день рождения и дальше ловить плохих парней, чего бы ему это ни стоило.

«Чего бы это ни стоило... — повторила про себя Эмили. — Но что он имел в виду?»

В четверг, в четверть двенадцатого утра судебный секретарь звонком уведомила Эмили, что присяжные прислали записку судье Стивенсу.

— Вердикт есть? — нетерпеливо уточнила Эмили.

— Вердикта пока нет. Через пять минут судья ждет вас и обоих защитников в своем кабинете.

— Хорошо, уже поднимаюсь.

Эмили сразу же набрала рабочий телефон Теда Уэсли, чтобы предупредить его о возможных осложнениях. Трубку взял сам прокурор.

— Вердикт?

— Нет, — отозвалась Эмили. — Возможно, просьба о повторном слушании или отсутствие единогласия. Если они объявят, что вердикта не будет, Мур наверняка сделает ставку на процессуальную недобросовестность...

Она не успела договорить, так как Уэсли сердито перебил ее:

— Твое дело — опротестовать это! Они совещаются только пару дней, а позади — несколько недель суда.

Эмили постаралась не выдать своего раздражения.

— Именно так я и собиралась поступить. Конечно, я буду настаивать, чтобы судья вернул присяжных к обсуждению. К тому же судья Стивенс вряд ли так скоро удовлетворит их просьбу.

— Ладно, хорошо. Капитулировать им пока рано. Я тоже сейчас подойду.

Через несколько минут Эмили и оба Мура сидели в кабинете судьи Стивенса. Тот зачитал им записку, которую держал наготове: «Ваша честь, мы хотели бы заново заслушать показания Джимми Истона и Грегга Олдрича. Заранее спасибо». Внизу стояла подпись присяжного номер один.

— Я уже известил протоколистку, за пятнадцать минут она подготовит материалы, — добавил судья Стивенс. — Показания обоих свидетелей довольно обширные; по моим прикидкам, их слушание займет весь остаток дня.

Эмили и защитники согласились с судьей и, поблагодарив его, вернулись в зал. Тед Уэсли уже поджидал у стола прокурора.

— Будет повторное заслушивание показаний Истона и Олдрича, — сообщила ему Эмили. — На это уйдет весь день.

Прокурор с явным облегчением перевел дух.

— Что ж, гораздо лучше, чем полное отсутствие вердикта. Если до конца дня будет слушание, а затем судья распустит присяжных по домам, то сегодня вердикта мы не дождемся. Ладно, я ушел, — быстро попрощался он.

Присяжные заняли места на скамье и сосредоточили все внимание. Первым зачитывали свидетельство Истона. Эмили поежилась, когда протоколистка повторила бесцеремонный ответ Джимми про невозмещаемый аванс. «Все уверены, что это показания Истона, — подумала она. — Интересно узнать, сколько находок предложил ему Трайон».

Чтение завершилось в четверть второго. Судья Стивенс объявил сорокапятиминутный перерыв на обед, с тем, чтобы ровно в два приступить к слушанию показаний Олдрича.

Боясь вновь столкнуться в кафетерии с Гретом, Кейти и Элис Миллз, Эмили попросила стажера принести ей оттуда порцию супа. Запершись у себя в кабинете, она немного расслабилась и порадовалась тому, что протокол читали сдержанным официальным тоном. Разительный контраст был налицо. Те присяжные, которых, по понятным причинам, наговатая

ерническая манера самого Истона в зале суда лишь отталкивала, теперь могли убедиться, что существовало множество подтверждений его словам и масса доказательств... С этой мыслью Эмили постучала по деревянному столу.

Без десяти два она вошла в лифт и поднялась в зал суда. Эмили понимала, что ей нелегко будет заново выслушивать мучительные признания Олдрича. Она отдавала себе отчет, что поскольку сама извлекла преимущество из лаконичного стиля при изложении показаний Истона, то и Грег, в свою очередь, вправе ожидать к себе такого же бесстрастного отношения. Ни дрожь в голосе, ни неуверенное поведение на бумаге не запечатлелись.

Все заняли свои места, и слушание продолжилось своим чередом. Присяжные прямо-таки затаили дыхание, вбирая в себя каждое слово протоколистки. Некоторые из них иногда бросали взгляды то на Олдрича, то на Элис Миллз, которая в последние дни процесса неизменно садилась рядом с Кейти, то и дело приобнимая ее.

«Она демонстрирует присяжным, что изменила свое мнение, — догадалась Эмили. — Когда присяжные в эти дни расходились по домам, наверняка видели ее в коридоре в компании Олдрича и Муров. Интересно, как это повлияет на тех, кто еще колеблется? Полагаю, к завтрашнему дню станет ясно, что мы имеем: вердикт или отсрочку».

По прошлому опыту Эмили знала, что состав присяжных, который заседал несколько дней и потребовал вторичного заслушивания показаний важнейших свидетелей, обычно в скором времени либо принимает единогласное решение, либо признается в своей несостоятельности.

Протоколистка закончила чтение в пять минут пятого.

— Итак, леди и джентльмены, мы прервемся до завтра и возобновим прения в девять утра, — обратился к присяжным судья Стивенс.

Эмили направилась, было, к выходу, но вдруг заметила, что Элис Миллз как-то странно на нее поглядывает. Интуиция подсказала Эмили, что женщина уже давно за ней наблюдает. Мать Натали, в свою очередь, будто нарочно подняла руки и ласково обняла за плечи Грега. Удивительно, но в этом показном жесте Эмили усмотрела нечто знакомое...

Смигивая жгучие слезы, вдруг набежавшие ей на глаза, она заспешила прочь из зала. При виде этих трех несчастных — Элис, Грега и Кейти — на нее нахлынуло необъяснимое чувство, подобное ностальгии, и она хотела поскорее от него отделаться.

— Каков твой прогноз? — спросил Грег Олдрич своего адвоката.

Была пятница, без десяти девять утра, когда они заняли такие знакомые им места в зале суда.

— Сегодня — заключительный день, — ответил Ричард.

Коул Мур кивнул в подтверждение слов отца.

Ровно в девять часов появился судья Стивенс. Он пригласил присяжных разместиться на скамье и сделал переключку, а затем велел им возобновить прения по процессу.

Присяжные потянулись в комнату для обсуждения.

— Ричард, — обратился к адвокату Грег, — вчера вечером на сайте шоу Майка сорок семь процентов зрителей отдали свои голоса в мою пользу. Ты случайно не смотрел «В судебных кулуарах»?

— Нет, Грег, не смотрел.

— Сомневаюсь, что ты когда-нибудь окажешься в моей шкуре, но, если вдруг такое случится и Майк будет так же освещать процесс в своей передаче, я очень советую тебе ее не пропустить. Вот тогда ты поймешь, что значит раздвоение личности. Одну твою часть бросают на растерзание львам, а другая наблюдает за ареной с амфитеатра и делает ставки, гадая, избежит ли обреченный смерти. Зрелище, надо заметить, захватывающее...

«Я болтаю всякий вздор», — мысленно одернул себя Грег. Наверное, сказывалась усталость. Ночью он спал как младенец, а утром проснулся с ужасным предчувствием, что его все-таки осудят. Прежде ему казалось, что главное — как-нибудь пережить этот кошмар, а теперь он молил Бога только об одном: об отсрочке приговора. Ведь если его признают виновным, на рассмотрение апелляции уйдет несколько лет, а Ричард, судя по всему, считал, что шансов у Грега в таком случае будет маловато...

«Осужденный за убийство... — думал Грег. — С тюремным номером на груди, вот так... Повернуть бы жизнь вспять. Вставать по утрам и идти, как всегда, на работу.. Ехать к Кейти в школу и болеть за нее на футбольных матчах. Выбраться на игру в гольф. Летом у меня как-то не находилось на это времени, но даже если находилось, все равно не получалось сосредоточиться...»

Судья уже встал из-за стола. Грег оглянулся на обвинительницу — Эмили Уоллес пока никуда не торопилась. Сегодня на ней был темно-зеленый пиджак, черный свитер с высоким воротом и черная юбка. Она скрестила под стулом ноги, и Грег заметил, что Эмили, как обычно, в туфлях на высоких каблуках. Утром она вошла в зал суда, цокая каблуками, и он вдруг ясно вспомнил звук шагов Натали, отдававшийся в тишине квартиры всякий раз, когда она около одиннадцати вечера возвращалась со спектакля...

В те дни, когда Грег не забирал жену из театра, он все равно не засыпал, пока она не появлялась. Натали перестукивала каблуками по паркету в прихожей, и с него тут же слетала дремота... А потом он наливал им обоим чего-нибудь выпить и сооружал для нее ужин, если ей хотелось перекусить. Грегу это доставляло удовольствие; она зря беспокоилась, что отрывает его от сна и что так не годится...

«Натали, почему же ты всегда видела трагедии там, где их не было и в помине? Почему ты, черт побери, доходила в своих сомнениях до того, что не могла уразуметь простую истину: я любил тебя и обожал тебе потакать?»

Олдрич вновь посмотрел на прокуроршу. С ней рядом стоял один из следователей, допрашивавшего сразу после гибели Натали, а потом семь месяцев назад, когда арестовали

Истона.

«Трайон, — всплыла в памяти фамилия детектива. — Как же его зовут? Ах да, Билли... Судя по его манере поведения, он корчит из себя Джеймса Бонда».

Грег видел, как фамильярно Трайон положил руку на плечо Эмили Уоллес, и как непонимающе она взглянула на него и свела брови, явно не одоббив такого обращения.

«Наверное, желает ей удачи, — предположил Грег. — Что ж, пусть... Если меня приговорят, они оба выйдут победителями. Еще одна служебная насечка. Наверняка потом завалятся куда-нибудь и отметят как следует радостное событие.

Итак, сегодня... Чувствую, что сегодня. Ричард и Коул уже подхватили портфели. Пойдем опять в родной кафетерий. Мы здесь уже почти как дома».

В полдвенадцатого у Ричарда Мура зазвонил телефон. Вся компания устроилась за столиком неподалеку от более оживленной барной стойки. Грег с Кейти играли в «черви», Элис Миллз листала иллюстрированный журнал, старший Мур вместе с сыном изучали материалы по другим процессам.

Ричард принял звонок, выслушал сообщение и оглядел всех за столиком.

— Вердикт готов, — объявил он. — Пора.

Звонок застал Эмили за очередной тщетной попыткой сосредоточиться на одном из порученных дел. Она отпихнула папку с досье, немедленно предупредила по телефону Теда Уэсли, затем выскочила в коридор и, отстукивая каблуками дробь по мраморному полу, быстро направилась к лестнице, решив не дожидаться лифта.

Взбежав на третий этаж, она сразу поняла, что слух о вердикте уже распространился по зданию: люди толпились у входа в зал, стараясь успеть занять место. Вскоре там не осталось ни одного свободного стула.

Эмили подоспела к дверям практически одновременно с Грегом Олдричем, который появился с другой стороны коридора. Они едва не столкнулись и оба попятились, в замешательстве глядя друг на друга. Наконец Олдрич догадался отступить, жестом пропуская даму вперед.

К удивлению Эмили, Тед Уэсли на этот раз сел рядом с ней за прокурорский стол. От нее не укрылось, что шеф позаботился сменить пиджак и галстук. «Теперь, когда ясно, что у нас вердикт, а не отсрочка, он уже почти не сомневается в обвинительном приговоре, — подумала Эмили с ноткой осуждения. — И он снова в центре внимания. Прифрантился ради телекамер».

Затем судья Стивенс сделал формальное объявление о том, что все и так уже знали. сказал хоть и сочувственным, но твердым тоном:

— Мисс Олдрич, вынужден просить вас успокоиться, мы должны довести судебную процедуру до конца.

При его словах Кейти зажала ладошкой рот и уткнулась в плечо Элис Миллз.

— Мистер Мур, вы желаете заслушать всех присяжных поименно?

— Да, ваша честь...

— Леди и джентльмены, — произнес судья, — ваш старшина заявил, что вы признали подсудимого виновным по всем пунктам. При переключке каждый из вас обязан встать и сообщить, как он проголосовал: виновен или невиновен.

— Виновен.

— Виновен.

— Виновен... Виновен... Виновен...

Две женщины из присяжных плакали в открытую, озвучивая вердикт. Мертвенно-бледный Грег Олдрич качал головой, словно не веря своим ушам, до тех пор, пока последний из присяжных не повторил суровый приговор.

Судья Стивенс отрывистым голосом подтвердил для протокола, что вердикт принят единогласно. Затем он велел судебному приставу и старшине присяжных принести из комнаты для обсуждения все вещественные доказательства по процессу.

Через минуту они вернулись; Эмили бегло осмотрела улики, предоставленные обвинением, а Ричард Мур — улики со стороны защиты. Оба признали, что все на месте.

И в последний раз судья обратился к составу присяжных:

— Леди и джентльмены, вы предоставили голоса для вердикта, на этом ваше участие в процессе считается завершённым. Благодарю вас от всего судейского корпуса и прочих служащих, связанных с данным разбирательством. Вы потратили много сил. Должен уведомить вас, что по местным судебным законам ни одно лицо, причастное к данному делу, не имеет права вовлекать вас в обсуждение ваших прений по процессу, равно как и вашей роли в общем исходе дела. Также я не советую вам передавать посторонним людям подробности ваших дебатов. Не говорите во всеулышание ничего, что не стали бы повторять в присутствии остальных присяжных. Позвольте еще раз поблагодарить вас. Вы свободны.

Присяжные поднялись, собираясь уходить, но в этот момент со стула вскочила Элис Миллз.

— А я вас не благодарю! — крикнула она. — Вы рассудили неправильно, вы все! Мою дочь застрелили и оставили умирать, истекая кровью, а ее убийцы нет сейчас в зале суда! Мой зять Грег невиновен! Он не убивал! — В порыве гнева она указала на Эмили. — Ваш свидетель солгал, и вам это известно! Вчера я все прочла на вашем лице. Вы были даже не в силах это отрицать. Вы наверняка понимаете, что это не процесс, а пародия, и ваше сердце полно стыда за участие в ней. Эмили, ради всего святого...

Судья Стивенс постучал по столу молоточком.

— Миссис Миллз, я глубоко разделяю вашу безутешную печаль и скорбь вместе с вами, однако я вынужден настаивать на соблюдении порядка. Позвольте присяжным спокойно покинуть зал суда.

Присяжные, немало впечатленные происшедшим, наконец, удалились. Эмили осталось последнее необходимое действие. Она встала.

— Ваша честь, мистер Олдрич обвинен по трем пунктам: незаконное вторжение, незаконное ношение огнестрельного оружия и убийство. Ему грозит пожизненное заключение. Ввиду этого обвинение считает возможным утверждать, что слишком велик риск побега. Финансовые средства у осужденного, несомненно, имеются. Обвинение ходатайствует об аннулировании залога.

Ричард Мур, с посеревшим лицом, тоже кое-что сказал. Осознавая шаткость своих аргументов, он все же обратился к суду с просьбой позволить Олдричу до вынесения приговора съездить домой, урегулировать нерешенные дела и позаботиться о судьбе своей дочери-сироты.

— Суд согласен с обвинителем в том, что слишком велик риск побега, — заключил судья Стивенс. — Мистер Олдрич должен был заранее предвидеть возможность обвинительного вердикта и сделать необходимые распоряжения накануне. Приговор будет зачитан пятого декабря в девять часов утра. Залог аннулируется. Мистер Олдрич будет взят под стражу.

Мертвенно-бледный Грег Олдрич спокойно повиновался приставу, велевшему заложить руки за спину. Наручники сомкнулись и защелкнулись на его запястьях, но лицо его даже не дрогнуло.

Олдрича увели из зала суда в камеру временного содержания. Напоследок в его память врезались две детали: крайняя обеспокоенность, написанная на лице Эмили Уоллес, и откровенно довольная улыбка прокурора Теда Уэсли.

Вечером того же дня, сославшись на усталость, Эмили не пошла в «Солари» отмечать победное завершение процесса. Она лишь сообщила Теду Уэсли, что хотела бы до его отъезда в Вашингтон пригласить его с супругой на ужин в ресторан. Эмили действительно чувствовала себя выжатой как лимон, но в любом случае не могла представить, как бы праздновала вердикт, оказавшийся роковым не только для Грега Олдрича, но и для его юной дочери, и для матери Натали.

«Вы наверняка понимаете, что это не процесс, а пародия, и ваше сердце полно стыда за участие в ней...» Вновь и вновь она прокручивала в голове обвинение, которое Элис Миллз в отчаянии выкрикнула в зале суда, и сочувствие к матери убитой актрисы мешалось у Эмили с гневом.

Слава богу, что все журналисты остались в зале, и к машине она направлялась одна.

«Я отдала этому процессу семь месяцев своей жизни, — думала Эмили. — Я лишь добивалась справедливости ради необыкновенно талантливого человека, подарившего массу радости стольким людям. И вот этот человек погибает у себя дома от пули незваного гостя... Мое сердце... Что может знать Элис Миллз о моем сердце? Да что я сама знаю о своем сердце? Оно даже не мое собственное... Мое настоящее сердце положили на хирургический поднос и отправили в отходы...»

Садясь в автомобиль, она ощутила, что больше не в силах сдерживать слезы, которые набегали на глаза с момента злобного выпада Элис Миллз. Один из репортеров в общем шквале обсуждений, возникшем после закрытия заседания, предрек ей: «Вас ждет популярность, Эмили. О вас будут много писать. До сегодняшнего дня я даже не догадывался, что вы перенесли пересадку сердца, — это я случайно подслушал. И еще я выяснил, что ваш муж погиб в Ираке. Мои соболезнования...»

«Боже, теперь моя биография просочится буквально повсюду, — размышляла Эмили. — Все эти сплетни по поводу сердца, собственно, меня мало волнуют. Эх, ждал бы меня дома Марк! Я бы что угодно за это отдала. С ним мне все было нипочем...»

Едва Эмили поднялась на крыльцо и открыла входную дверь, как неистовый собачий лай с веранды послужил ей лучшим приветствием и мигом поднял настроение. Она поспешила к своей питомице, мысленно благодаря Бесс за то безоговорочное обожание, с которым она относилась к хозяйке.

В пятницу вечером, через девять часов после объявления приговора, в эфир вышло шоу «В судебных кулуарах». Майкл Гордон начал его с показа драматических событий в суде, в том числе нервных вспышек Кейти Олдрич и Элис Миллз.

— Мы подготовили для вас сенсационную программу, — сообщил ведущий. — Вы услышите мнения не только наших обычных гостей, но и присяжных, вынесших вердикт, и их запасных, которым не довелось участвовать в обсуждении. К ним также присоединится свидетельница последних минут погибшей.

Постоянные гости передачи: отставной судья Бернард Рейли, бывший прокурор Питер Ноулз и криминальный психолог Жоржет Кассотта — единодушно выразили удивление тому факту, что состав присяжных пришел к соглашению. Кассотта призналась, что, учитывая сомнительные показания Джимми Истона, она считала единогласие в данном случае невозможным.

Дороти Уинтерс, разочарованная присяжная из запасного состава, высказала наболевшее, не дожидаясь специального приглашения:

— Я просто вне себя! Такого бы ни за что не случилось, будь я на прениях. Мне бы говорили что угодно — но я все равно осталась бы при своем! Полагаю, судья допустил травлю подсудимого со стороны обвинительницы, когда бедный мистер Олдрич пытался объяснить, зачем ездил на Кейп-Код. Мне вообще кажется, что Натали была недостойна такого мужа. Она наверняка его недооценивала. Ее волновала только собственная карьера, а он все положил на алтарь ее профессии и, как мог, оберегал ее.

Норман Клингер, присяжный под номером три, инженер-строитель лет сорока пяти, качал головой, слушая ее слова.

— Мы рассмотрели этот случай со всех возможных сторон, — категорично заявил он. — Была ли Натали Райнс достойна Олдрича или нет, сути дела не меняет. И Джимми Истона никто не переоценивает, но все его показания подтверждены документально.

Сюзии Уолш, получив по телефону приглашение на участие в телешоу, буквально сбилась с ног. Она срочно помчалась в парикмахерскую и сделала себе укладку, а потом разорилась и на макияж, для чего ей пришлось посетить салон красоты. Лишь в студии выяснилось, что на телевидении есть свой стилист. «Можно было и не тратиться, — грустно подумала Сюзии, — тем более что меня все равно причесали по-новому, а косметику обновили».

Майкл Гордон обратился к ней с вопросом:

— Мисс Уолш, вы последняя, кто видел Натали живой. Что вы думаете по поводу вынесенного вердикта?

— Сначала я была уверена, что Олдрич и есть убийца, — честно призналась Сюзии. — Но мне не давала покоя одна мысль. Когда я обнаружила Натали, она была еще жива. Глаз она не открывала, но стонала и, мне кажется, понимала, что я вызываю для нее «неотложку». Если стрелял ее знакомый — например, ее муж, — почему тогда она промолчала? Ведь она наверняка чувствовала, что умирает... Неужели же она не хотела, чтобы преступника арестовали?

— Вот именно! — вмешалась Дороти Уинтерс.

— Мисс Уолш, вас с нами не было, но все это мы самым тщательным образом взвесили во время обсуждения, — возразил Клингер. — Вы сами говорите, что Натали Райнс в тот момент уже умирала, даже глаза ее были закрыты. То, что она стонала, вовсе не подразумевает ее способность к коммуникации.

— Она ощущала мое присутствие. Это точно! — не сдавалась Сюзии. — К тому же я никогда

не думала, что человек без сознания способен стонать.

— Я и не утверждаю, что она была совершенно без сознания. Но она получила серьезное ранение, и мы склонились к мысли, что она не могла общаться с внешним миром.

— Они уже год как не жили вместе, — упрямо произнесла Дороти Уинтерс. — Может, у нее появился новый друг, о котором никто не знал? Помните, Натали сама намекала о нем Грегу? Он потому и помчался на Кейп-Код, что хотел проверить. А ведь это мог быть и какой-нибудь чокнутый поклонник! Пусть ее номера нет в справочнике — адрес и карта района доступны в Интернете всем и каждому. Если есть желание, проще простого их заполучить.

— Защитник на процессе почему-то не уделил должного внимания вероятности нового романа у Натали, — поддержал ее Дональд Стерн, второй запасной присяжный. — Допустим, у нее появился любовник. Его отсутствие в гостях у Натали на Кейп-Коде вовсе не означает, что он не мог по-свойски зайти к ней домой в Нью-Джерси. До последнего времени я склонялся к вердикту о виновности Олдрича, но если бы мне довелось участвовать в прениях вместе с миссис Уинтерс, возможно, она убедила бы меня изменить мнение. Сама она, судя по ее словам, до конца бы отстаивала свою точку зрения.

Пикировка участников спровоцировала взволнованный возглас Майкла Гордона о всемогущей воле случая, из-за которой судебный секретарь вытянула карточку именно Дороти Уинтерс, отправив ее тем самым в запасной состав.

— Сегодня Грег Олдрич ночует в тюремной камере, — добавил Майк. — В ней он может остаться до конца своих дней. Если бы среди присяжных оказалась Дороти Уинтерс, вердикт не был бы вынесен и Грег сейчас ужинал бы дома вместе со своей дочуркой.

— Жизнь полна случайностей и превратностей, ведущих к колоссальным по значимости последствиям, — согласился с ним судья Рейли. — Карточки, произвольно вытянутые судебным секретарем, устранили миссис Уинтерс и мистера Стерна, а ведь присяжные, подобные им, способны сильно повлиять на исход некоторых уголовных процессов. Мы все этому свидетели.

Когда программа закончилась, и Майкл вернулся в свой рабочий кабинет, он нашел прямо на телефонном аппарате записку: «Майк, звонила какая-то женщина. Она не представилась, и номер не высветился. Интересовалась, полагается ли вознаграждение за сведения, на кого работал Джимми Истон в то время, когда побывал в квартире у Олдрича. Выясни, пожалуйста, и объяви в следующем выпуске».

Одержимый цейтнотом, Зак большую часть субботы потратил на поиски подходящей машины. Он не стал обращаться в агентство, откуда сведения об автомобиле неизбежно попали бы в дорожное ведомство, а вместо этого изучил объявления, помещенные в колонке продажи подержанных автомобилей.

Накануне вечером он смотрел по телевизору новости, а наутро прочитал газету, пестревшую снимками и сообщениями о вердикте по делу Олдрича. Его сильно беспокоило, что Эмили вмиг стала знаменитостью. Зак догадывался, чем это может обернуться.

«Какой-нибудь репортеришка затеет о ней передачу, и они нагрянут сюда, чтобы сфотографировать Эмили на фоне ее дома, а я, как назло, не замечу их и тоже случайно окажусь в кадре. Кончится тем, что я попаду на экраны всей страны, и кто-нибудь где-нибудь меня узнает. Надо быть готовым сорваться в любой момент».

Последнее из выбранных Заком объявлений сулило ему именно то, что требовалось: темно-бурый фургон, восьмилетний, но в очень приличном состоянии. Такая машина не привлечет внимания — на нее никто не взглянет дважды. «Как и на меня», — с горечью отметил Зак.

Владелец фургончика Генри Линк жил неподалеку, в городке Рочелл-Парк. Он оказался весьма болтливым старикашкой.

— Это машина моей жены Эдит, — пояснил он Заку. — Вот уже полгода, как она в доме престарелых. Раньше я еще надеялся на ее возвращение, но теперь ясно, что этого не случится. В нашем фургоне мы немало поколесили...

Генри курил трубку; воздух в его кухоньке был мутным от дыма.

— Нет, далеко мы не заезжали, — поправил он себя. — Потому и миль намотали немного. В хорошую погоду мы выбирались куда-нибудь в окрестности, к Гудзону, и искали местечко для пикника. Эдит лучше всех на свете готовила жареную курицу и картофельный салат. А еще...

Зак, сидя напротив хозяина за кухонным столом, с четверть часа выслушивал нескончаемые подробности семейной жизни Генри и Эдит.

Однако вскоре ему стало жаль времени, и он резко поднялся.

— Мистер Линк, у вас в объявлении написано: четыре тысячи долларов без торга. Я прямо сейчас плачу вам три тысячи наличными и беру на себя замену номерных знаков и регистрацию документов. Вам не придется себя этим обременять...

— Ладно, — согласился Генри, понимая, что очередной слушатель ускользает. — Это по-честному, раз уж у вас наличка. И спасибо за оформление бумаг: терпеть не могу выстаивать в очередях в автодорожной управе. Когда вы ее заберете? То есть не поедете же вы сейчас на двух машинах. Вернетесь позже с другом?

«Нет у меня друзей, — подумал Зак, — но даже если бы были, я бы вряд ли посвятил их в свои планы».

— Фургон я заберу сегодня ближе к ночи. Оставьте его на дорожке, а ключи отдайте мне. Тогда мне не придется звонить в дверь и будить вас.

— Вот это дело! — обрадовался Генри. — 11 у меня как раз будет время вытащить из машины кое-какие вещи Эдит. Ну, например, образок святого Христофора — он прицеплен к щитку. Хотя, может, он и вам пригодится — Эдит повесила его для безопасности.

Впрочем, Генри тут же насупился и смущенно добавил:

— Вообще-то нет, уж простите... Она бы, наверное, убила меня, если бы узнала, что я его кому-то подарил.

Облачившись в ночную сорочку и усевшись в постели, Эмили смотрела «В кулуарах суда». Внимательно слушая комментарии участников шоу, она внутренне колебалась между беспокойством и смятением. Ее беспокоило явное недоверие публики к вынесенному вердикту, а смятение объяснялось внезапным сожалением по поводу того, что Дороти Уинтерс не было среди присяжных.

«Если бы она приняла участие в прениях, я была бы вынуждена готовить это дело к новому судебному разбирательству. Неужели мне и вправду этого хочется?» — спрашивала себя Эмили.

Шоу закончилось, она выключила свет, но сон долго не приходил. Тяжкая гнетущая печаль окутывала ее непроницаемым покровом. Эмили вспомнились многочисленные заключения психиатра, с которыми она знакомилась в силу своей прокурорской должности; в них зачастую шла речь о депрессиях у обвиняемых. Однако большинство симптомов, указанных доктором, она сейчас наблюдала у себя: усталость, слезливость, всеобъемлющее чувство тоски...

«И обида, — дополнила Эмили. — Я добросовестно пыталась проникнуться переживаниями миссис Миллз. Почему же она сегодня так обозлилась на меня?»

Около полуночи Эмили достала из ящичка ночного столика легкое снотворное, которое принимала в тех случаях, когда мучилась бессонницей. Через двадцать минут она забылась сном, напоследок представив себе Грега Олдрича в тесной камере — возможно, с товарищем по несчастью, также осужденным за тяжкое преступление. .

В семь утра она пробудилась на несколько минут, за которые успела выпустить Бесс; потом позвала собачку к себе наверх и снова уснула. В десять часов раздался телефонный звонок.

— Эмили, — услышала она голос детектива Джейка Розена. — Жаль, что тебя вчера вечером не было с нами, но я-то способен понять, что тебе хотелось как можно скорее попасть домой. Мне было неприятно, когда мать убитой накинулась на тебя с упреками. Не бери в голову, ты молодчина и поработала на славу!

— Спасибо, Джейк. Надеюсь, вечер удался?

— Если честно, даже неплохо, что тебя не было: ты ведь, мне кажется, недолюбливаешь Билли.

— Это еще мягко сказано... — отозвалась Эмили, еще вялая после сна.

Джейк хохотнул.

— Да-да. Словом, вчера он трепался по поводу и без повода, так что Тед Уэсли велел ему заткнуться и кончать с выпивкой.

Внезапно заинтересовавшись, Эмили осведомилась:

— А о чем он трепался?

— Бахвалился неоченимым инструктажем, который провел с Джимми Истоном. Заявил, что, по большому счету, преподнес тебе дело на блюдечке с голубой каемочкой. Эмили, наверное, я не должен передавать тебе такую ерунду, но самомнение у этого парня явно зашкаливает.

Эмили уже сидела, спустив ноги с кровати.

— На вечеринке в честь своего дня рождения он нес такую же околесицу. Джейк, не случилось ли ему при тебе что-нибудь подсказывать Истону или, может, ты что-нибудь слышал об этом?

— Когда Истона арестовали, я приехал в полицейский участок всего на несколько минут позже Билли, — вспоминал Джейк. — Он как раз говорил с участковым и, насколько мне известно, Истона еще в глаза не видел. Во время допроса мы постоянно были вместе, и он вел

себя вполне профессионально. Потом, если не ошибаюсь, он ни разу не общался с Истоном наедине.

— Джейк, нам обоим известны случаи, когда в адрес Билли поступали претензии за предоставление сведений подозреваемым. Он годами не гнушался этим для раскрутки дела. Ты стопроцентно уверен, что он не встречался с Истоном в твое отсутствие?

— Думаю, да. К тому же не забывай, что хоть наш Билли и хвастун, каких поискать, но за эти годы раскрыл много убийств. С чутьем у него все в порядке — он знает, где нужно искать.

— Хорошо, Джейк, бог с ним. Наверное, у меня начинается паранойя, или я переборщила с просмотром «Судебных кулуаров».

— Ага, — рассмеялся Джейк. — Лучше переключись на «Разыскивается преступник» — ближайший выпуск сегодня вечером. Очень увлекательно, маньяки там кишмя кишат. Как подумаешь, что все эти мерзавцы гуляют где-то на свободе, прямо не по себе. Ну пока, Эм.

— Пока, Джейк.

Повесив трубку, Эмили немедленно отправилась в душ. За сушкой волос она строила планы на день.

«Сначала выясню, можно ли сегодня записаться к парикмахеру и маникюрше. Я совсем закутилась, а челка уже нависает на глаза. Потом надо наведаться в "Нордстром" и прикупить чулок и косметики. Заодно посмотрю, какие там костюмы. Можно будет взять парочку для обновления гардероба...»

Прежде чем заварить кофе, Эмили прогулялась по аллее за утренней газетой. Заранее понимая, чего следует ожидать, она вернулась с газетой в кухню и только там развернула страницы. Фотография Грега Олдрича, осевшего в кресло после оглашения вердикта, занимала половину первой полосы. Нижний снимок демонстрировал Элис Миллз, исступленно тычущую пальцем в нее, Эмили. От этого зрелища ее передернуло.

Эмили просмотрела передовицу и в сердцах отшвырнула газету. Как она и предполагала, журналисты в погоне за дешевым эффектом обыграли иронию ситуации: мать Натали невзначай высказалась о ее сердце, не ведая об операции.

Вне себя от досады, Эмили поклялась выбросить этот вздор из головы и за кофе с тостом позвонила в салон красоты. К счастью, там имелось свободное «окно», и ее записали на полдень.

— Бесс, хоть что-то сегодня удастся! — воскликнула Эмили. — По крайней мере, подстригусь, а то так обросла, что скоро мы с тобой будем на одно лицо.

Через четыре часа Эмили оставила машину на парковке торгового комплекса «Гарден стейт плаза» и вошла в «Нордстром», а еще через сорок пять минут уже протягивала продавщице кредитную карту с мыслью: «Если везет, то по-крупному!»

— Они как будто созданы специально для нас, — радостно сияя, щебетала продавщица, пока тщательно укладывала в большой пакет три новых костюма.

— Большое спасибо за помощь, — любезно ответила Эмили. — Надеюсь, буду носить их с удовольствием.

Она уже успела приобрести чулки и собиралась напоследок остановиться у косметического прилавка. Пробираясь к нужному отделу, расположенному на первом этаже, Эмили вдруг ощутила легкое прикосновение к плечу. Она обернулась.

— Эмили, какая приятная встреча! Мы с вами познакомились на прошлой неделе у Уэсли. Я Марион Родс.

Это была та самая психолог со званого ужина. Эмили сразу припомнились слова матери, поучавшей ее когда-то, что не стоит самонадеянно думать, будто люди, с которыми довелось свести шапочное знакомство, при случае вспомнят твое имя и где, собственно, вы впервые столкнулись. Очевидно, мама Марион твердила своей дочери то же самое.

На этот раз Марион была в кардигане и слаксах и выглядела не столь парадно, но все же в ее облике присутствовал тот неуловимый оттенок элегантности, который очаровал Эмили еще в прошлый раз. Искренний голос и улыбка психолога свидетельствовали о неподдельном дружелюбии. Эмили и сама ей очень обрадовалась.

— Беспокойная у вас выдалась неделька, Эмили. Я следила за процессом, и Тед говорил мне, как он гордится вашими достижениями. Вердикт в вашу пользу. Поздравляю! Наверное, вы более чем довольны.

Эмили почувствовала, как у нее защипало в глазах.

— Вы видели утреннюю газету с фотографией матери Натали Райнс, где она указывает на меня и намекает, будто на самом деле я всем сердцем за невиновность Олдрича?

Эмили догадывалась, что Марион, близкий друг четы Уэсли, наверняка слышала от них о ее операции.

— Да, я все знаю, я читала эту газету. Человеку, попавшему в подобные обстоятельства, приходится нелегко.

Боясь голосом выдать свое огорчение, Эмили молча кивнула. Марион внимательно посмотрела на нее, затем расстегнула сумочку и вынула визитку.

— Пожалуйста, найдите время и позвоните мне. Думаю, за несколько сеансов я смогу облегчить ваши переживания.

Заставив себя улыбнуться, Эмили взяла карточку и сказала на прощание:

— Я отлично помню слова Теда за ужином, что вы когда-то давно помогли ему с Нэнси преодолеть не лучший период в семейной жизни — так, кажется, он выразился? Не скрою, сейчас я несколько расстроена. Но обязательно свяжусь с вами на следующей неделе.

Годы бегства от преследований научили Зака осторожности. Вернувшись домой с прокуренной кухни Генри Линка, он поужинал пораньше и теперь размышлял, как бы ему вернуться за машиной. Вызывать такси на домашний адрес он не хотел, потому что такие звонки регистрировались.

В итоге Зак прошел мило до Фэйр-Лоуна, автобусом добрался до «Гарден стейт плаза» в

Парамусе и преодолел пешком еще полмили, остававшиеся до дома Линка в Рочелл-Парке. Он надеялся, что хозяин фургона не заметит его и не выйдет, чтобы снова надоедать своей болтовней.

Генри, к счастью, не появился, и Зак беспрепятственно открыл машину и завел мотор. С Семнадцатой магистрали он свернул на юг и устремился в сторону платной автострады, которая вела в Ньюаркский аэропорт. Там Зак рассчитывал поставить фургон на долгосрочную стоянку, затем взять такси до Фэйр-Лоуна, а остаток пути снова проделать пешком.

Без четверти девять он уже шагал по знакомой улочке и по дороге обратил внимание на жилище Мадлен Кирк. Любопытная старушенция занимала точно такой же домик, что и он сам, а значит, свет, пробивавшийся из окна, горел в спальне, смежной с кухней. «Наверное, смотрит телевизор, — подумал Зак, — а может, поджидает девяти часов, когда начнется "Разыскивается преступник". Интересно, покажут ли сегодня что-нибудь новенькое обо мне, как на той неделе? Вдруг уже кто-нибудь звонил им с наводкой и сегодня они объявят об этом?»

Оказавшись на дорожке, ведущей к крыльцу его дома, он остановился.

«Если Кирк смотрела прошлый выпуск, то пока точно никуда не звонила, иначе копы давно бы меня сцапали. Но если она видела сюжет и не поняла, обо мне он или нет, то свежая информация может подтолкнуть ее к мысли тотчас связаться с полицией. Кто ее знает...»

Зак решил проверить свои подозрения, но сначала ему нужно было захватить из дома перчатки, чтобы, в случае чего, не оставить отпечатков. Он поторопился к себе в прихожую, вынул из шкафа плотно облегающие кожаные перчатки и тут же натянул их.

На улице почти стемнело, и Заку не составило труда незаметно прокрасться вдоль переросшего боскета, отделявшего участок Кирк от владений ее соседей. Пригнувшись, он подобрался к боковому окошку спальни, осторожно выпрямился и заглянул в комнату на уровне подоконника.

Сухоньякая Мадлен Кирк, закутанная в банный халат поверх ночнушки, сидела в выдавшем виды кресле, прикрыв ноги шерстяным пледом. Заку сразу бросились в глаза телефон, карандаш и блокнотик на деревянном журнальном столике под рукой у старушки. Ему был хорошо виден телеэкран, а непомерная громкость звука позволяла разбирать большую часть слов. До девяти оставалось всего минуты две; рекламный ролик зазывал зрителей на просмотр передачи «Разыскивается преступник».

Зак убедился в том, что чутье его не подвело. Он не мог выжидать наудачу и следить, запишет ли старуха указанный в передаче номер. Если он останется снаружи, и она вдруг позвонит на телевидение, то можно и не успеть ее остановить...

Рассудив, что где-то в доме должно быть хоть одно незапертое окно или дверь, Зак стал обследовать окна по периметру. Он не обнаружил даже намека на провода, что означало отсутствие сигнализации.

С противоположной стороны он нашел то, что искал: приподнятую раму на нижнем этаже. Заглянув в щель, Зак понял, что это окно ванной. «Вот так свезло! — обрадовался он. — И дверь закрыта, так что я влезу тихой сапой, а она и не услышит. Телик так надрывается, что она, скорее всего, глуха как тетерев».

Карманным ножичком Зак разрезал снизу защитную сетку. Просунув пальцы в дыру, он паялся за край сетки и рванул вверх. С оконной рамы посыпались на землю чешуйки застарелой облупившейся краски. Вскоре образовалось подходящее отверстие; привстав на цыпочки, Зак оперся на подоконник и протиснулся внутрь. В доме он бесшумно двинулся по недлинному коридорчику к спальне.

Мадлен Кирк сидела к нему спиной. Передача давно началась, и ведущий Боб Уорнер делился с телезрителями последними сведениями о Заке.

— С прошлой недели мы получили от вас десятки звонков, но ни один из них, к сожалению, не дал результатов. Мы продолжаем выслеживать преступника.

На экране вновь возникла череда обработанных на компьютере снимков, один из которых прежде напугал Зака своей схожестью с его нынешним обликом.

— Внимательно всмотритесь в эти кадры, — настоятельно советовал аудитории Боб Уорнер. — И имейте в виду, этот человек обожает разводить вокруг дома желтые хризантемы. А вот наш контактный телефон...

Глядя на возникшую на экране заставку с номером, Мадлен Кирк сказала вслух:

— Я была права. Да, права.

Она потянулась к карандашу и блокноту, но Зак перехватил это движение, взяв старушку за предплечье.

— Знаешь что, дорогуша? Ты, конечно, права... Тем хуже для тебя.

Мадлен Кирк едва успела коротко вскрикнуть, как Зак уже сомкнул руки в перчатках на ее горле...

Изначально Майкл Гордон предполагал провести выходные в Вермонте, посвятив себя работе над книгой, но теперь решил остаться на Манхэттене ради Кейти. К тому же он понимал, что совершенно невозможно сосредоточить внимание на важнейших процессах двадцатого века, когда все мысли заняты одним-единственным преступлением — убийством Натали.

Да еще этот звонок к нему в офис... И вопрос о вознаграждении. Не мошенничество ли это? Неужели и вправду существует человек, имеющий доказательства того, что Истон был в квартире Олдрича в силу некой рабочей необходимости? Конечно, обман нельзя полностью исключить, но, с другой стороны, Грег и Муры утверждали, что даже если Истон и посещал квартиру Олдрича, то, вероятно, по сервисному вызову или от службы доставки.

«Как же поступить с вознаграждением? — мучил себя Майкл, переходя от тренажера к тренажеру в зале спортклуба на Сентрал-Парк-Саут^[18]. — Ведь стоит мне только произнести само слово "вознаграждение", как нас атакуют сотни жуликов-информантов. А ведь вся последующая заваруха спровоцирует необоснованные надежды и у Грега, и у Кейти, и у Элис. Вдруг звонил какой-нибудь шутник?..»

Задумавшись, Гордон накручивал километры на беговой дорожке. В утренней газете он прочел о пересадке сердца у Эмили Уоллес и немало удивился этому факту. Его репортеры основательно прощупали биографию обвинительницы на случай, если бы возникла необходимость пригласить ее на передачу, но сведения об операции нигде не всплыли. Тем не менее, о гибели ее мужа, армейского капитана, три года назад подорвавшегося в Ираке на придорожной mine, ему было известно с самого начала.

Гордон знал, что Ричард Мур после оглашения вердикта уехал в Нью-Йорк для дальнейших переговоров с Кейти и Элис, вероятно подготовив для этого какой-нибудь предварительный план. Адвокат дал понять, что осужденный непременно будет апеллировать, и напомнил Майклу, что практически половина респондентов Интернет-опроса в его программе проголосовали за Грега, а не против. Беда заключалась в том, что на текущий момент Мур не имел в своем арсенале никаких веских аргументов для апелляции, поскольку судья не допустил заметных процессуальных ошибок.

Однако если вопрос о вознаграждении не липа, если кто-то докажет визит Исто́на в квартиру Олдрича до гибели Натали, тогда адвокат будет вправе ходатайствовать о пересмотре дела.

«Какую же сумму предложить? Пять тысяч? Десять? Двадцать пять?» — изводил себя Майкл уже по пути в раздевалку.

После спортзала он отправился на ланч в гриль-бар при клубе. Заняв столик у окна, Гордон смотрел на Центральный парк. Золотая осень была в разгаре, радуя пунцовыми, желтыми и рыжими оттенками листвы. Он наблюдал, как разъезжали туда-сюда конные прогулочные коляски. В такой погожий осенний денек, солнечный, хоть и прохладный, люди спешили в парк прогуляться, или пробежаться, или покататься на роликах...

«Если пересмотра дела не будет и апелляция не состоится, то Грег больше никогда не увидит всего этого и не встретится со мной в клубе, — думал Майкл. — К тому же его наверняка лишат членства на ближайшем заседании совета. Впрочем, это он точно переживет...»

Гордон заказал гамбургер и бокал вина. Понемногу непоправимость происшедшего с его другом начала до него доходить.

«Ведь я предполагал, что Грега могут осудить, но, когда на нем защелкнулись наручники, на меня словно обрушили тонну кирпичей». Майкл глядел на этих людей в парке, которым так

славно и весело, и лишь теперь осознавал, что должен чувствовать человек, лишившийся свободы.

«Я сам назначу вознаграждение, лично от себя, — неожиданно понял Майкл. — И сообщу об этом на сайте. Сумма будет очень значительной, ее размер поможет звонившему побороть все сомнения, если он боялся подвести кого-то, кто нанимал Истона в обход бухгалтерии. Двадцать пять тысяч долларов! Такой куш никого не оставит равнодушным».

Чувствуя внутреннее удовлетворение от правильного решения, Гордон принялся за гамбургер, принесенный официантом.

В субботу вечером, перед ужином с приятелями, Майкл позвонил на квартиру Олдрича. Трубку сняла Элис Миллз.

— Как только мы вчера вернулись домой, Кейти так распереживалась, что Ричард Мур вынужден был позвонить знакомому врачу из соседнего дома. Тот предписал ей успокоительное. Сегодня она проспала до полудня и не успела проснуться, как снова заплакала. А потом к ней заглянули подружки, и все наладилось. Сейчас они вместе в кино.

— Завтра я приглашаю вас обеих на обед, — сообщил Майкл. — Кто-нибудь выяснил, когда в тюрьме часы свиданий?

— Ричард известит нас, когда можно будет повидаться с Грегом. Кейти непременно хочет навестить отца, ведь ей уже через два дня уезжать обратно на учебу. Она вернется к привычному распорядку, и ей сразу станет легче.

— А как вы себя чувствуете, Элис?

— Физически довольно сносно, учитывая, что мне за семьдесят. А морально — сами понимаете... Вы, наверное, прочли утренние газеты?

— Да...

Гордон уже догадывался, к чему клонит Элис.

— Майк, мне совестно за ту сцену, которую я устроила в суде. Но это получилось помимо моей воли... И я совершенно ничего не имела в виду, когда говорила о сердце Эмили Уоллес.

— Я тоже не знал о пересадке, — ответил Гордон. — Сейчас ясно, что таких непосвященных было большинство. Ей сначала заменили клапан аорты, а сама пересадка последовала так скоро, что даже друзья Уоллес не подозревали об этой второй операции. Да и она предпочитала об этом не распространяться.

— И угораздило же меня вообще вспомнить про сердце, когда я отчитывала ее! Но, Майк, как бы там ни было, я все равно верю, что в душе Эмили не считает Грегa виновным.

— Судя по тому, как она вцепилась в него мертвой хваткой на допросе...

— Майк, она пыталась убедить не присяжных, а саму себя.

— Эмили, извините, но все это слегка притянута за уши.

— Я не могу этого объяснить... Майк, Ричард беседовал с нами о необходимости подачи апелляции. Кейти такой план, конечно, воодушевил, но ведь это, скорее всего, только слова?

Гордон решил до завтрашней встречи за обедом молчать о звонке неожиданно возникшего потенциального свидетеля.

— Элис, при создавшемся положении лично я не вижу оснований для подачи апелляции. Но мы назначим вознаграждение за любую информацию, которая может повлечь за собой пересмотр дела. Отложим эту тему до завтра, и тогда все подробно обсудим.

— Хорошо. До свидания, Майк.

Гордон захлопнул мобильник. Он не сразу понял, что за нотка в голосе пожилой женщины задела его за живое, и лишь теперь распознал, какая именно: непоколебимая уверенность матери Натали в том, что Эмили Уоллес совершенно точно считает Грегa невиновным. Покачав головой, он сунул телефон в карман и направился к выходу.

В то же самое время мать Натали Райнс, одна в пустой квартире на Парк-авеню, побрела в гостевую комнату, которую теперь занимала. И ней Элис приходилось ночевать и раньше, когда Грег и Натали еще жили вместе. Она открыла ящик стола и вынула вырезку из утренней газеты со снимком Эмили Уоллес.

Не смахивая ставшие привычными слезы, Элис дрожащим пальцем вывела на фотографии сердце, уберегшее обвинительницу от смерти.

Случайная субботняя встреча с Марион Родс чрезвычайно подбодрила Эмили. Она привыкла считать себя достаточно закрытым человеком, не склонным делиться своими проблемами с посторонними, но Марион моментально расположила ее к себе, и в первое знакомство, и сегодня, и Эмили с удовольствием предвкушала их грядущий разговор по душам.

Такое приподнятое настроение помогло ей по приходе домой, где всюду заливался телефон, весьма оптимистично ответить собеседнику.

Это звонил отец, теперь живущий во Флориде. Накануне он прислал дочери электронное письмо с поздравлением по поводу исхода процесса и с просьбой позвонить ему как можно скорее. Эмили хотела связаться с отцом тем же вечером, но не решилась его тревожить, поскольку не смогла бы скрыть от него огорчение и усталость. А сегодня утром, увидев газеты, она снова отложила их беседу.

— Эм, я так рад за тебя! Еще один удачный трофей! Как же ты не удосужилась позвонить старику-отцу вчера вечером? Я подумал, что ты где-нибудь отмечаешь с коллегами...

— Папа, не сердись, я хотела вчера тебе позвонить, но, когда добралась до дома, у меня не было сил даже взять трубку, и я сразу легла спать. А сегодня я совсем замоталась и забыла дома мобильник — вот только порог переступила. Как там Джоан?

— Отлично, но нам с ней очень не понравились все эти публикации. Мы читали статьи в Интернете. Помнится, напоминания об операции тебе всегда были в тягость. Да и мать той убитой актрисы так несправедливо обошлась с тобой...

— Ты прав, папа, — как можно беспечней отозвалась Эмили, — сначала я немножко разнервничалась, но теперь уже все забыто, а ту бедную женщину мне от души жаль.

— Теперь, когда процесс позади, тебе не грех немного расслабиться, а то и развлечься. К тому же не забывай, что можно в любой момент взять и прилететь к нам в гости. Джоан угостит тебя чем-нибудь вкусненьким — не сравнивай с той готовой бурдой, которой ты пичкаешь себя изо дня в день.

— Папа, я обязательно навещу вас на День благодарения. Но жаль, что ты не видел мой рабочий стол! Это катастрофа! Мне предстоит столько навестать...

— Ладно. Эм...

Эмили уже догадывалась, что собирается сказать отец.

— Эм, мне каждый раз как-то неловко об этом спрашивать, потому что я знаю, как тебе недостает Марка. Но уже три года, как его нет. Ты пока никого не встретила?

— Папа, ничего странного в этом вопросе нет. Отвечу тебе: нет, не встретила, но это не значит, что такое не может со мной случиться. С тех пор как мне поручили этот процесс, я уже семь месяцев еле успеваю выгуливать Бесс.

Эмили сама удивилась своей словоохотливости, но потом с облегчением осознала, что ничуть не кривит душой.

— Да, папа, я помню, что уже прошло три года, и жизнь, конечно, все-таки продолжается и я понемногу начинаю чувствовать, что мне не просто недостает Марка — мне недостает рядом мужчины. Мне кажется, пора уже этим озаботиться.

— Рад слышать такие слова, Эмили. Уж я-то тебя понимаю, как никто. Когда умерла твоя мама, я думал, что больше не взгляну ни на одну женщину. Но со временем наваливается такое одиночество... Так что, когда в моей жизни появилась Джоан, я уже ни в чем не сомневался.

— Ты молодец, папа. Джоан — просто прелесть, она так мило тебя балует. А значит, и у меня душа спокойна.

— Да, радость моя, она меня балует. Ну пока. Созвонимся через пару деньков.

Повесив трубку, Эмили прослушала семь оставленных на автоответчике сообщений.

С утра ей звонил брат Джек, а также несколько приятелей поздравили с успешным завершением процесса. Кое-кто из них не удержался и деликатно выразил свое удивление по поводу операции по замене клапана, приведшей к полной пересадке сердца. Поступили и приглашения на ужин, а одно просто безотлагательное — на сегодняшней вечер.

Эмили решила позвонить только брату и приятельнице, позвавшей ее сегодня к себе, — остальные могли подождать и до завтра. Вместо Джека она услышала автоответчик и сама надиктовала ему сообщение, а затем связалась с Карен Логан, замужней сокурсницей по юридической школе, которая уже обзавелась двумя детьми.

— Карен, у меня сегодня одно желание: полежать и поплевать в потолок, — взмолилась Эмили. — Если ты не против, давай перенесем встречу на следующую субботу.

— Эмили, сегодня у нас намечается очень незатейливый стол — итальянская паста. Но я и сама собиралась поинтересоваться, какие у тебя планы на следующую субботу.. — Голос Карен вздрагивал от волнения. — Мы собирались вытащить тебя в какой-нибудь приличный ресторанчик и заодно пригласить одного человека, который мечтает с тобой познакомиться. Он хирург-ортопед, ему тридцать семь лет, и он — можешь себе представить? — пи разу не был женат! Он такой умница, но совершенно простой и к тому же писанный красавец.

Предвкушая, что приятно поразит подругу, Эмили решила согласиться.

— Звучит заманчиво! Я, пожалуй, приду. До следующей субботы!

Стрелки часов приближались к шести вечера. Она вывела Бесс на десять минут погулять, покормила ее, а потом решила сбежать до ближайшего видеопроката и взять там пару фильмов.

«Сегодня мне меньше всего хочется смотреть "Разыскивается преступник", — подумала Эмили. — Как будто днем и ночью торчишь на работе. Куплю-ка я какой-нибудь готовой бурды, которой я пичкаю себя день-деньской, если верить папе».

Ей так и не суждено было оценить второй фильм: к десяти часам глаза стали слипаться, так что ей поневоле пришлось лечь спать. Первый фильм был ничего, но не супер; она потихоньку клевала носом, пока смотрела его.

В воскресенье утром Эмили проснулась в полдевятого без помощи Бесс или будильника. Удивительно, что Бесс дала хозяйке выспаться тюлю, и Эмили была очень за это благодарна.

На календаре значилось двенадцатое октября — памятная дата. В этот день семь лет назад она познакомилась с Марком на стадионе «Джайентс». Они устроили перед матчем пикничок на капоте автомобиля, и тогдашний парень Эмили пригласил в компанию нескольких своих бывших сокурсников по Джордж-Таунскому университету. Среди них был и Марк.

Эмили вспоминала об этом, выбираясь из теплой постели и снимая с крючка махровый халат. В тот день погода стояла не по-октябрьски промозглая, а она не догадалась одеться потеплее. Ее приятель был так поглощен игрой, что не замечал, как посинели у нее губы. Тогда Марк снял с себя пиджак и велел Эмили надеть его. Она пыталась отнекиваться, но он настоял: «Поймите же, я из Северной Дакоты, для меня такая погода — теплынь!» Гораздо позже она узнала, что большую часть сознательной жизни он провел в Калифорнии. Его отец, кадровый военный, когда-то закончил Вест-Пойнт^[19]. По его примеру Марк получил инженерную специальность, а когда переехал на Манхэттен после окончания университета, был зачислен в резерв.

Теперь родители Марка жили в Аризоне и постоянно поддерживали с ней связь.

«Мы были женаты три года, и его нет со мной уже три года, — думала Эмили, неторопливо спускаясь вниз и совершая привычные действия: выпустить Бесс, включить кофеварку. — Не в этом ли отчасти моя проблема — в потребности с радостным трепетом предвкушать окончание

рабочего дня и спешить к тому, кто любит меня, и кого люблю я?» И она ответила себе: «Да, в этом».

«Еще одно воскресное утро... Я не слишком часто хожу в церковь», — призналась себе Эмили.

После свадьбы они подыскивали квартиру в Форт-Ли. Марк солировал в местном церковном хоре. Он обладал чудесным голосом. Вот почему, наверное, она так редко бывала на мессах. Если они шли туда вместе, то Марк всегда стоял отдельно, у алтаря...

«Я взойду на алтарь Господа моего, даровавшего мне веселие во младости...»

Эмили опять едва не всплакнула, но решительно сказала себе: «Нет-нет, никаких слез!..»

Ей потребовалось чуть больше часа, но она успела на мессу в церкви Святой Катарины, начинавшуюся в пол-одиннадцатого. К счастью, главой певчих была молодая женщина. Эмили без труда припоминала и повторяла знакомые с самого детства молитвы и респонсории.

«По праву воздаем Ему хвалу и славу...»

«Ибо Твоя есть сила и слава...»

Она возносила молитвы не только за Марка, но и к нему самому: «Благодарю тебя за отпущенное нам время, благословенное время...»

По пути домой Эмили заехала в супермаркет, чтобы пополнить истощившиеся хозяйственные запасы. Ее уборщица Глэдис, приходившая каждую неделю, оставила Эмили длинный список покупок с умоляющей припиской: «Эмили, у меня кончается буквально все!»

«Есть еще одно дело, которое я долго откладывала, но сегодня, наконец, я им займусь, — решила Эмили, расплачиваясь в кассе и попутно попросив у продавца несколько пустых коробок. — Я упакую одежду Марка и отдам нуждающимся. Не годится ей лежать просто так, когда для кого-то она станет настоящим подарком».

Переселившись из Форта-Ли в Глен-Рок, Эмили была не в состоянии расстаться с имуществом Марка; она поставила комод с его вещами в небольшую гостевую комнатку, а его костюмы и пальто развесила в платяном шкафу. В первый год вдовства она часто зарывалась лицом в один из пиджаков мужа и принималась к ткани в надежде обнаружить сохранившийся аромат его лосьона после бритья.

Дома она переделалась в джинсы и свитер и отнесла коробки в гостевую комнату. Складывая в них куртки и брюки, Эмили старалась не заикливаться на мысли, что когда-то их носил Марк.

Опустошив шкаф и комод, она рассудила, что есть еще кое-что, не заслуживающее дальнейшего хранения. В своей спальне она открыла нижний ящик комода, выгребла оттуда нарядные ночные сорочки и пеньюары, которые когда-то дарил ей муж, и засунула их в последнюю из коробок. Затем, стремясь как можно меньше смотреть на упакованные воспоминания, она закрыла в комнату дверь и спустилась на первый этаж.

Бесс, всегда расположенная к прогулке, стала подпрыгивать от радости, увидев, что на веранде хозяйка снимает с крючка поводок. Прежде чем выйти, Эмили удостоверилась, что Зак не копается, как обычно, у себя на заднем дворике; к счастью, его нигде не было. Так или иначе, она не стала медлить и поспешила через улицу.

Первым по пути был дом Мадлен Кирк, необщительной пожилой женщины, которую Эмили каждый раз видела лишь мельком: соседка или проверяла почтовый ящик, или подметала тропинку к крыльцу. «Она так одинока, — подумала Эмили. — Я ни разу не замечала машин на аллее возле ее дома. Судя по всему, гостей у нее не бывает... И за те два года, что я сама живу здесь, я недалеко от нее ушла», — тут же упрекнула она себя.

— Пора что-то менять! — заявила Эмили болонке, шагая дальше вдоль квартала. — Я вовсе не хочу превратиться в такую же несчастную отшельницу.

Они бродили почти час, и Эмили почувствовала, что в голове у нее прояснилось.

«И что с того, что все узнали о моей операции? — спросила она себя. — В любом случае, не стыдиться же мне теперь! Кроме того, ее делали целых два с половиной года назад, вряд ли сейчас кто-нибудь станет коситься на меня и опасаться, как бы я не умерла!.. Пусть даже Элис Миллз и считает, что в душе я за невиновность Олдрича, но мне просто очень мешает расположение к нему как к симпатичному человеку и сочувствие к его дочери. Надо еще раз заглянуть в его досье, а потом выкинуть этот процесс из головы. У Олдрича нет абсолютно никаких оснований для апелляции».

Вечером Эмили смотрела в гостиной второй из взятых в прокате фильмов и угощалась сервированными на подносе бараньими отбивными и салатом. Она все пыталась понять, что не дает ей покоя с тех пор, как она уложила в коробки ненужные ей теперь ночные сорочки.

В воскресенье Зак выглянул в окно на фасаде и увидел, как Эмили переходит улицу. Он без труда догадался, что соседка не желала пройти мимо его дома, поскольку избегала встреч с ним. «Ничего, — молчаливо предостерег ее Зак, — еще дождешься...»

Удовольствие, с которым он выдавил остатки жизни из тщедушного старухино тела, вскоре сменилось выводом, что его время закончилось. Мадлен Кирк узнала его — возможно, потому, что придала значение хризантемам, которые он любил сажать. Но даже если оставить в стороне цветы, кто-нибудь на работе или по соседству мог выделить среди компьютерных снимков на телеэкране тот, что в точности соответствовал его нынешнему облику.

Плюс к этому через денек-другой кто-нибудь обязательно заметит, что Кирк не забирает с крыльца утреннюю газету или почту из ящика. Сначала Зак хотел лично выйти ночью и взять газету и почту, тем самым выкраивая еще немного времени, но потом рассудил, что риск слишком велик: его могли засечь за этим занятием.

К тому же родню старухи, только и ждущую, когда она умрет и можно будет завладеть домом, наверняка насторожит, что Кирк не отвечает на телефонные звонки. Даже если они живут на другом конце страны, то всегда могут попросить полицейских наведаться к ней и проверить, все ли в порядке. А как только копы начнут шастать вокруг ее дома, они сразу наткнутся на срезанную оконную сетку и увидят рассеянные по траве чешуйки краски. Зак при всем желании не смог бы обставить дело так, будто сетка сама отошла от рамы.

Убив Мадлен Кирк, он упаковал ее в мешки для садового мусора и обвязал сверху бечевкой, а затем оттащил сверток в кухню, где взял с блюда на стойке ключи от машины. В примыкавшем к дому гараже Зак погрузил тело в багажник автомобиля и тогда, наконец, принялся шарить в доме, обнаружив там, к своему удивлению, ценные ювелирные украшения и спрятанные в холодильнике восемьсот долларов наличными. Мысль о том, что старушка хранила денежки и бриллианты в алюминиевой фольге, вызвала у Зака глумливую усмешку.

Проследив, чтобы никто не проходил и не проезжал мимо дома Кирк, Зак рысцой перебежал улицу и скрылся за своей дверью.

Перед тем как лечь спать, он собрал вещи — одежду, радио и телевизор — и отнес их в свою машину. Недремлющее чутье подсказывало ему, что времени остается в обрез. Через пару дней кто-нибудь непременно хватится его соседки и, проверив гараж, найдет ее труп.

Куда бы ни заносила Зака судьба, он нигде не оставался без работы и всегда берет про запас достаточную сумму. Несмотря на недавнюю покупку фургона, его сбережения равнялись без малого восемнадцати тысячам долларов — вполне хватит перекантоваться, пока он будет обустриваться на новом месте.

Выдумав себе очередное поддельное имя, Зак зарезервировал по Интернету домик в мотеле недалеко от горы Кеймелбек в Пенсильвании, всего в нескольких часах езды. Там можно переждать недельки две, а потом, когда полицейский кипеш в округе поутихнет, он вернется к Эмили.

Понастроив таких оптимистичных планов, Зак уснул сном праведника. Утром он, как всегда, подглядывал за кофейным ритуалом Эмили и получал животное наслаждение от ее неведения — ведь она не знала, что он собирается с ней сделать! Около четверти одиннадцатого она куда-то отправилась; Зак сначала решил, что снова на работу, но потом понял: для прокуратуры она слишком нарядилась.

«Может, в церковь? — гадал он. — Что ж, это и к лучшему. Она даже не представляет, как усердно ей надо сейчас молиться! Вот и Мадлен Кирк перед самым концом вдруг вспомнила о

Боге: "Боже... спаси... меня...".».

Зак хотел ехать незамедлительно. Утром он собирался позвонить своему боссу и соврать, что его матери резко стало хуже, поэтому он вынужден немедленно отбыть во Флориду. Заодно Зак решил польстить шефу признанием, что они прекрасно сработались и что ему будет всех их очень не хватать. Агенту по найму жилья можно будет сообщить то же самое и сказать, что ключ от дома лежит под ковриком. «Какая им разница? Все равно я внес плату до конца месяца, и они будут рады-радешеньки, что я убрался раньше срока: у них останется время подготовить дом для нового жильца».

Однако, несмотря на то, что в этом доме не останется от него даже следа, ему придется в скором времени еще раз навеститься на прежнее место — ради Эмили. «Теперь уже неважно, узнал ли меня кто-нибудь в той передаче: как только обнаружат старухин труп и выяснят, что уехал, ниточки свяжутся очень быстро — Шарлотта с семьей, Вилма, Лу.. Снимки Эмили сегодня заполнили все газеты. А я и не представлял, что у нее пересажено сердце. Если бы она мне шепнула об этом, я бы искренне ей посочувствовал. Но она не захотела... До ужаса жаль, что ее новое сердечко скоро перестанет биться».

Тщательно осмотрев каждый уголок в доме, чтобы среди ненужного хлама случайно не забыть что-нибудь действительно важное, Зак вышел на крыльцо и запер входную дверь.

По пути к машине он еще раз полюбовался цветами, высаженными им вдоль аллейки. Уже через неделю они наберут силу и раскроются. Неожиданно Зак расхохотался. «Было бы у меня лишнее время, выкопал бы их и снова посадил бы хризантемы. Поиздевался бы напоследок над местными доморощенными шпиками».

Люк Бирн, общественный защитник Джимми Истона, явился утром в понедельник в тюрьму округа Берген для свидания со своим клиентом. В предыдущую пятницу, после вынесения вердикта Олдричу, судья назначил оглашение приговора Истону на час тридцать пополудни.

— Джимми, давайте еще раз повторим, что мы скажем сегодня в суде, — начал Бирн.

Истон посмотрел на него с кислой миной.

— Ты поступил со мной паршиво! И я буду жаловаться!

Бирн с изумлением уставился на клиента.

— Поступил паршиво? Должно быть, ты шутишь? Тебя взяли в ограбленном тобой же доме с полными карманами камешков. Какой еще защиты ты ждал от меня?

— Я и не прошу полностью снять с меня обвинение! Я о паршивом приговоре, который мне хотят вынести. Четыре года — это многовато. Давай-ка обсуди это с прокуроршей, передай ей, что я согласен на пять лет условно.

— О! Уверен, что Уоллес запрыгает от радости, — хмыкнул Бирн. — Джимми, твоя сделка и выиграла тебе четыре года, иначе ты бы тянул все десять, как положено. Торговаться дальше бесполезно. Они сразу предупредили: четыре года — и точка.

— Только не уверяй меня, что ты, как ни бился, не смог понизить планку. Я был нужен им из-за Олдрича. Если бы ты был понастойчивей, мне бы дали испытательный срок и сегодня я был бы уже на воле!

— Если хочешь, я могу ходатайствовать об условном сроке, но ручаюсь, что судья никогда не назначит его без согласия прокурора. А прокурор — в этом я тоже ручаюсь — не даст своего согласия. Так что, как ни крути, сидеть тебе четыре года.

— А мне плевать, за что ты там ручаешься! — закричал Истон. — Твое дело — сообщить Эмили Уоллес следующее: если не даст мне желаемое, то пусть не рассчитывает, что все и дальше будут перед ней расшаркиваться. Все узнают, какой она специалист! Всем растрезвоню о том, что приберег про запас!

Пресекая дальнейшие препирательства с подзащитным, Люк Бирн жестом дал понять охраннику, что свидание окончено.

Затем он прошел два квартала до здания суда и направился напрямиком в кабинет Эмили Уоллес.

— Есть минутка? — спросил он, заглянув в дверь.

Эмили оторвала глаза от бумаг и улыбнулась: Люк был одним из лучших общественных адвокатов в их учреждении. Этот рослый огненно-рыжий весельчак всегда болел душой за клиентов, не теряя сердечности и в деловом общении с их обвинителями.

— Рада тебя видеть, Люк. Ну, как дела?

При появлении Бирна Эмили как бы случайно прикрыла ладонью название папки, содержимое которой только что изучала.

— Знаешь, Эмили, бывает гораздо лучше! Только что я навел в тюрьме твоего основного свидетеля. Оказалось, настроение у него довольно скверное. Он считает, что ради четырех лет срока я продал его с потрохами. Вот он и поручил мне довести до твоего сведения, что его больше устроит условное наказание с выходом на свободу сегодня же.

— Ты шутишь? — воскликнула Эмили; ее голос зазвенел от возмущения.

— Увы, нет. И это еще не все. Истон угрожает, что если не получит требуемое, то скажет что-то, что может тебе навредить. Подробности он не раскрыл.

По лицу Эмили адвокат понял, как сильно она оскорблена и огорчена.

— Спасибо, Люк. Предупрежден — значит вооружен. Пусть болтает, что ему заблагорассудится, но четыре года срока он огребет как миленький. И чтоб с глаз моих долой...

— И с моих, — улыбнулся Люк. — До скорого.

В полвторого Джимми Истона, одетого в предписанный тюремным распорядком оранжевый спортивный костюм, препроводили в наручниках из камеры в зал суда. Когда появились представители обеих сторон, судья дал слово защитнику.

— Ваша честь, показания Джимми Истона сыграли решающую роль в обеспечении обвинительного вердикта для Грега Олдрича, подозревавшегося в зверском убийстве своей жены. Очевидно, что присяжные сочли показания моего подзащитного вполне убедительными. Обвинение дало согласие ограничить срок его заключения четырьмя годами. Ваша честь, Джимми Истон уже восемь месяцев провел в камере предварительного заключения, испытывая при этом значительные неудобства. Многие из заключенных издевались над ним из-за сотрудничества со следствием, и сейчас мой подзащитный находится в постоянном страхе мщения с их стороны. — Бирн помолчал и продолжил: — Ваша честь, я прошу для мистера Истона условного срока. Он готов находиться под самым пристальным надзором и согласен выполнять общественные работы. Спасибо.

— Мистер Истон, вам предоставляется право выступить от собственного лица, — обратился к Джимми судья Стивенс. — Хотите что-нибудь добавить?

Тот багрово покраснел, шмыгнул носом и заявил:

— Ваша честь, меня тут водят за нос! Мой адвокат палец о палец не ударил для меня. Если бы он вывел их на чистую воду и не сидел, сложа руки, мне назначили бы условный срок! Я был нужен им для процесса! Я выполнил то, что от меня требовалось, и теперь они хотят просто выбросить меня в отходы!

Судья Стивенс кивнул Эмили:

— Обвинитель, вам слово.

— Ваша честь, слова мистера Истона о том, что его водят за нос, абсурдны. В нашем первом прошении мы предлагали сократить срок до шести лет и после долгих переговоров урезали его еще на два года. Мы считаем, что мистер Истон, как человек с богатым уголовным прошлым, непременно должен понести наказание, и его адвокат, несмотря на любые старания, никоим образом не смог бы убедить нас заменить пребывание в тюрьме условным сроком. Мы никогда не дали бы на это свое согласие.

Судья Стивенс повернулся к обвиняемому.

— Мистер Истон, я веду ваше дело о краже со взломом с самого начала. Против вас имеются неопровержимые улики. Ваш представитель весьма энергично защищал вас перед прокурором. Благодаря ему вы получили и сами одобрили предложение о значительном сокращении того срока, который вы получили бы, учитывая обстоятельства. Ваши показания, бесспорно, очень помогли следствию, в результате чего вам назначено существенное послабление. Однако суд ни под каким предлогом не может расценивать вас как кандидата на условный срок. Вы поступаете в ведение Управления исправительных учреждений на четырехлетний срок. Если вы не удовлетворены, вы вправе обжаловать приговор в установленном законом порядке.

Джимми, которого судебный пристав уже взял под руку, побуждая следовать за ним, выкрикнул напоследок:

— Не удовлетворен? Конечно, не удовлетворен! Скоро узнаете, что значит «не удовлетворен»! Подождите! Вы еще обо мне услышите! Мне есть о чем порассказать!

В понедельник утром Фил Брэкен, управляющий на товарном складе «Пайн электронике», расположенном на Сорок шестой магистрали, пообщался по телефону с Заком Лэннингом и расстроился: тот не мог доработать условленный срок, потому что его мать была при смерти.

— Зак, мне ужасно жаль — и из-за того, что мать у тебя болеет, и из-за того, что теряю такого хорошего сотрудника. Если только захочешь вернуться, место для тебя всегда найдется.

«И это правда, — подумал Фил, положив трубку в своем рабочем кабинете. — Лэннинг никогда не сачковал, не бегал на перекуры, всегда складывал товар в строго отведенное место, а не куда попало, — не то, что эти тупицы, которые перебиваются на складе, пока не найдется более сносная работенка».

«С другой стороны, мне всегда казалось, будто в нем что-то не так, — между тем признался себе Фил. — Может, он слишком хорош для таких простых обязанностей? Да, это чувствовалось... Он никогда не трепался с бригадой в конце смены и не ходил с остальными пропустить по кружечке пива». Поступая на склад, Зак поведал Брэкену, что находится в разводе, и детей у него нет, стало быть, домой ему спешить не к кому..

Бетти Теппер, разведенка за сорок, трудившаяся в бухгалтерии склада, выяснила, что Зак холост, и пару раз пыталась пригласить его в гости, но тот сослался на дела и отказался. Видимо, не так уж стремился обзавестись друзьями...

«Что же делать? — задал себе вопрос Фил. — Да с нашей экономикой найдется целая дюжина парней, которые запляшут от радости, если им пообещать стабильную работу и нормальный заработок. А Зак Лэннинг все-таки чудной малый. Когда разговаривал, все время прятал глаза. Казалось, что человек опасается, как бы с ним кто ненароком не сблизился».

В четыре часа пополудни Ральф Казинс, один из новеньких, отметившись в журнале по окончании смены, заглянул в кабинет к Филу Брэкену.

— Фил, можно вас на минутку?

— Конечно. Что случилось?

«Надеюсь, этот не увольняется», — пронеслось в голове у Брэкена.

Чернокожий двадцатитрехлетний Ральф днем вкалывал у них на складе, а вечером учился в колледже. Парень он был толковый и надежный.

— Фил, тут такое дело... У нас работает некий Лэннинг..

— А, проехали — он сегодня утром уволился.

— Уволился! — пораженно воскликнул Казинс.

Удивившись такой реакции, Брэкен пояснил:

— Он и собирался уехать в конце месяца. Ты что, не в курсе? Он должен был ухаживать за больной матерью во Флориде. Но теперь выяснилось, что она умирает, и он отбыл сегодня утром.

— Прямо как чувствовал! Интуиция меня не подвела! Надеюсь, я не слишком опоздал!

— При чем тут твоя интуиция?

— На днях я смотрел «Разыскивается преступник». Так вот, фоторобот одного серийного убийцы — просто копия нашего Лэннинга.

— Да ну тебя, Ральф! Мы с тобой не большие убийцы, чем он.

— Фил, в прошлом мае, накануне праздника, я задал ему вопрос о матери. Он ответил, что никогда не был с ней знаком и сменил несколько приемных семей. Он вас обманул! А отсюда он наверняка смылся потому, что побоялся, как бы кто-нибудь не узнал его в той передаче.

— Я и сам ее видел пару раз. Ты наверняка пореешь чушь, но если все это правда, то почему

бы тебе не позвонить им прямо сейчас? За наводку тебя премируют.

— А не звонил я потому, что не был до конца уверен и не хотел выставить себя дураком. К тому же я решил сначала поговорить с вами. Ведь если я дам им информацию, то сюда нагрянет полиция. Допустим, они допросили бы его, и выяснилось бы, что это он, — тогда вас, скорее всего, привлекли бы как свидетеля. Но сейчас я все-таки позвоню! В субботу вечером я специально записал номер.

Пока Ральф Казинс тыкал в кнопки телефона, в кабинет Брэкена заскочила Бетти Теппер.

— Что я слышала? — с порога начала она. — Это правда, что Зак Лэннинг уволился?

— Еще утром, — пробурчал Брэкен.

Ошеломляющее известие о том, что он, сам того не ведая, два года подряд работал бок о бок с серийным убийцей, не могло заслонить раздражения из-за Бетти, которая не желала стучаться, прежде чем врываться к нему без приглашения.

Бетти между тем заявила с нескрываемым разочарованием:

— А я-то надеялась, что почти обработала его и что скоро он назначит мне свидание... С виду он был такой невзрачный, но мне всегда казалось, что в душе он очень загадочный и необыкновенный.

— Эх, Бетти, может, ты и права, — заметил

Фил, ожидая, пока Ральф Казинс дозвонится по указанному номеру.

А тот уже обращался к кому-то на другом конце линии:

— Конечно, вас просто засыпали звонками, но я практически не сомневаюсь, что мой бывший коллега и есть тот самый Чарли Муир, серийный убийца.

Тем же утром в Йонкерсе Рини Слинг препиралась со своим мужем Руди по вполне обычному поводу. Это она в пятницу вечером позвонила в рабочий кабинет Майкла Гордона, осведомляясь о вознаграждении. Руди, которому она потом рассказала о своем поступке, рвал и метал.

— Сэл мне друг! — негодовал он. — Ты же помнишь, как он нас выручил! Сделал нам хорошую скидку при переезде и потом еще два месяца ждал денег! Ты думаешь, кто-нибудь еще поступил бы так? И вот как ты отблагодарила!

Рини на повышенных тонах возразила, что Сэл нанимал уйму людей в обход бухгалтерии и есть вероятность, что они тоже запомнили пресловутого Джимми.

— Любой из них может сообщить на телевидение ту же информацию, и если за нее положено вознаграждение, то оно достанется кому-то другому. Почему бы нам самим не получить эти деньги, раз уж так вышло?

Руди в сердцах отхлебнул пива.

— Я отвечу тебе почему. Повторяю снова: Сэл — мой друг! И я не хочу своими руками сдать его налоговой. И тебе не позволю.

Они дулись друг на друга все выходные. В воскресенье вечером Рини открыла сайт шоу «В судебных кулуарах» и обнаружила, что Майкл Гордон намерен в следующей передаче оповестить зрителей о вознаграждении в двадцать пять тысяч долларов за любые сведения, подтверждающие визит Истона в квартиру Олдрича в отсутствие хозяина и до убийства Натали Райнс.

— Двадцать пять тысяч долларов! — завопила Рини. — Раскрой глаза и оглянись вокруг! Наша квартира уже непригодна для жилья. Сколько еще мне терпеть все это? Мне даже друзей неудобно приглашать. А с такими деньжищами мы могли бы все обустроить в лучшем виде. Может, осталось бы и на путешествие куда-нибудь — ты мне уже сто лет обещаешь.

— Рини, если мы скажем им, что Джимми Истон работал у Сэла, они наверняка захотят проверить его отчетность. Я очень сомневаюсь, что Сэл помнит, сколько раз нанимал Истона и надолго ли. У него всего один постоянный грузчик, остальным он платит наличкой за разовые услуги. И на квартиру Олдрича Сэл никогда ничего не доставлял — он сам говорил мне об этом на прошлой неделе.

— А ты ждал, что он сразу тебе сознается? Очень ему надо, чтобы налоговое управление совало нос в его бумаги!

В воскресенье оба легли спать, донельзя обиженные друг на друга, а в понедельник утром решимость Руди слегка поколебалась.

— Я плохо спал этой ночью, Рини, — пожаловался он жене.

— Ничего подобного, — отрезала она. — Ты всю ночь храпел. Напьешься вечно пива, а потом тебя из пушки не разбудишь.

Они сели завтракать в своей кухоньке. Руди кусочком тоста подчищал на тарелке остатки яичницы.

— Знаешь, Рини, я пришел к выводу, что в твоих словах есть смысл. Если те, кто работал у Сэла и пересекался там с Истоном, услышат про вознаграждение, они тотчас позвонят на передачу. С одной стороны, если Сэлу все равно несдобровать, то зачем нам терять такой шанс и деньги? С другой, если окажется, что Истон ничего туда не возил, то вознаграждение не выплатят, и никакой новой мебели нам с тобой не видать...

— У меня и номер уже записан! — перебила Рини.

Она вскочила, кинулась к телефону, схватила клочок бумаги и поспешно стала набирать заветную последовательность цифр.

Осужденный за убийство Грег Олдрич был признан особо опасным для содержания и помещен в отдельную камеру, где мог сколько угодно осмысливать весь ужас постигшего его несчастья.

Когда после оглашения вердикта его привели в тюрьму, то сразу сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. Свой пиджак от Пола Стюарта и дорогие слаксы Грег вынужден был сменить на светло-зеленый тренировочный арестантский костюм. Часы и бумажник у него забрали и внесли в специально заведенную опись, оставив Грегу лишь очки для чтения.

Тюремный фельдшер расспросила его о возможных психических и физических заболеваниях и о курсах лечения, которые ему в этом случае назначались.

В два часа дня Олдрича привели в тесную камеру. Он был все еще оглушен шоком от недавно услышанного вердикта, его сознание отказывалось принимать реальность. Охранник, зная, что заключенный пропустил обед, принес ему сэндвич с копченой колбасой и бутылку содовой.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил офицера Олдрич. — Вы очень любезны.

В понедельник утром Грег очнулся на рассвете и понял, что не помнит ровным счетом ничего с тех пор, как начал два дня назад жевать сэндвич. Его память словно заволокло туманом. Он огляделся и увидел все ту же безрадостную обстановку.

«Почему это случилось? Зачем я здесь?»

Натали, Натали, как же ты допустила такое? Тебе ведь известно, что я тебя не убивал. Только ты можешь подтвердить, что я был тебе лучшим другом, что желал тебе только счастья... Надеюсь, ты желала мне того же...»

Он встал, потянулся и, остро осознав, что пробежка по Центральному парку ему не светит, как и пробежка вообще, снова опустился на нижнюю койку двухъярусной кровати, размышляя, как ему теперь все это пережить. С такими мыслями он спрятал лицо в ладони и несколько минут рыдал, мучительно вздрагивая всем телом, пока, наконец, не обессилел и не лег навзничь.

«Мне необходимо собраться с духом, — думал он. — Если мне и суждено выбраться отсюда, то лишь доказав обман Истона. Даже не верится, что сейчас он где-то поблизости, в этом же здании. Вот кому здесь подходящее место. Истону, но только не мне...»

После оглашения вердикта, когда Олдрича поместили в камеру временного содержания, примыкавшую к залу суда, Ричард Мур явился с ним переговорить. Он, как мог, утешал подзащитного, убеждая, что надо подать апелляцию сразу после вынесения приговора.

— А пока я должен находиться под одной крышей с этим мерзавцем? — спросил Олдрич.

— Судья Стивенс только что отдал распоряжение о вашем отдельном содержании, — ответил Ричард, — поэтому в тюрьме вы с Истоном не столкнетесь. К тому же он тут не задержится. Судья вынесет Джимми приговор уже в понедельник, после обеда. В ближайшую пару недель его переведут из окружной тюрьмы в одну из тюрем штата.

«И прекрасно, — сказал себе Олдрич, взбешенный потерями, на которые обрек его Истон. — Иначе, дай мне волю, я бы, чего доброго, прикончил его!»

Заскрежетал дверной засов, и охранник сообщил:

— Ваш завтрак, Олдрич. Возьмите.

В полтретьего того же дня на пороге камеры Олдрича возник Ричард Мур в сопровождении судебного пристава. Грег взглянул на Мура с удивлением: сегодня он не ждал своего адвоката. Ему сразу стало ясно, что наметились какие-то положительные сдвиги.

Ричард не стал ходить вокруг да около.

— Грег, сейчас я присутствовал при вынесении приговора Истону. Помнится, я предрекал, что все пройдет благопристойно и без лишнего шума. Я ожидал стандартной процедуры: краткие комментарии защитника и обвинителя, а следом обязательно — речь этого притворщика о том, как он намерен в дальнейшем взяться за ум. Но все, как ни странно, сложилось иначе.

Олдрич слушал, опасаясь даже малейшую надежду допустить в сердце, а Мур между тем описывал ему недавние события в зале суда.

— Можно не сомневаться в том, что Эмили Уоллес проглотила очень горькую пилюлю. Когда Истон пригрозил, что ему есть о чем порассказать, думаю, мысли у нее возникли не самые радужные! Она увидела, что за негодяй и пустобрех ее свидетель. Это поняли и все репортеры в зале. Полагаю, завтра мы найдем в газетах тому подтверждение. Если даже Уоллес не хочет продолжать расследование по доброй воле, то публикации заставят ее изменить мнение.

Затем, увидев страдание в глазах своего подзащитного, Мур решил все же сообщить ему о вознаграждении, назначенном Майклом

Гордоном через сайт передачи, и о звонке на телестудию, наведшем Майкла на эту мысль.

Провожая взглядом Ричарда до двери, обнадеженный Грег Олдрич уже истово верил в то, что совсем скоро покинет постылую камеру.

Узнав о выходке Джимми, Тед Уэсли пришел в крайнее раздражение. Когда же Эмили сообщила ему, что заранее знала о требовании воришки заменить тюремный срок условным, он откровенно вспылал:

— Что все это значит? Может, ты недоходчиво объяснила Истону, что ему один путь — в тюрьму? И почему ты не предупредила меня об этом до того, как его привели в суд?

— Тед, — преувеличенно спокойно отозвалась Эмили, — я со всей очевидностью дала ему понять, что об условном сроке не может быть и речи. Меня саму лишь недавно известили о его требовании. По моему опыту, попытки обвиняемого в последнюю минуту добиваться облегчения своей участи — вполне обычное дело.

Эмили помолчала и более решительным тоном продолжила:

— Хочу сказать вам вот что: я собираюсь вернуться к делу Олдрича и рассмотреть его так, словно мне его только поручили, — этап за этапом. Когда мы начинали процесс, я догадывалась, что Истон ненадежен, но даже не думала, что до такой степени. Какой же он отвратительный слизняк! Если выяснится, что все его показания — правда, значит, он решил плюнуть во всех нас просто с досады, что отправляется в тюрьму. С другой стороны, если он врал, то мы упрятали за решетку невиновного. И тогда мы данной нам судом властью освободили от ответственности преступника — убийцу, который застрелил Натали Райнс.

— Эмили, убийца, который застрелил Натали Райнс, сидит в камере в двух кварталах отсюда, и его имя — Грег Олдрич! А поскольку ты не потрудилась растолковать Истону, что ему ловить здесь больше нечего, пресса теперь всю станет обсуждать, приберег ли Истон некую пикантную информацию.

Тут Уэсли взялся за телефонную трубку, намекая, что беседа окончена.

Эмили вернулась в свой кабинет. Практически все утро она посвятила изучению первичного полицейского протокола, составленного в Олд-Таппане, где Джимми Истон попался с поличным при ограблении дома. Документ был датирован двадцатым февраля прошлого года, кража зафиксирована в полдесятого вечера. Во время допроса в полицейском участке Истон изъявил желание поделиться сведениями, имеющими отношение к убийству Натали Райнс.

«Вот тогда-то Джейк Розен и Билли Трайон кинулись его выслушивать, — размышляла Эмили. — Какая удача, что Истон надумал расколоться! Убийство Райнс, за два года так и не раскрытое, камнем висело на совести нашей прокуратуры. Если Истон прочитал в своей жизни хоть одну газету, то мог знать, что Олдрич оставался единственным подозреваемым. А потом вспомнил, что повстречался с ним в баре... Допустим, Джимми впоследствии сложил из этих кусочков целую историю, возможно, не без помощи Билли Трайона. Вот Джейк никогда не стал бы участвовать в сговоре с Истоном и сфабриковывать улики, а Трайон мог бы... Розен уверял, что лично присутствовал при первоначальном допросе Джимми в полицейском участке, хотя, по его словам, приехал туда уже после Трайона. Теперь мне, по большому счету, все равно, уволит меня Тед или нет, пока у него есть на это полномочия».

В итоге Эмили решила, что надо довести дело до конца. И вслух произнесла то, что лишь недавно вызывало у нее внутренний протест:

— Грег Олдрич невиновен. Я положила все силы, добиваясь его осуждения, интуитивно ощущая при этом: преступник не он.

Обращенный к ней гневный выкрик Элис Миллз снова эхом отозвался в душе: «Вы наверняка понимаете, что это не процесс, а пародия, и ваше сердце полно стыда за участие в ней».

«Оно и вправду полно стыда, — мысленно согласилась Эмили. — Да, стыда».

И это чувство определенности стало для нее откровением.

61

Белл Гарсия никак не хотела примириться с тем, что Грега Олдрича осудили. Из-за этого она толком не могла спать ни в пятницу, ни в субботу. В прошлом году ей довелось посмотреть документальный фильм о тюрьмах, и теперь мысль о том, что Грег заперт в камере, словно в клетке, не давала покоя.

— Даже мать Натали поверила ему, так почему же эти тупые присяжные все как один послушали отъявленного мошенника? — по сто раз на дню повторяла она Сэлу. — Если бы я была среди них, Грег сейчас был бы дома с дочуркой.

В субботу вечером ее муж не выдержал и сорвался:

— Белл, перестань канючить! Мне твоё нытье вот уже где! Хватит! Ясно тебе? Хватит!

Сэл грохнул дверью и гулял дольше обычного.

Зато восьмидесятилетняя мать Белл, Нона Лморосо, или просто Нони, желала знать буквально все подробности. Утром в воскресенье ее круизный лайнер пришвартовался в бруклинском порту Ред-Хук. Белл встретила ее на машине, и весь обратный путь обе они обсуждали только одну тему. Остановившись у дома матери, расположенного по соседству с их собственным, Белл сказала:

— Мама, хоть ты и устала с дороги, но все же заходи к нам сегодня на ужин. Мы по тебе так соскучились. Но только молчок про суд: Сэл при одном упоминании о нем лезет в бутылку.

Увидев откровенное разочарование на лице Нони, Белл торопливо продолжила:

— Мы с тобой сделаем иначе. У Сэла завтра крупный заказ. Из дома ему выходить ни свет ни заря, поэтому сегодня он наверняка отправится в постель пораньше. Как только он уснет, я сразу позвоню тебе. Наверное, часов в десять. Устраивайся после ванны поудобнее — мне есть чем тебя побаловать.

Белл удержалась и не стала добавлять, что ей хотелось бы спросить у матери совета по поводу одного важного решения, которое она готовилась принять.

— Жду не дождусь, — призналась Нони. — Просто умираю, до чего ж любопытно!

На ужин она захватила полный пакет фотографий, сделанных в круизе ею самой и ее подружками. Поскольку говорить о процессе воспрещалось, Нона принялась в подробностях описывать дочери и зятю свое времяпрепровождение на отдыхе.

— У Ольги и Герти сразу же проявилась морская болезнь, поэтому им пришлось наклеивать за ушами пластыри. Я тоже прицепила себе один, но мне он так и не понадобился... Питание было бесподобным. Мы все объедались... Перед нами день напролет ставили все новые и новые тарелки с едой... И еще они организовали очень интересные лекции про морских животных — ну, про китов, пингвинов и всех прочих, которые я посещала. А самая любимая была...

Сэл, обычно снисходительно внимающий невыразимо скучной тещиной болтовне, на этот раз даже не пытался изобразить внимание. Сама Белл изо всех сил притворялась увлеченной и даже вполне искренне восхитилась снимком, загодя вставленным в рамочку, где ее сияющая улыбкой родительница в очень симпатичном новом брючном костюме позировала на пару с капитаном.

— И что, этому малому приходится фотографироваться с каждым пассажиром? — недоверчиво спросил Сэл, мгновенно заинтересовавшись.

Ему пришло в голову, что у капитана бывают дни, когда ему больше всего хочется выпрыгнуть за борт.

— Ага! Если там попадают пары или семьи, то они, конечно, становятся все вместе.

Но мы с девушками решили сняться по отдельности, чтобы оставить фотографии детям,

когда нас уже не будет на свете.

«Вроде я просекаю, — подумал Сэл. — Каждой из девчат не меньше семидесяти пяти».

Когда съели десерт и выпили по второй чашке чая, Сэл обратился к теще:

— Нони, вы, наверное, устали с дороги, да и мне завтра рано вставать. Если вы не против, давайте я провожу вас домой?

Белл и ее мать обменялись многозначительными взглядами.

— И вправду, Сэл, — согласилась Нона. — Тебе надо отдохнуть, я и сама уже собиралась закругляться. Мечтаю поскорей очутиться в своей постельке.

Через час — как раз примерно в десять, когда Сэл уже видел десятый сон, — Белл плотно прикрыла дверь в спальню, удобно устроилась в своем любимом кресле в гостиной, вытянув ноги на скамеечке, и позвонила матери.

Следующие полтора часа они досконально обсуждали все обстоятельства недавнего процесса. Чем оживленнее становилась их беседа и чем чаще повторяла мать Белл, что Грега подставили, тем томительнее становилось на душе у Белл.

«Пусть Сэл и не признается, но я почти уверена, что Джимми Истон когда-то работал у него», — повторяла она про себя.

В конце концов, Белл решила поделиться своими подозрениями с матерью.

— Неужели? — воскликнула Нона. — Джимми Истон вправду работал у Сэла? И что, были заказы на доставку в квартиру Олдрича?

— Сэл сотрудничал с одной антикварной лавкой, которая потом прогорела, — обеспокоено поведала ей дочь. — Наверное, ценителей таких вещей находилось немного... Лично я не стала бы покупать всякое старье. Так вот, заказы тогда поступали все больше с Ист-Сайда, из квартир разной элиты. И Сэл очень нервничает, когда я заговариваю об этом процессе... Думаю, он просто-напросто боится. — Белл вздохнула. — За эти годы, когда ему нужны были лишние руки, он постоянно брал на работу случайных людей и всегда расплачивался с ними на месте. Ему совсем не хотелось связываться со всей этой бумажной волокитой и оформлять каждого как полагается.

— Да, а медицинская сторона дела — вот где настоящая морока, — вторила Нони. — Впору разориться. Жизнь так и устроена: богачи богатеют, а мы должны постоянно затягивать пояса. Я же рассказывала, как долго мне пришлось во всем себе отказывать, откладывая на круиз с девушками.

Нона надолго закашлялась.

— Извини, опять аллергия. Воздух на корабле был какой-то спертый, и, наверное, у меня началось обострение. Знаешь, Белл, конечно, это будет ужасно, если Сэл пострадает из-за налогов. Но если Джимми Истон подрабатывал у него и возил что-нибудь в ту квартиру, тогда понятно, почему он так хорошо ее описал.

— Я из-за этого вся измучилась, — со слезами в голосе призналась Белл.

— Дорогая моя, нельзя же допустить, чтобы невинный человек сидел за решеткой, тем более одно твое слово способно все поправить. Кроме того, если благодаря тебе Грега освободят, то я уверена, что он в тот же день подпишет Сэлу чек для оплаты всех налогов, какие ему начислят. Ты только надоумь Сэла. Втолкуй ему, что он обязан поступить по совести, а если не захочет, то предупреди, что сделаешь это за него.

— Мама, ты абсолютно права, — обрадовалась Белл. — Как все-таки хорошо, что я с тобой поделилась.

— Можешь передать Сэлу, что ему стоит иногда обращаться ко мне за советом. Не стану скромничать, у меня есть голова на плечах.

Белл, впрочем, заранее знала, что бесполезно передавать эти слова мужу.

В понедельник утром, едва за Сэлом захлопнулась дверь, Белл, таща за собой тележку для белья, спустилась в подвал, где у них была собственная кладовка. Там Сэл держал картонные коробки, в которых скопилась документация его артели за последние двадцать лет. Белл было известно о нелюбви мужа к бумажным делам, однако он все же удосужился проставить на коробках года, соответствующие хранящимся в них накладным.

«Натали Райнс погибла два с половиной года назад. Надо отсчитывать от этого момента в прошлое», — рассудила Белл.

Она погрузила на тележку две коробки с накладными, относящимися к двум годам до убийства Натали, и направилась к лифту.

Расположившись с коробками в гостиной, она начала просматривать содержимое первой из них и уже через сорок пять минут нашла то, что искала. Некая фирма выписала на имя Сэла квитанцию на доставку мраморного торшера в квартиру Г. Олдрича по адресу, который не раз называли по телевизору. На документе значилось третье марта — за тринадцать дней до убийства Натали.

С этим листком Белл без сил рухнула в кресло. Помня назубок все важные даты по процессу Олдрича, она тут же сообразила, что именно третьего марта Джимми Истон, по собственному признанию, встречался с Грегом у него на квартире, где и получил аванс за убийство Натали.

Рассматривая четкую подпись получательницы, она невольно вздрогнула: Гарриет Крупински — домохозяйка Олдрича, которая отошла от дел через несколько месяцев после трагических событий и еще через полгода скоропостижно скончалась. Белл нутром чуяла, что доставку осуществлял именно Джимми Истон.

«Как Сэл умудряется спокойно жить, зная об этом? — горестно спросила себя Белл. — И за что этому несчастному и его дочурке такие страдания?»

Вскоре, продолжив поиски, Белл обнаружила неопровержимое доказательство того, что Истон все же трудился у Сэла. Это была потрепанная записная книжечка с внесенными туда именами — всего пара дюжин. С кем-то из них Белл даже была знакома — эти грузчики нанимались к Сэлу сдельно. На «И» нужной фамилии не оказалось, тогда она посмотрела на «Д» и вверху страницы увидела коряво нацарапанное: «Джимми Истон», а напротив — номер телефона.

Смертельно досадуя на Сэла и нисколько не меньше тревожась за то, как отразится на ее муже исход дела, Белл сложила все обратно в коробки, оставив себе квитанцию и книжечку. Затем она погрузила коробки на тележку и вернула их в подвал. Решив, что правильнее будет Сэлу самому позвонить на телевидение, Белл снова плюхнулась в кресло и набрала номер Нони.

— Мама, — начала она надтреснутым голосом, — Сэл мне соврал. Я только что изучала его накладные. Джимми Истон действительно работал у него, и я нашла квитанцию на доставку по адресу Олдрича, осуществленную за тринадцать дней до гибели Натали.

— Бог мой, Белл! Теперь неудивительно, почему на Сэле лица нет. Что ты намерена делать?

— Вот придет он домой, и я ему выложу, что мне все известно и что нам надо позвонить Майклу Гордону. И если честно, мама, мне кажется, Сэл в какой-то степени даже обрадуется. Он ведь неплохой человек. Просто у него сейчас душа в пятках, и у меня тоже... Как думаешь, мама, Сэла могут посадить в тюрьму?

В понедельник в пятом часу дня в кабинете прокурора округа Берген раздался телефонный звонок. Секретарь сняла трубку. Оказалось, что некий Том Шварц, исполнительный продюсер передачи «Разыскивается преступник», желает в срочном порядке побеседовать с прокурором. Речь шла об одном серийном убийце, который фигурировал в списке их программы и следы которого привели как раз в округ Берген.

Буквально через десять секунд секретарь переключила на Теда Уэсли.

— Здравствуйте, мистер Шварц. Что там у вас за серийный убийца?

— У нас есть все основания верить только что полученным сведениям о местонахождении этого маньяка. Вам что-нибудь говорит название нашей передачи?

— Да, хотя в последнее время я ее не смотрел.

— Тогда, если у вас есть пара минут, я введу вас в курс дела.

Пока Шварц, не трата лишнего слов, излагал прокурору факты из досье убийцы, в недавнем прошлом звавшегося Чарли Муиром, и объяснял, почему коллега по работе узнал преступника в Заке Лэннинге, Тед Уэсли уже вообразил волну хвалебных публикаций о себе в прессе — в том случае, если его подчиненные сумеют поймать беглеца.

— Значит, маньяк живет в Глен-Роке. У вас есть его адрес? — спросил он Шварца.

— Да, но нам передали, что сегодня утром Лэннинг позвонил своему боссу и попросил расчет. Якобы ему срочно понадобилось во Флориду. Сами понимаете, что он, возможно, уже далеко.

— Сейчас же вышлю на место своих детективов. Мы с вами свяжемся позже.

Уэсли положил трубку и сразу нажал кнопку интеркома.

— Билли Трайона ко мне. И наберите номер прокурора в Де-Мойне.

В нетерпеливом ожидании он постукивал по столу очками. Глен-Рок слыл тихим городком не для бедных. Там жили несколько сотрудников его ведомства, в том числе Эмили Уоллес. Прокурор потянулся к полке и достал служебный справочник. Осведомитель назвал адрес Лэннинга: Колониальная улица, шестьсот двадцать четыре.

Открыв справочник и взглянув на адрес Эмили, прокурор не поверил своим глазам: номер шестьсот двадцать два по той же Колониальной улице!

«Боже, если это тот самый тип, то она все это время находилась рядом с психопатом», — подумал он.

Наконец сработало соединение с прокурором из Де-Мойна, и в тот же момент в кабинет ворвался Билли Трайон.

Всего через двадцать минут Билли с Джейком Розеном и несколько патрульных машин полицейского управления Глен-Рока были уже на пороге дома, в котором Зак Лэннинг провел целых два года. На стук в дверь никто не ответил, тогда один из сотрудников позвонил риелтору, сдававшему Заку жилье, и попросил у него позволения на вторжение.

— Конечно, пожалуйста, — разрешил риелтор. — Лэннинг сообщил мне сегодня утром, что оставит ключи на крючке в гараже. Его срок аренды уже истек. А зачем он вам понадобился?

— В данный момент я не уполномочен отвечать на этот вопрос, сэр, — пресек его любопытство младший офицер. — Благодарю вас.

Полицейские взяли из гаража ключи, с взведенными курками осторожно проникли в дом и рассредоточились, заглядывая в каждую комнату и кладовку, однако нигде не было ни души. Затем Билли Трайон и Джейк Розен еще раз прошли по всем комнатам в поисках зацепок, ведущих к цели следования Лэннинга, но во всем доме не нашлось даже завалящей газеты или

журнала.

— Немедленно вызови сюда криминалистов, — распорядился Трайон. — Пусть снимут отпечатки, тогда мы сможем проверить, наш ли это клиент.

— Надеюсь, отпечатки будут, — скептически произнес Розен. — У этого парня, по всей видимости, бзик на чистоте. Нигде ни пылинки, ты только полюбуйся на идеальный строй стаканов в буфете!

— Наверное, он готовился поступать в Вест- Пойнт, — сострил Трайон. — Джейк, пусть ребята из Глен-Рока опросят жильцов в этом квартале, может, соседи вспомнят что-нибудь интересное. И проверь, все ли постовые получили нашу ориентировку на его машину и номерной знак.

Трайон продолжил осмотр. В кухне его внимание привлек небольшой датчик, установленный на подоконнике. Одновременно Билли услышал залиvistое тьяканье — такое громкое, словно собака лаяла на него самого. Звук исходил из того же приборчика, действовавшего по принципу интеркома.

Билли взглянул в окно. Тед Уэсли обмолвился, что Эмили Уоллес оказалась соседкой Лэннинга. В этот момент она собственной персоной вышла из машины и заспешила по тропинке к своему крыльцу. «Вот почему песик лает», — сообразил Билли.

Он наблюдал, как Эмили отпирает замок и скрывается в доме, а затем отчетливо услышал, как она приветствует своего питомца.

— Джейк! — закричал Билли. — Иди-ка сюда! Этот Лэннинг поставил в доме у Эмили микрофон. Он за ней следил.

«Подожди, Бесс, — доносился из датчика голос Эмили. — Скоро я тебя выпущу. Там что-то творится по соседству, у этого чудика, который с тобой гулял».

— Господи, — пробормотал Джейк, прислушиваясь к кристально ясному голосу Эмили; он раздвинул планки жалюзи. — Смотри, Билли, ее кухня отсюда — как на ладони. Судя по порядку в доме, ее соседа в безалаберности не упрекнешь. Сдается мне, он вовсе не забыл снять микрофон — он нарочно его оставил, чтобы полиция его нашла и Эмили обо всем узнала.

Они услышали, как Эмили открыла дверь веранды, а затем позвала собачку обратно. В кухне появился один из местных детективов.

— Мы на девяносто девять процентов уверены, что Лэннинг и есть тот маньяк, — заявил он, тщетно пытаясь скрыть волнение. — Я сам однажды наткнулся на сюжет про него. Там говорили, что у Чарли Муира были специфические пристрастия, например, он любил сажать вокруг дома желтые хризантемы. Мы только что нашли в гараже три больших мусорных мешка с испорченными саженцами. Вероятно, он тоже посмотрел ту передачу и испугался.

В окно сыщики увидели, что к дому подозреваемого идет Эмили Уоллес. Вскоре она была уже в кухне.

— Мне позвонил Тед Уэсли, он сообщил, что вы здесь по поводу этого типа, и даже кое-что успел прояснить. Так, значит, в гараже хризантемы? Зак высадил их чуть больше недели назад, в субботу, а ровно через сутки выкопал и заменил совсем другими цветами. Мне тогда показалось, что нормальные люди так не поступают, но ведь он всегда был с приветом...

— Эмили, — мягко начал Джейк, — мы практически убеждены, что этот Зак Лэннинг — действительно серийный убийца Чарли Муир. Мы должны предупредить тебя еще об одной вещи, которая тебя точно не обрадует.

Эмили так и застыла.

— Чего уж хуже... В июне он сам предложил выгуливать днем мою Бесс. Пока я на работе, я держу болонку на веранде, и я дала ему ключи только от веранды, но не от двери в кухню. А однажды вечером, когда я довольно поздно вернулась, он сидел на веранде, и я почему-то

испугалась. Я сразу же отказала ему в уходе за Бесс — нашла какой-то извинительный предлог, но он, кажется, не поверил и, думаю, затаил обиду.

Внезапно лицо у нее вытянулось, и она сильно побледнела.

— Теперь я даже не сомневаюсь, что на прошлой неделе он забирался ко мне в дом! Как-то вечером я заметила, что из нижнего ящика комода у меня в спальне выглядывает край ночной сорочки. А я точно помню, что я его так не оставляла... — Она помолчала и воскликнула: — О боже! Наконец-то я поняла, что не давало мне покоя со вчерашнего дня! Когда я упаковывала вещи для нуждающихся, там не хватало одной сорочки. Джейк, что еще ты собирался мне сказать?

Розен кивнул на подоконник.

— Эмили, он установил в твоём доме «жучок». Мы только что слышали, как ты разговаривала со своей собачкой.

От осознания масштаба вторжения Зака Лэннинга в её жизнь Эмили сделалось дурно. Она почувствовала, как внутри все сжалось, а ноги сами собой подкосились. В эту секунду в кухню влетел один из местных сыщиков:

— В доме через улицу, кажется, кража со взломом! На заднем окне вспорота сетка, а пожилая хозяйка дома не отвечает на стук. Будем ломать дверь.

Трайон, Розен и Эмили кинулись к соседнему дому вместе с полицейскими. Один из офицеров вышиб дверь ногой, но уже через несколько минут стало ясно, что Мадлен Кирк внутри нет.

— Проверьте гараж, — приказал Трайон. — Ключи лежат на блюде у двери в кухню.

Войдя в спальню хозяйки вслед за полицейскими, Эмили увидела на полу рядом со стулом скомканный вязаный плед. Взглянув в раскрытый на журнальном столике блокнот, она так и ахнула — там были записаны два слова: «Разыскивается преступник», а поперек них лежала ручка. Более не сомневаясь, что с её соседкой случилась беда, Эмили тоже побежала в гараж, где полиция уже осматривала салон машины Мадлен Кирк.

— Откройте багажник, — велел Трайон.

Едва подняли крышку, как вокруг распространился зловонный трупный запах. Трайон аккуратно развязал бечевку, которой были перетянуты два вложенных друг в друга мусорных мешка, и осторожно стянул один из них. Все увидели, что на застывшем лице убитой запечатлелся предсмертный ужас.

— О господи, — простонала Эмили. — Бедняжка... Это чудовище даже беззащитную старушку не пожалело!

— Эмили, — тихо произнес Джейк, — тебе крупно повезло, что ты не оказалась на её месте.

В понедельник Майкл Гордон поприсутствовал на оглашении приговора Джимми Истону и сразу же поехал на работу.

«Кадрами, где Джимми угрожает обвинительнице и заявляет, что он, ни много ни мало, готов еще кое-что порассказать, мы сегодня вечером произведем настоящий фурор, — думал он, предвкушая захватывающее шоу. — Интересно, это просто блеф и месть за то, что ему не дали условный срок, или Джимми и вправду заготовил бомбу? Да, сегодня экспертам на передаче будет что обсудить».

Секретарша Лиз сразу же проследовала за боссом в его кабинет. Она сообщила, что с воскресного вечера, когда на сайте передачи появилась информация о вознаграждении в двадцать пять тысяч долларов, на указанный телефон поступил пятьдесят один звонок.

— Из них двадцать два экстрасенса, — докладывала Лиз, стоя у стола начальника. — Причем двое из них, по всей видимости, воспользовались одним и тем же магическим кристаллом. Оба описывали темноволосого мужчину, одетого во все черное, который в утро убийства Натали Райнс наблюдал из засады у дома, как она подъезжает к своему гаражу. — Лиз улыбнулась. — Что дальше, догадаться нетрудно: их видения обрываются на том, как этот человек взводит курок. Очевидно, когда будет выдано вознаграждение, экстрасенсы смогут разглядеть лицо преступника и описать его во всех подробностях.

Гордон только пожал плечами.

— Я и не сомневался, что к нам потянутся всякие шизики.

Лиз бегло отчиталась и по другим звонкам.

— Десять или двенадцать человек заявили, что Джимми Истон в свое время их тоже обворовал или обманул; все они в один голос утверждали, что не понимают, как могли присяжные осудить Грега Олдрича, опираясь лишь на показания этого мошенника. Некоторые даже изъявили желание прийти на вынесение приговора Олдричу и засвидетельствовать судье, что Истон — хронический лгун.

— Все это очень обнадеживает, но ничего конкретно нам не дает. А та женщина, которая звонила в пятницу вечером и спрашивала о вознаграждении? Она-то объявилась?

— Сладкое я приберегала напоследок, — снова улыбнулась Лиз. — Да, она позвонила сегодня утром и уверила меня, что располагает важными фактами о трудовой биографии Истона, проливающими свет на то, как он мог попасть в квартиру к Олдричу. Она также задала вопрос, нельзя ли положить деньги на какой-нибудь надежный банковский счет, чтобы ей не дай бог их не лишиться.

— Имя и контактный телефон она оставила?

— Нет, она сочла это небезопасным и хочет сначала побеседовать с вами. Она никому больше не доверит информацию, потому что боится, как бы та не утекла. Еще она поинтересовалась вот чем: если Грега Олдрича выпустят из тюрьмы благодаря ее содействию, вы пригласите ее вместе с ним на передачу? На все это я ответила, что вы скоро будете на месте, и ей следует перезвонить.

— Лиз, если кто-то представит конкретные доказательства, разумеется, я позову его на передачу! Надеюсь все же, что эта женщина не чокнутая, как все прочие.

И Майкл с тревогой вспомнил, как вчера за обедом рассказал Элис и Кейти об этом звонке и в какой восторг они пришли.

— Ну вот, пока все, — весело прощбетала Лиз. — Посмотрим, что будет дальше.

— Если та женщина все-таки надумает, сразу меня соедини.

Едва Лиз вернулась к своему столу, как в офисе затрезвонил телефон. Майкл через раскрытую дверь слышал голос секретарши.

— Да, он вернулся и готов с вами общаться. Подождите минутку...

Гордон сразу взялся за трубку и дождался переключения звонка на его телефон.

— Майкл Гордон, — представился он. — Мне передали, что вы располагаете фактами, имеющими отношение к делу Олдрича.

— Мое имя — Рини Слинг, мистер Гордон. Я так счастлива вас слышать! Мне очень нравится ваша программа, но я даже не думала, что могу стать участницей одной из них...

— У вас есть для этого повод, мисс Слинг? — прервал ее Майкл.

— У меня есть очень важные сведения о том, где работал Джимми Истон, когда убили Натали Райнс. Но мне нужны гарантии, что никто не присвоит мое вознаграждение.

— Мисс Слинг, я даю вам личную гарантию и готов облечь ее в письменную форму. Так что если вы первая предоставите нам сведения, которые вызовут пересмотр дела или снимут с осужденного все обвинения, вы непременно получите обещанные деньги. Вынужден предупредить вас заранее, что если такой же результат даст сочетание вашей информации и чьей-либо еще, то сумму придется разделить.

— А если моя информация окажется важнее? Как быть тогда? Ой, подождите, пожалуйста, муж что-то говорит...

Гордон услышал в трубке приглушенные голоса, но ничего не разобрал.

— Мой муж Руди просил передать: мы верим, что вы рассудите по справедливости.

— Спасибо, — отозвался Майкл. — Мы разделим вознаграждение, учитывая ценность сведений с каждой стороны.

— Это нас устраивает, — согласилась Рини. — Мы с Руди встретимся с вами, когда вам будет удобно.

— Как насчет завтра, в девять утра?

— Мы придем.

— Будьте добры, захватите с собой все письменные улики или документы, которые могут подтвердить ваши слова.

— Непременно, — обрадованно ответила Рини, больше не опасаясь лишиться денег из-за жульничества.

— До встречи, — попрощался Майкл. — Передаю вас своей секретарше: она продиктует адрес и объяснит, как к нам добраться.

Едва Джимми Истона доставили обратно в тюрьму округа Берген, как в его камере появился старший охранник, капитан Пол Крафт.

— Джимми, у меня есть для тебя новость. Скоро ты простишься с нами и со своим вторым домом. Буквально через несколько минут тебя повезут в Ньюаркскую тюрьму.

— С чего бы это? — удивился Истон.

По богатому тюремному опыту он знал, что после вынесения приговора административный перевод в постоянное место заключения обычно растягивается на дни или даже недели.

— Дело в том, Джимми, что у тебя из-за сотрудничества со следствием не ладятся отношения с другими заключенными...

— То же самое мой адвокат пытался втолковать судье! — не выдержал Истон. — Мне здесь не дают покоя! Постоянно попрекают моей помощью прокурору! Будто остальным кто-то запрещает поступать так же и скашивать себе срок!

— Джимми, причина не только в этом, — продолжал офицер. — За последние полчаса к нам поступили два анонимных звонка — вероятно, от одного и того же человека. Он передал, что тебе лучше держать язык за зубами, иначе пеняй на себя.

Заметив, как обеспокоился Истон, Крафт попытался его утешить:

— Джимми, так мог поступить любой шутник. Или ненормальный. То, что ты заявил сегодня в суде, уже попало на телевидение и в Интернет. А поскольку у тебя и так хватает здесь проблем, да еще эти звонки, мы решили, что лучше тебя перевести не откладывая. Для твоей же безопасности.

Теперь Крафт видел, что Истон струсил не на шутку.

— Джимми, облегчи душу. Скажи, ты догадываешься, кто звонил?

— Нет-нет, откуда?.. — пробормотал Джимми. — Наверное, какой-нибудь юморист...

Крафт не поверил ему, но допытываться не стал.

— Мы пробьем номер, по которому звонили, и проверим личность владельца телефона, а потом разыщем его, — пообещал он. — Так что не волнуйся.

— Как не волноваться? Вам-то хорошо говорить... Вы в курсе, что для таких звонков существуют мобильники с предоплатой? В этом деле я спец: у меня самого была целая куча таких! Один раз звоните, куда вам надо, а потом просто выбрасываете SIM-карту — и все. Попробуйте как-нибудь сами.

— Ладно, Джимми, давай-ка собирай вещички. Мы уже предупредили охрану в твоей новой тюрьме — они будут смотреть в оба.

Через час, прикованный наручниками в глубине служебной машины, Джимми уныло взирал в зарешеченное окошко. Они ехали по Ньюаркской автостраде вблизи аэропорта. Истон наблюдал, как самолет взмыл в воздух и исчез в небе.

«Сейчас я бы все отдал, чтобы сидеть в этом самолете, и неважно, куда он направляется», — подумал Истон.

Ему вдруг вспомнилась песня Джона Денвера «Leavin' on a Jet Plane»^[20].

«Как бы мне тоже хотелось улететь!.. Сюда я не вернулся бы ни за что! Начал бы новую жизнь где-нибудь далеко...»

Машина остановилась у тюремных ворот. Пока охрана ее досматривала, Джимми прикидывал, как ему лучше действовать.

«Адвокат Олдрича по-свински обращался со мной в суде, но завтра по телефону — даю руку на отсечение — он с радостью меня выслушает. А когда я ему все выложу, он наверняка

согласится даже оплатить мой звонок».

В понедельник рано утром, покинув дом в Глен-Роке, Зак Лэннинг устремился сразу в Ньюаркский аэропорт. На долговременной стоянке он отыскал свободный участок совсем недалеко от фургона, купленного им у Генри Линка. Перетаскивая вещи из одной машины в другую, Зак искренне надеялся, что ничем не выделяется в толпе туристов, спешащих с чемоданами к терминалам и обратно.

Один раз он испугался, когда вытаскивал из багажника телевизор, — в этот момент мимо проехала патрульная машина, — но охранники не обратили на него никакого внимания. Покончив с переноской имущества, Зак запер машину. К тому моменту он уже здорово разнервничался: охранники могли задним числом заинтересоваться, почему у путешественника такой большой телевизор, и не украден ли он из чужого автомобиля.

«Вдруг они вернутся проверить?» — обеспокоился Зак.

Однако никто не задержал его на выезде с парковки. Лэннинг снова вырулил на платную автостраду и направился в сторону горы Кеймелбек. Без четверти восемь он свернул в зону отдыха, оттуда позвонил на склад своему риелтору и сообщил, что покинул город насовсем.

На шоссе было очень плотное движение, поэтому Зак добрался до мотеля только к одиннадцати часам. Стоя у регистрационной стойки и дожидаясь, пока портье поговорит по телефону, Зак огляделся и только тогда немного успокоился. Именно такое место — убогий приют вдали от оживленных магистралей — он и искал.

Пока там было затишье: лыжный сезон еще не открылся, и люди вырывались на природу, чтобы побыть в одиночестве и полюбоваться осенью.

Портье, апатичный старикашка лет под семьдесят, уже держал в руках ключи.

— Даю вам один из лучших домиков, — дружелюбно произнес он. — Пока еще не сезон, и мест хватает. А вот месяца через полтора здесь будет битком! Лыжников будет тьма-тьмущая, особенно на выходных!

— Спасибо, — кивнул Зак.

Он взял ключи и бочком стал продвигаться прочь от стойки. Ему вовсе не улыбалось вступать со стариком в беседу, иначе тот мог хорошо его запомнить. Портье между тем добродушно прищурился.

— Вы ведь бывали здесь, верно? Где-то я уже видел ваше лицо... — Он хихикнул. — Нет, правда, вы слегка смахиваете на того типа, который прикончил всех своих супружниц. На прошлой неделе по телевизору был сюжет. Я тогда все подшучивал над шурином: он похож на того парня еще больше, чем вы!

И портье рассмеялся во весь рот. Зак тоже для вида прыснул в кулак.

— У меня — так уж получилось — всего одна жена, и та пока жива и здорова. Если ей хотя бы на день задержать алименты, мне тут же начнет названивать ее адвокат.

— Как, вы тоже? — громко воскликнул старик. — И я плачу алименты! Дерьмовые дела! Тот тип из передачи «Разыскивается преступник» убил последнюю жену, поскольку она при разводе отобрала у него дом. Он, конечно, погорячился, но иногда мне его даже жалко.

— И мне, — пробормотал Зак, которому не терпелось поскорей убраться.

— Забыл сообщить! — крикнул ему вдогонку портье. — Обед подают в баре в полдень. Кухня приличная.

Домик Зака оказался рядом с административным корпусом. Обстановку просторной комнаты составляли две двуспальные кровати, комод с трельяжем, диванчик, кресло и тумбочка. Над полкой камина, который топили дровами, был вмонтирован в стену плоский телеэкран. К

комнате примыкала крохотная ванная, в ней же стояла электрическая кофеварка.

Зак понимал, что долго находиться в мотеле небезопасно.

«Интересно, пропажу Мадлен Кирк уже обнаружили? А Генри Линк? Он вроде купился на мои обещания перерегистрировать машину в дорожном управлении и через несколько дней выслать мне все бумаги. Но может, он тоже смотрел в субботу передачу. И тоже решил, что я слишком похож на Чарли Муира».

Зак устало закрыл глаза.

«Как только найдут труп Кирк, я снова стану героем дня и настоящим гвоздем программы "Разыскивается преступник"», — напомнил он себе.

Внезапно он ощутил усталость и решил прилечь и немного вздремнуть. Однако, пробудившись, с удивлением увидел, что на часах почти шесть вечера. Не вставая с постели, Зак в приступе паники схватил с тумбочки пульт и включил телевизор, чтобы посмотреть новости. Ему важно было знать, имеются ли уже на Пенсильванской телестанции сведения о нем или об убийстве Кирк.

«Такое очень даже возможно, — волновался Зак. — От округа Берген до горы Кеймелбек всего два часа езды».

Наконец выпуск начался, и ведущий сразу же сообщил: «Жуткое убийство пожилой женщины совершено в Глен-Роке, штат Нью-Джерси. В полиции считают, что в нем повинен бывший сосед жертвы, живший буквально через улицу. Множество улик дает основание предполагать, что это тот самый маньяк, о котором на прошлой неделе рассказывалось в передаче "Разыскивается преступник" и на счету которого не менее семи убийств».

Далее Зак услышал: «Коллега по работе узнал злоумышленника и позвонил в полицию, однако рейд по поимке преступника окончился неудачей: он уже успел скрыться. При прочесывании окрестностей были обнаружены следы вторжения в жилище восьмидесятидвухлетней вдовы Мадлен Кирк. Опасаясь за ее безопасность, полиция проникла в дом и вскоре нашла труп хозяйки в гараже, в багажнике ее машины».

«Как чувствовал, — подумал Зак. — Кто-то из парней на работе смотрел телевизор и узнал меня. И Кирк узнала. И этот болван, который выдавал мне ключи, сразу заметил, что я здорово похож на один из фотороботов... Что, если он включит вечерние новости? Там обо мне расскажут гораздо больше, а завтра в газетах будет полно информации!..»

Во рту у Зака пересохло, когда ведущий объявил, что после блока рекламы покажут те же фотографии и компьютерные обработки внешности убийцы, которые были использованы в передаче «Разыскивается преступник».

«Мне нельзя здесь оставаться! — мгновенно заключил Лэннинг. — Если этот придурковатый портье увидит мой портрет, ему больше не захочется сравнивать меня с шурином! Но перед дорогой надо убедиться, что мой фургон — вне подозрений. Также неплохо бы выяснить, свел ли Генри Линк оба конца этой истории и не связался ли он с полицией».

Выбрав SIM-карту из своего арсенала карт с предоплатой, Зак выяснил номер Генри Линка по справочнику, поскольку, купив фургон, сразу же выбросил объявление. К счастью, номер оказался не скрытым, и Лэннинг набрал его, нервно покусывая губы. Тогда, при встрече с Генри, он представился Дугом Брауном и за весь субботний день, посвященный покупке машины, из предосторожности ни разу не снял ни солнечных очков, ни бейсболки.

На том конце взяли трубку.

— Алло.

Зак узнал скрипучий голос Генри.

— Здравствуйте, Генри. Это Дуг Браун. Хочу сообщить вам, что сегодня утром получил в дорожном управлении все бумаги. Я отправлю их по почте, а к вам они дойдут, наверное, через

несколько дней. Ваш фургон классно катит!

Однако Генри Линк, судя по интонации, не разделял его радости.

— Зять устроил мне настоящий разнос за то, что я позволил вам уладить все дела. Он говорит: пока не произошла... как ее, бишь... передача права собственности, вы можете попасть в аварию, а я потом доказывай, что не садился за руль нетрезвым! И что с номерами? Зять меня ругает, что я сам должен был их сдать! Еще он удивился, что вы заплатили наличными...

Зак еле сдерживался, стараясь не сорваться. У него было такое ощущение, что на него накинута ловчая сеть.

— Генри, сегодня в дорожной управе у меня совершенно не возникло проблем. Я сдал номерные знаки, и они переоформили машину мне в собственность. Передайте вашему зятю, что я действовал из лучших побуждений: мне все равно нужно было идти туда регистрировать фургон на свое имя, поэтому я был рад оказать вам услугу. Мне стало жаль вас из-за жены, ведь она в доме престарелых... — Зак облизал губы и продолжил уже увереннее: — Генри, я специально захватил с собой наличку, чтобы у нас не возникло затруднений. Вы сами знаете, что многие не соглашаются брать чеки... А еще скажите вашему зятю, что если он такой недоверчивый, то почему не пришел продавать фургон вместе с вами?

— Дуг, не обижайтесь, — искренне огорчившись, попросил Генри. — Я не сомневаюсь, что вы прекрасный человек. Просто с тех пор, как Эдит попала в дом престарелых, моя дочь с зятем считают, что мне уже нельзя ничего доверить. Мы с вами хорошо сторговались, вы взяли на себя хлопоты по бумажным делам и даже позвонили меня предупредить — в наши времена такую вежливость встретишь нечасто. А своему зятю я еще объясню, что почему.

— Рад был вам помочь, Генри. Перезвоню денька через два-три, чтобы убедиться, дошли ли по почте документы.

«Ну, дня два с фургоном проблем не возникнет, — стал рассуждать Зак, когда захлопнул мобильник. — Никаких документов за это время они не получают, и зять Генри отправится за разъяснениями в дорожное управление, а оттуда сразу в полицию. Может, удача уже отвернулась от меня... Но прежде чем меня схватят — если, конечно, схватят, — я все же вернусь ради своей Эмили».

У Белл Гарсия на душе скребли кошки, ведь ей предстояла ссора с мужем. За тридцать пять лет семейной жизни они лишь несколько раз серьезно повздорили, и то из-за ее непреодолимого упрямства. Но сейчас дело было совсем в другом, и Белл это хорошо понимала... Однако мысль о том, что она собственными руками ввергает мужа в беду, была для Белл хуже всякой пытки.

В пять часов она услышала, как заскрежетал замок входной двери, и на пороге возник Сэл. Вид у него был измотанный.

«Он столько трудится», — жалостливо подумала Белл.

— Привет, милая, — буркнул Сэл, целуя жену в щеку.

Он устремился на кухню, достал из холодильника баночку пива и направился в гостиную. Вскрыв банку, Сэл устроился в своем любимом кресле и поведал жене о ближайших планах:

— После ужина немного посмотрю телевизор — и на боковую.

— Сэл, — осторожно начала Белл, — я понимаю, что ты сегодня сильно устал... Но ты должен быть в курсе... я кое-что сделала утром. Меня так мучил вопрос, нанимал ли ты когда-нибудь Джимми Истона или нет, что я решила порыться в твоих коробках, которые ты держишь в подвале.

— Что ж, Белл, — с покорным видом отозвался Сэл. — Нашла что-нибудь?

— Сам знаешь, что да. Я нашла записную книжку с номером Истона и квитанцию на доставку в квартиру Олдрича с датой как раз накануне убийства Натали Райнс...

Белл смущало, что муж прячет от нее глаза.

— Сэл, вот они, взгляни... мне кажется, ты давно вспомнил, что Джимми Истон работал у тебя и доставлял разные вещи на квартиры.

Протянув мужу квитанцию и для большей убедительности ткнув в нее пальцем, Белл требовательно спросила:

— Тебе известно про эту доставку? Был там Истон или нет?

Сэл закрыл лицо ладонями.

— Да, известно, — дрогнувшим голосом ответил он. — Мы были там вместе. Мы входили в квартиру. И он мог воспользоваться случаем и открыть столик.

Белл поглядела на обветренные натруженные руки мужа и ласково промолвила:

— Сэл, я понимаю, что тебя тревожит. Понимаю, чего ты боишься. Но как ни крути, мы должны сказать правду. Иначе нас совесть замучает.

Она поднялась со стула, подошла к мужу и крепко обняла его, а затем сняла телефонную трубку. Номер «Судебных кулуаров» был у нее записан заранее. Дозвонившись до передачи, Белл сообщила:

— Меня зовут Белл Гарсия, а моего мужа — Сэл Гарсия. Он управляет фирмой по перевозке грузов. У нас есть свидетельства, что два с половиной года назад, третьего марта, в тот самый день, когда Джимми Истон якобы встречался с Греггом Олдричем в его квартире, он на самом деле помогал моему мужу доставлять по этому адресу антикварную лампу.

Сотрудник телестудии попросил не вешать трубку, а затем добавил:

— Миссис Гарсия, на случай, если нас вдруг разъединят, не назовете ли вы ваш телефонный номер?

— Конечно, — согласилась Белл и скороговоркой протараторила цифры.

Не прошло и минуты, как в трубке раздался знакомый голос.

— Миссис Гарсия, это Майкл Гордон. Мне передали, что вы располагаете ключевой информацией по делу Олдрича.

— Да, — подтвердила Белл и повторила то, что уже поведала другому сотруднику программы.

В заключение она созналась:

— Мой муж платил Джимми в обход бухгалтерии, поэтому до сих пор молчал.

Надежда мощной волной захлестнула Майкла; несколько мгновений от переизбытка чувств он не мог говорить.

— Миссис Гарсия, где вы живете?

— На Двенадцатой улице, между Второй и Третьей авеню.

— Могли бы вы с вашим мужем взять такси и прямо сейчас приехать ко мне в офис?

Белл задала мужу вопрос Гордона, сопроводив его умоляющим взглядом. Сэл лишь утвердительно кивнул.

— Мы приедем, как только соберемся, — пообещала Белл. — Наверное, муж захочет принять душ и переодеться. Он недавно пришел домой: целый день перевозил клиентов с Лонг-Айленда в Коннектикут.

— О, разумеется! Сейчас у нас полшестого... К семи успеете?

— Ах, конечно! Сэл будет готов за десять минут...

«Мне бы тоже надо принарядиться, — подумала Белл. — Но во что? Позвоню маме, пусть что-нибудь посоветует».

Теперь, когда все свершилось, облегчение от собственного поступка затмило опасения по поводу грядущих неприятностей Сэла в налоговой службе.

— Миссис Гарсия, не потеряйте ту квитанцию. Вам ведь известно, что, если она окажется подлинной, вы получите право на вознаграждение в двадцать пять тысяч долларов?

— Боже мой, — пролепетала Белл. — Я ведь не ведала про вознаграждение!

В понедельник в шесть часов вечера Эмили вела Бесс на поводке к своей машине. Участок, включающий три дома: ее собственный, Мадлен Кирк и Зака Лэннинга, — был огражден кордонной лентой, ограничивая доступ к месту преступления. У обочины стоял вместительный фургон с надписью: «Судебно-медицинская экспертиза». Вдоль всей улицы выстроились полицейские патрульные автомобили.

Смерть соседки глубоко потрясла Эмили, но еще больший шок она испытала оттого, что Зак Лэннинг не только подглядывал за ней, но и тайком пробирался в ее дом. Она сказала Джейку Розену, что ей необходимо проветриться. Джейк проводил Эмили до машины и заверил, что обо всем позаботится. Она и сама понимала: ее жилище подвергнут тщательному осмотру в поисках отпечатков пальцев, электронных устройств и прочих улик, связанных с Заком Лэннингом.

— Постарайся успокоиться, — мягко посоветовал ей Розен. — Тебе и вправду лучше уйти куда-нибудь на пару часов, а когда вернешься, доложу обо всем, что удалось обнаружить. Обещаю ничего не утаить, — добавил он с улыбкой. — Полного разгрома в доме мы тоже устраивать не будем.

— Спасибо, Джейк... Мне непременно нужно знать, и сейчас же, ставил ли он камеры или еще какие-то устройства в моем доме. И не щади меня, если найдешь их. — Эмили натянуто улыбнулась и пробормотала: — До скорого...

Она поехала к зданию суда. Одной рукой поправляя перекинутые через плечо две вместительные спортивные сумки, а другой сдерживая поводок весело семенящей впереди Бесс, Эмили вошла в лифт. Во всей конторе к тому времени осталось лишь несколько сотрудников.

По пути в кабинет Эмили столкнулась с двумя начинающими следователями. Они уже слышали о происшествии и, ласково потрепав Бесс, выразили свое возмущение тем, как поступил Лэннинг по отношению к Эмили и ее пожилой соседке. Проявив сочувствие, они предложили Эмили любую помощь, но она, поблагодарив, отказалась.

— Со мной все в порядке. Хочу отпроситься на пару деньков: сменю дома все замки, да и сигнализация требует обновления — в этом меня лишний раз убеждать не надо. Я и заскочила-то всего на несколько минут. У меня скопилась целая кипа дел, пока я занималась процессом Олдрича. Сейчас в моем доме обыск, но я могу, по крайней мере, выбрать те папки, которые не терпят отлагательств.

— Давай поможем донести их до машины.

— Это было бы очень кстати. Когда закончу — вас позову.

Эмили вошла в кабинет и заперла за собой дверь. И действительно, на столе лежало множество судебных дел, но они-то как раз могли подождать. Эмили намеревалась упаковать и отвезти домой все материалы по делу Олдрича, поэтому и захватила с собой спортивные сумки, в которых, в отличие от пакетов, не видно содержимого. Она собиралась еще раз изучить сотни страниц документов по процессу, вчитаться буквально в каждое слово и понять, что же упустила.

Ей потребовалось около получаса на то, чтобы разобрать и последовательно сложить в сумки все папки. Особый интерес вызывала одна из самых толстых подшивок: копии донесений нью-йоркской полиции об убийстве почти двадцатилетней давности, когда в Центральном парке неизвестный разделался с Джейми Эванс — тогдашней подружкой Натали Райнс, с которой они вместе снимали комнату.

«Это было так давно... Может, мы недооценили важность тех сведений», — думала Эмили, глядя, как коллеги загружают сумки в ее машину.

По дороге домой она размышляла, удастся ли ей сегодня заснуть в собственном доме и

вообще когда она теперь сможет заснуть спокойно.

«Как это унижительно, когда кто-то посягает на твою частную жизнь», — призналась она себе. От обиды ком подступал к горлу, но гораздо сильнее был страх, ведь психопат Зак Лэннинг пока разгуливал на свободе. Тем не менее, только в своем жилище Эмили могла обрести душевное равновесие-

Джейк, увидев ее машину на подъездной аллее, выбежал из дома навстречу.

— Эмили, внутри мы все закончили. Для начала поделюсь хорошей новостью: ни камер, ни подслушивающих устройств, кроме того, что было в кухне, мы не нашли. И плохая новость: везде в доме полно отпечатков Лэннинга, и они полностью совпадают с отпечатками Чарли Муира. Мы обнаружили их даже в подвале, где хранятся инструменты.

— Слава богу, хоть камер нет, — выдохнула Эмили с таким чувством, будто у нее камень с души свалился. — Не представляю, как бы я это пережила... Во всем остальном дело, конечно, плохо. Неужели он спускался даже в подвал и трогал отцовские инструменты? Помню, когда я была маленькой, папа все время что-то ремонтировал. Он так гордился своей мастерской...

— Эмили, теперь послушай меня. Мы оба в курсе, что Лэннинг до сих пор где-то скрывается и что он маньяк, более того, маньяк, заикленный именно на тебе. Если ты твердо решила продолжать здесь жить, мы приставим к дому полицейского, и он будет нести круглосуточное дежурство, пока не поймают Лэннинга.

— Джейк, за эти два часа я совсем извелась. Не представляю, как лучше поступить. Полагаю, можно все же остаться, но полицейский у дома, конечно, не помешает. — Эмили вымученно улыбнулась. — Только попросите его наблюдать и за черным ходом: Лэннинг привык входить в дом со стороны веранды.

— Не беспокойся, Эмили, в местной полиции уже знают, что дежурный должен регулярно осматривать каждый угол.

— Спасибо, Джейк, мне стало легче от твоих слов. Надо будет перезнакомить всех караульных с Бесс, иначе она надоеет своим лаем.

Заметив на заднем сиденье машины объемистые спортивные сумки, Джейк спросил, не отнести ли их в дом. Ему можно было доверять, но Эмили предпочла не распространяться, какого рода документы лежат в сумках.

— Да, пожалуйста, они довольно тяжелые. Я захватила несколько дел и заодно взяла отгул на пару дней. Хочу лично присутствовать при смене замков и обновлении моей никудышной сигнализации, с которой Лэннинг разделался в два счета. Заодно и поработаю спокойно.

В тот же понедельник в полдевятого вечера детектив Билли Трайон привез в прокуратуру некоторые вещественные доказательства убийства Кирк. Он с самого начала присутствовал на месте преступления и не раз побывал во всех трех домах, контролируя сбор улик. Однако основное внимание он сосредоточил на доме и гараже Мадлен Кирк.

После разговора с Эмили на кухне сбежавшего преступника Билли не испытывал горячего желания сталкиваться с ней вновь. Около шести Эмили куда-то отлучилась, и Билли поинтересовался у Джейка Розена, куда она пропала. Джейк ответил, что, по ее собственному выражению, ей захотелось проветриться.

Трайон почти не сомневался: Эмили отправилась в прокуратуру. Кузен Тед поведал ему, что Эмили явилась после суда над Истоном и сообщила о своем намерении поэтапно проследить весь ход процесса Олдрича. Тед в гневе признался Билли, что еще чуть-чуть, и он запретил бы ей тратить попусту время, но быстро опомнился: осторожность говорила ему, что Эмили тоже может не вытерпеть и подать на него этическую жалобу.

— А уж в этом случае — как пить дать! — не видать мне места генерального прокурора, — заключил Уэсли.

Со своего наблюдательного пункта в доме убитой старушки Билли следил, когда же вернется Эмили. Около полвосьмого она, наконец, появилась, и Трайон вновь увидел ее на аллее вместе с Розеном. Билли совсем не нравились ни их частые беседы, ни дружеская манера по отношению друг к другу. Затем Джейк втащил в дом две тяжеленные сумки.

Дождавшись Розена, Билли подозвал его и спросил:

— Что было в сумках Эмили?

— Она отпросилась на два дня и взяла домой несколько дел, чтобы просмотреть их на досуге. А с чего такой интерес?

— Просто у нас с ней ко всему разные подходы, — отрезал Трайон. — Все, я сматываюсь отсюда. Зброшу в контору пакеты с уликами — и домой.

По дороге в прокуратуру Билли кипел от злости.

«Она задумала отменить вердикт и очернить меня! Не на того напала! Ничего у нее не получится! Не позволю испортить жизнь ни себе, ни Теду!»

Поговорив с Белл Гарсия, Майкл Гордон нетерпеливо набрал номер Ричарда Мура.

— Здравствуй, Майк, — обрадованно отозвался адвокат. — Видел тебя сегодня в суде, но подойти не получилось: как только зачитали приговор Истону, я сразу помчался в тюрьму — так спешил поделиться новостями с Гретом. Оптимистические известия ему сейчас не повредят; кажется, впервые после оглашения вердикта мне удалось возродить в нем надежду.

— Это мелочи по сравнению с тем, что нас ждет впереди, — заверил Майкл. — Я потому тебе и звоню. Только что общался по телефону с женщиной, которая кое-что знает об Истоне, и если ее слова — правда, то все обвинение против Грега разлетится на мелкие кусочки!

Передав Муру суть сведений, полученных от Изабеллы Гарсия, Майкл услышал от друга именно то, что ожидал:

— Если эта женщина вменяема и если у нее действительно есть на руках та квитанция и телефонная книжка, то мне удастся добиться освобождения Грега под залог на весь период дальнейшего расследования. — По голосу Ричарда чувствовалось, как он взволнован. — Хотя если все это окажется правдой, то никакого нового расследования не будет. Вряд ли Эмили Уоллес захочет вторично пройти весь путь. Скорее всего, она будет ходатайствовать судье Стивенсу об отмене вердикта и об аннулировании обвинения.

— И я на это надеюсь, — согласился Гордон. — Скоро подъедет моя собеседница с мужем, тогда и выяснится, не напрасны ли наши надежды. Если они привезут то, что обещали, я приглашу их на свое вечернее шоу. Тебя я тоже хочу позвать...

— Майк, я совершенно не против, но сразу предупреждаю, что у меня эти люди вызывают неоднозначные чувства. Не уверен, что смогу удержаться в границах вежливости. Если все завершится наилучшим образом, разумеется, я буду безумно рад за Грега, но, с другой стороны, меня глубоко возмущает этот тип, который до сих пор молчал в тряпочку лишь потому, что боялся, как бы с него задним числом не требовали налоги. Какая подлость!

— Послушай, Ричард, я вполне разделяю твои эмоции. Конечно, они должны были позвонить намного раньше; не сомневаюсь, что ты все это выскажешь им сегодня вечером. Но если ты появишься в студии лишь затем, чтобы их обличить, ты окажешь Грегу плохую услугу. Надеюсь, в твои планы не входит отпугнуть других таких же трусов, которых разные обстоятельства вынуждают молчать?

— Я понял твою мысль, — ответил Мур. — Я не стану их позорить. Возможно, я их даже расцелую. Но все равно с их стороны это низость.

— Гораздо большая низость, если Джимми Истону кто-то помог состряпать его историю, — заметил Гордон.

— Эмили Уоллес на такое не способна, — безапелляционно заявил адвокат.

— Я и не обвиняю лично ее, но давай рассмотрим дело под другим углом: когда все выплывет наружу, разве не придется им выдвинуть Истону обвинение в лжесвидетельстве?

— Конечно, без этого не обойдется.

— Ричард, к гадалке не ходи: если кто-то в прокуратуре или в полиции снабдил Истона нужными сведениями для подкрепления его показаний, то Джимми непременно заложит этого человека. И станет клясться, что ему грозили максимальным сроком за последнюю кражу, если он откажется солгать со свидетельской трибуны.

— Вот чего жду не дожусь! — пылко воскликнул Мур.

— Позвоню тебе сразу, как встречу с супругами Гарсия. Боже, неужели вот оно, спасение? Без десяти семь Белл и Сэл Гарсия прибыли в студию Гордона. Следующие полчаса,

посадив рядом с собой в качестве свидетеля молодого помощника режиссера, Майкл выслушивал их рассказ.

— Это был тяжелый мраморный торшер, — нервно объяснял Сэл. — Я тогда сотрудничал с одним торговцем, который держал на Восемьдесят шестой улице небольшую мастерскую по ремонту старинных вещей. В тот день я нанял в помощники Джимми Истона. Вместе мы отвозили этот торшер. Домоправительница велела нам пронести его в гостиную. Тут зазвонил телефон, и она отлучилась на кухню ответить на звонок. Я дал Джимми указание дожждаться ее и подписать квитанцию о доставке, а сам ушел: мне грозил штраф за двойную парковку. В общем, я оставил Истона одного в гостиной. Сейчас я уже подзабыл, сколько времени он провел в квартире. А на той неделе мне вдруг позвонил мой приятель, Руди Слинг...

«Руди Слинг, — пронеслось в голове у Майкла. — Его жена Рини уверяла, что знает, где работал Истон».

— Руди напомнил, что, когда я перевозил их в Йонкерс, я тоже привлекал Истона и жена Руди, Рини, застала его за обшариванием ящиков комода. То есть Джимми вполне мог открыть у Олдрича тот скрипучий столик. Он наверняка хотел что-нибудь стянуть, пока домоправительница болтала по телефону, а я убежал к своему грузовичку.

Сэл с трудом слотнул и схватил стакан с водой, принесенный секретаршей.

«Руди и Рини Слинг придут ко мне завтра утром, — думал между тем Майкл. — Они смогут подтвердить правдивость его слов. Все совпадает».

Постепенно привыкая к перспективе счастливой развязки, Гордон вдруг поймал себя на неуместной мысли, что они с Грегом все же сыграют в гандбол в спортивном клубе.

Сэл залпом осушил стакан и вздохнул.

— Вот, наверное, и все, Майк. Я был с вами честен. В придачу я захватил несколько квитанций из той же мастерской на доставку других товаров, чтобы вы не сомневались, будто это какая-то фальшивка.

Гордон внимательно изучил подпись домохозяйки на злополучной квитанции и нацарапанное в телефонной книжке имя Истона, а затем бегло просмотрел прочие расписки, предусмотрительно принесенные Сэлом.

«Есть! — ликовал Майкл, с трудом сохраняя профессиональную сдержанность. — Есть!»

Затем он объявил супругам Гарсия, что приглашает их в свое вечернее телешоу.

— Замечательно, — с готовностью отозвалась Белл. — Сэл, как хорошо, что я настояла и ты надел костюм и галстук. И мне мама удачный комплект посоветовала.

Сэл отчаянно замотал головой.

— Нет, ни за что! Белл, ты притащила меня сюда, и я уступил, но на эту передачу, где меня будут осыпать упреками, я идти не собираюсь. Даже не уговаривайте!

— Нет, ты пойдешь, Сэл, — твердо возразила Белл. — Ты ничем не лучше тех, кто предпочитает отмалчиваться в уголке, потому что открывать правду опасно. Ты станешь для них примером, ведь ты совершил серьезную ошибку, а теперь сам же ее исправил. И я тоже хороша: целую неделю подозревала, что Джимми Истон на тебя работал. Надо было уже давно покопаться в твоих коробках! Тогда процесс закончился бы гораздо раньше, и Грегу Олдричу не пришлось бы выслушивать обвинительный вердикт. А все потому, что мы с тобой сильно промедлили. Но люди, я надеюсь, проявят снисхождение. Что бы ты ни решил, лично я поучаствую в шоу.

— Подумайте еще раз, мистер Гарсия, — обратился к Сэлу Майкл. — Вы были в гостиной Олдрича вместе с Истоном в тот самый день, когда он якобы встречался там с Грегом и обсуждал подробности убийства его жены. Истон показал это под присягой, и для многих зрителей важно услышать опровержение из ваших уст.

Сэл покосился на жену, сидящую рядом с ним на диванчике в кабинете Майкла. Вид у Белл был хоть и встревоженный, но упрямый. Она едва сдерживала набегавшие на глаза слезы, потому что сама боялась до смерти.

Сэл нежно обнял жену и сказал:

— Если уж ты готова идти в самое пекло, то я и подавно. Не отпускать же тебя одну!

— Вот и прекрасно! — Гордон вскочил, чтобы пожать гостям руки. — Вы наверняка еще не ужинали. Попрошу секретаршу проводить вас в конференц-зал и заказать еду.

Как только чета Гарсия удалилась, Майкл сразу позвонил Ричарду Муру.

— Мчи сюда на всех парусах! — на подъеме воскликнул он. — Ричард, эти люди не врали!

Квитанция о доставке подписана рукой домохозяйки Грега — той, что скончалась. Мне кажется, я сейчас заплачу.

— Я тоже, Майк, — прерывающимся голосом ответил Мур. — И знаешь что? Я теперь снова верю в чудеса! Выезжаю буквально через пару минут, до города доберусь примерно за час, так что на студии буду задолго до начала передачи. — Изменившимся от волнения голосом он добавил: — Но сначала я отправлю Коула в тюрьму — пусть поведает Грегу, что у нас тут творится! И надо предупредить Элис и Кейти.

— Хотел бы я оказаться рядом с ними в тот момент, когда они услышат радостную новость, — заметил Майкл, вспомнив о другом моменте — об ужасном мгновении в зале суда, когда слово «виновен» повторилось двенадцать раз.

— Мне предстоит сделать еще один важный звонок, — более спокойным и твердым тоном произнес Ричард. — Эмили Уоллес. И если честно, Майк, не думаю, что сильно ее удивлю.

Посмотрев сюжет о себе, Зак выключил телевизор. Его в который раз беспокоило сходство фоторобота со своим нынешним обликом. Зак понимал, что оставаться в домике хоть на минуту опасно. За конторкой у портье он заметил маленький экранчик — очевидно, так старик коротал время в отсутствие наплыва туристов. Неважно, на работе ли портье или уже дома перед телевизором, в любом случае у него может быть включен тот же канал. И приметы маньяка даже его ленивый мозг заставят работать активно.

Фургончик Зака был припаркован на стоянке у домика. К счастью, занося фамилию Зака в регистрационную книгу, портье не спросил номер автомобиля. Если однажды сюда нагрянет полиция, кто-то, возможно, сумеет описать внешний вид фургона, включая его цвет, но ему вряд ли удастся восстановить в памяти номерной знак.

Лихорадочно перебрав в голове разные варианты, Зак наконец решил задернуть шторы, включить кое-где свет — так он сфальсифицирует свое присутствие, по крайней мере, до завтрашнего утра — и не мешкая уносить ноги.

Он безмерно досадовал, что портье обратил на него внимание, ведь иначе домик в этом мотеле обеспечил бы ему относительную безопасность не на одну неделю. Теперь же придется рвануть куда-нибудь в Северную Каролину и искать там спокойное местечко, а через несколько месяцев, когда кипеж утихнет, снова объявиться в Глен-Роке и разделаться с Эмили.

Но тут внутренний голос сказал ему, что удача от него отвернулась и, куда бы он ни поехал, его везде будет преследовать полицейская машина с сиреной и мигалками, а громкий голос из рупора будет принуждать его остановиться.

Заку вспомнилась Шарлотта, не только настоявшая на разводе, но и убедившая судью отдать ей в собственность его, Зака, дом. Ему вспомнились Лу и Вилма: он был так добр к ним! Тем не менее, обе они его бросили...

Сейчас Эмили уже наверняка известно, что он подглядывал за ней и забирался к ней в дом. Зак надеялся, что она догадалась, почему он не уничтожил интерком, установленный на ее кухне: так он давал понять, что они еще встретятся.

Он вполне мог вообразить, что там теперь происходит. «К коттеджу Эмили приставили часового на случай, если я вернусь по ее душеньку. Но ведь я могу настигнуть ее в другом месте. Почему бы мне не подкараулить ее не в доме, а где-нибудь поблизости?»

Имущество Зака так и хранилось в фургоне. Садясь в кабину, он уже знал, что через северную часть Нью-Джерси выберется на Нью-Йоркскую автостраду и остановится в мотеле одной из бесчисленных сонных деревушек на пути к Олбани. Его чрезвычайно порадовала случайно пришедшая в голову мысль. Неделю назад Зак прихватил в доме Эмили нарядную ночную сорочку, судя по всему, неношеную.

«Пусть хоть разок наденет, — подумал Зак. — Наверное, красиво будет смотреться, если ее сначала убить, а потом обернуть этой сорочкой!»

Эмили опустила шторы в кухне и поставила греть воду для макарон.

Она собиралась приготовить калорийный ужин, который сейчас был как раз кстати. Слава богу, что хоть Глэдис заботилась о ней и не давала умереть с голоду!

Домработница, бывало, приносила в пластиковых контейнерах соус или куриный суп домашнего приготовления и ставила в морозилку. Теперь одна из емкостей с соусом размораживалась в микроволновке.

Пока варились макароны, Эмили сделала салат и поставила на поднос, чтобы потом отнести в гостиную. Она решила, что сегодня не стоит повторно разбирать дело Олдрича: слишком свежо потрясение от происшедшего.

«Вчера вечером я шла мимо дома Мадлен Кирк и размышляла, что не хотелось бы к старости превратиться в такую же затворницу. А она уже лежала в багажнике машины, в пластиковых мешках».

Погожий осенний денек обернулся исключительно промозглой ночью. Эмили натянула пижаму, накинула сверху теплый халат и вдобавок включила отопление, но никак не могла до конца согреться. Как же говорила ее бабуля? Да, вот: «Я промерзла до мозга костей». Столько лет прошло, и только сейчас Эмили стала понимать смысл этих слов.

В кухне на полу посапывала Бесс, устроившись на специальной подушке. Вынимая из духовки подогретый итальянский хлеб и наливая в бокал вино, Эмили то и дело посматривала на собачку, словно лишний раз подбадривая себя ее присутствием.

«Если этот ненормальный вернется, Бесс предупредит меня, — успокаивала себя Эмили. — Она всех поднимет на ноги своим лаем. К тому же у дома есть полицейский. Он меня защищает. Мой личный телохранитель. — Эмили улыбнулась. — Чего мне бояться?»

Неожиданно ее пронзила мысль, как бы Бесс, чего доброго, не обрадовалась Заку. «Вдруг она вообразит, что он собирается взять ее на прогулку? Он ухаживал за ней, когда я ездила к папе и потом к Джеку. Да уж, услужливый сосед...»

Вспомнив, как Зак сидел на веранде в полной темноте с Бесс на коленях, Эмили невольно поежилась и подумала: «Мне просто повезло, что он не убил меня в ту ночь».

По кухне распространился аппетитный запах томатного соуса маринара. Спагетти тоже сварились. Эмили откинула их на дуршлаг, отделила порцию и положила ее на тарелку, затем вынула контейнер из микроволновки, щедро зачерпнула из него и выложила душистый соус на макароны.

В гостиной она поставила поднос на широкий сервировочный стол, подкатила его к своему любимому креслу и села ужинать. Бесс пробудилась от перемещений хозяйки, посеменила вслед за ней и улеглась рядом с ее креслом.

На часах было без десяти восемь. «Посмотрю что-нибудь подходящее, пока не начались "Кулуары", — решила Эмили. — Сегодня эксперты, скорее всего, будут обсуждать выходку Джимми Истона. А потом в новостях наверняка покажут массу материалов о Заке Лэннинге».

«Джимми Истон и Зак Лэннинг — отличная подборка для вечернего развлечения, — иронизировала Эмили, неторопливо наматывая на вилку спагетти. — Майкл Гордон тоже был на суде. Он наверняка включит фрагмент выступления Истона в свою программу. "Я выполнил то, чего от меня требовали..." Что же из показаний Истона по делу Олдрича — чужая подсказка?»

Ее взгляд время от времени падал на объемистые спортивные сумки с документацией по процессу, приставленные к стене в столовой. «Завтра с утра пораньше ими займусь», — пообещала она себе.

Зазвонил телефон. Сначала Эмили хотела включить автоответчик, но потом рассудила, что это может быть отец. «Конечно же, он слышал о Мадлен Кирк, и теперь тревожится обо мне...»

Но в трубке раздался голос не ее отца, а Ричарда Мура.

— Эмили, мне известно о серийном убийце, который расправился с вашей соседкой, а Коул выяснил, что маньяк, оказывается, охотился и за вами. Искренне сочувствую; наверное, вы пережили массу неприятных минут...

— Вы очень деликатно выразили мое состояние, Ричард. Конечно, мне пришлось несладко. Теперь у моего дома постоянно дежурит полицейский.

— По-моему, очень благоразумно. Эмили, я настоятельно советую вам посмотреть сегодня «В судебных кулуарах».

— Я и сама собиралась. Полагаю, передача будет целиком посвящена моему свидетелю, Джимми Истону.

— Кому, как не ему. Но речь пойдет не только о том, что произошло сегодня в суде. Майк пригласил в студию человека, который может доказать, что накануне убийства Натали Джимми Истон работал на доставке и помогал отвозить торшер по адресу Олдрича.

После некоторого замешательства Эмили спокойно произнесла:

— Если так, то я хочу видеть этого человека завтра утром у себя в кабинете. Желая лично взглянуть на его доказательства. Если они подлинные, Грега Олдрича выпустят под залог, и мы начнем все сначала.

— Другого ответа я и не ждал от вас, Эмили.

Меньше чем через час, обняв Бесс и едва притронувшись к ужину, Эмили внимательно следила за событиями в программе «В судебных кулуарах». Когда шоу закончилось, она перешла в столовую, зажгла свет и вынула папки из первой сумки.

Спать в ту ночь она не ложилась.

Во вторник в семь утра заключенные Ньюаркской тюрьмы потянулись на завтрак. Свою первую ночь здесь Джимми Истон спал плохо.

Местные обитатели уже начали задирать его, обзывать стукачом.

«Ты родную мать продашь с потрохами!» — крикнул ему один из зэков.

«Уже продал», — подхватил второй.

«Позвоню Муру, как только меня допустят к телефону, — храбрился Джимми. — Конечно, стоит мне развязать язык, как меня сразу же попытаются обвинить в лжесвидетельстве. Они бы с радостью упрятали меня подальше, чтобы избежать огласки, но я еще нужен им как свидетель. Мур заставит их прислушаться к моим словам. А когда я выставлю всех прокурорских идиотами, здешним корешам будет хорошая потеха и они перестанут допекать меня».

Аппетита у Истона не было, но он все-таки впихнул в себя завтрак: овсянку, тосты, сок и кофе. Он не общался с соседями по столу. Или они с ним не общались. Ну, это их право.

В камере ему вдруг стало плохо. Джимми улегся на койку, но боль в желудке не отступала. Он закрыл глаза и подтянул колени к животу — внутри словно пылали угли, прожигая внутренности насквозь.

— Охранник, — слабым голосом позвал он. — Охранник!..

Джимми догадался, что его отравили. Напоследок он успел подумать, что ему все же урезали срок.

Тем же утром, в девять часов, состоялась встреча в кабинете прокурора Теда Уэсли. Адвокаты Муры привели туда супругов Гарсия, чтобы те повторили свою историю. Ричард представил Теду и Эмили ту самую квитанцию и телефонную книжку.

— У нас также имеются письменные показания супружеской четы Слинг из Йонкерса, — добавил он. — Около трех лет назад Джимми Истон помогал мистеру Гарсия перевозить Слингов на нынешнее место жительства, и миссис Слинг видела, как Истон рылся в ящиках их комода, вероятно, с воровскими намерениями.

«Вчера на передаче все проявили к нам участие, — вспоминала между тем Белл. — Но от Рини я такого не ожидала! Они знали, что Истон работал у Сэла, и решили пожить за наш счет. Вот так друзья! — Белл презрительно фыркнула. — А Сэл еще перевозил их бесплатно на новое место, когда им пришлось срочно освободить квартиру, а денег не было. Майк сказал, что Рини в любом случае получит некоторую сумму от вознаграждения, поскольку Истон пытался их обворовать, а это важно для дополнения его характеристики».

Белл отметила про себя, что Эмили Уоллес в жизни даже привлекательнее, чем на телеэкране. «Сколько же ей пришлось пережить, бедняжке... Гибель мужа на войне, пересадка сердца, да еще сосед-маньяк, который следил за ней! Наверное, она необычайно сильная женщина. Надеюсь, ей зачтутся все труды, ведь ее вины здесь нет. Она вкалывала, чтобы отправить за решетку Грега, поскольку такова ее работа. К тому же она так обходительна с нами — другой бы не помнил себя от злости, что вся работа по делу пошла насмарку!»

«Но кое-кто действительно очень зол, — заметила позже Белл, — и этот кое-кто — прокурор! Можно подумать, будто мы для него — те же преступники! Едва поздоровался с нами, когда мы вошли». Да, прокурор Белл действительно не понравился.

Ей уже было известно, что Тед Уэсли ждет назначения на пост генерального прокурора страны. А как он зыркал на Эмили, когда та спрашивала его дозволения обратиться к судье Стивенсу и ходатайствовать об освобождении Грега Олдрича под залог!

«Хорошо бы теперь встретиться с Греггом, — вздохнула про себя Белл. — Но он, наверное, и слышать о нас не захочет, хотя мы в конце концов сказали правду. Может, послать ему письмо с извинениями? Или красивую открыточку с надписью, к примеру: "Думаю о Вас"?»

Прокурор Уэсли между тем ответил:

— Мы согласны на освобождение под залог. Но, Ричард, пусть даже Джимми и врал о предлоге, из-за которого он оказался в квартире Олдрича, это вовсе не значит, что Олдрич не подстрекал его к убийству Натали Райнс.

«Он что, смеется?» — пронеслось в голове у Белл. Она ясно видела, что замечание прокурора вызвало приступ безудержного гнева у адвоката, все лицо которого побагровело.

Но Мур нашел что возразить:

— Очень сомневаюсь, что здравомыслящий человек поверит, будто Джимми Истон в три часа дня доставил на квартиру Олдрича торшер, а через час вернулся за авансом, причитающимся ему за убийство.

— И пусть! — вспыхнул Уэсли. — Не забывайте, что Грег Олдрич до свидетельства Истона являлся единственным подозреваемым по этому делу, и я готов биться об заклад, что он до сих пор таковым и остается, и по праву!

«Он ни за что не признается в ошибке», — подумала Белл, глядя на прокурора.

Эмили встала. «Какая она изящная! — восхитилась Белл. — И красный пиджак так идет к ее темным волосам. Под пиджаком водолазка — интересно, большой ли шрам после операции

на сердце?»

Тут Эмили как раз обратилась к ней и к Сэлу:

— Понимаю, сколько мужества вам потребовалось для признания. И очень рада за вас. — Затем она посмотрела на Ричарда Мура. — Уверена, что судья Стивенс сейчас на месте. Мы можем, не откладывая, отправиться к нему в кабинет и обо всем договориться. Я заранее позвоню в тюрьму и попрошу привезти мистера Олдрича, тогда мы сможем предъявить ему официальное заключение о выпуске под залог.

Для прокурора, впрочем, Эмили выбрала совершенно иной тон:

— Вы уже в курсе, что я беру отгул на два дня. Я рассчитываю провести их у себя дома, поэтому в случае необходимости звоните. И на сотовый можете звонить в любое время.

Белл заметила, что прокурор притворился, будто вовсе не слышал этих слов.

«Надо же! — изумилась она. — Вот с кем я бы точно не сработалась!»

В пол-одиннадцатого утра судья Стивене освободил Грега Олдрича под залог, и через сорок пять минут, обрадовав по телефону Элис и Кейти, бывший заключенный уже пил кофе с Ричардом Муром в закусочной неподалеку от здания суда.

— Сколько я там провел, Ричард? Часов девяносто? Выходные совсем не помню, но эти девяносто часов были самыми долгими в моей жизни...

— Догадываюсь... Но больше ты туда не попадешь, Грег, можешь на это рассчитывать.

— Могу ли? — утомленно произнес Грег. — Вот в чем вся проблема. Теперь я снова главный подозреваемый в убийстве Натали. И для полиции я навсегда останусь неблагонадежной личностью. И почему бы кому-то другому не выдумать про меня очередную нелепость? Я ведь до сих пор не восстановил полностью те два часа, которые бегал в день убийства Натали. У меня нет ни единого свидетеля, кто видел меня в парке. Вдруг какой-нибудь сосед из Нью-Джерси заявит во всеуслышание, что заприметил меня в то утро в Клостере у дома Натали или мою машину на подъездной аллее? Тогда что? Новый процесс?

Ричард встревоженно посмотрел на клиента.

— Грег, ты имеешь в виду, что твое пребывание в Нью-Джерси в тот день возможно?

— Нет, совсем не это! Речь о том, что я совершенно не защищен от ударов. Мне надо было лучше смотреть по сторонам в то утро, но меня так беспокоило состояние Натали, что я не замечал ничего и никого вокруг.

— Грег, не терзайся понапрасну страхами, что откуда ни возьмись явится свидетель, который якобы застал тебя в тот день у дома Натали...

Мур чувствовал, что его слова неубедительны даже для него самого. «Хоть и маловероятно, но все же возможно», — подумал он.

— Ричард, выслушай меня! Со свидетельской трибуны я сообщил, что заглянул в окно дома Натали на Кейп-Коде и понял, как сильно она чем-то расстроена. Она сидела на диване, сжавшись в комок. Пока я ехал домой, я с ума сходил от беспокойства, хотя уже тогда был близок к мысли, что надо ее отпустить. Мне надоели наши драмы. Тогда, по пути в Нью-Йорк, мне вдруг вспомнилось, сколько радости приносила Кэтлин, и я осознал, что мне очень не хватает именно таких отношений...

— Может, стоило признаться в этом на суде, — вставил Мур.

— Но какой бы эффект это произвело? Ричард, вчера, пока я сидел в камере, у меня было предостаточно времени для размышлений. Вдруг Натали кто-то действительно угрожал? Мужчину, с которым она будто бы встречалась, никто в глаза не видел — может, его вовсе не существовало. Может, она его придумала, чтобы я отвязался. Но если предположить, что у нее и вправду была связь, не этот ли мужчина ждал в засаде у ее дома в то утро, когда она вернулась к себе?

— Грег, но что нам это дает?

— Сейчас объясню. Конечно, я не денежный мешок, а ты, при всем моем к тебе уважении, — удовольствие не из дешевых. Зато у тебя есть свой частный детектив Бен Смит. Он на тебя работает, верно?

— Да.

— Так вот, я заплачу или ему, или любому другому на твой выбор, чтобы поднять это дело и начать его с нуля. Мне надоело быть неблагонадежной личностью. Я почувствую полную свободу, только когда посадят настоящего убийцу, а меня реабилитируют.

Мур допил остатки кофе и попросил счет.

— Грег, что касается незащищенности от ударов, тут ты совершенно прав. Бен уже пытался расследовать возможные увлечения На-тали, но все впустую. Однако если эти Гарсия до сих пор хранили в чулке спасительную информацию, то и другие могут поступать точно так же. Мы сегодня же приступим к поискам.

Олдрич через стол подал ему руку.

— Ричард, мне очень приятно, что мы с тобой сошлись во мнениях, — в противном случае за кофе мы бы больше не встретились. А сейчас мне надо домой, расцеловать свою девочку, обнять Элис и принять самый продолжительный душ в своей жизни. Боюсь, тюремный запах прочно въелся мне в кожу.

«Странно, но усталости совершенно не ощущается, — удивлялась Эмили, ведя машину по Уэст-Сайдской магистрали Манхэттена. — Итак, вполне возможно, нет никакой связи между этими двумя убийствами: Натали и ее соседки по комнате Джейми Эванс, на которую двадцать лет назад напали в Центральном парке. В полиции сочли, что она стала жертвой того же преступника, который на том же месте ограбил еще трех женщин. Но жизни лишилась только Джейми...»

Элис Миллз считает, что убийства двух подружек не связаны; возможно, она права. Натали даже ни разу не встречала ухажера Джейми, лишь однажды видела его фото в кошельке у Джейми и не смогла ответить, был ли снимок там же во время гибели Джейми...»

Два с половиной года назад, в самом начале следствия по делу об убийстве Натали Райнс, в окружную прокуратуру Манхэттена отправился Билли Трайон. Он должен был изучить материалы дела по Джейми Эванс и выяснить, есть ли между двумя преступлениями хоть отдаленная связь. Билли скопировал наиболее существенные документы и привез их в Нью-Джерси; в их числе оказался и фоторобот подозреваемого, составленный по описаниям Натали на основе снимка, хранившегося в бумажнике Джейми. Это был мужчина чуть за тридцать, с удлинненными белокурыми волосами. Его интеллигентная внешность располагала к себе, густые брови оттеняли миндалевидные карие глаза, прятавшиеся за линзами без оправы.

Окружная прокуратура находилась на Нижнем Манхэттене, в доме номер один по Хоган-плейс. Эмили оставила машину в парковочном гараже и по оживленным улицам отправилась по означенному адресу. Она заранее предупредила главу сысского отдела о своем посещении, и тот выделил ей в помощь опытного детектива Стива Мерфи, который к ее приходу должен был принести из архива документы по делу Эванс и принять участие в их разборе.

Дежурный в приемной связался по интеркому с Мерфи, тот подтвердил договоренность о встрече, и Эмили без затруднений преодолела пост охраны. Детектив ждал ее на десятом этаже, прямо у лифта. Мерфи оказался приятным на вид мужчиной лет пятидесяти со стрижкой «ежиком». Он радушно улыбнулся коллеге.

— Неужели у вас в Нью-Джерси мало своих преступлений, раз вы приезжаете к нам помогать в делах двадцатилетней давности? — добродушно осведомился он.

— Преступлений у нас в Нью-Джерси больше чем достаточно, — охотно поведала Эмили детективу, который сразу пришелся ей по душе. — Милости просим к нам, если будет желание.

— Я отнес материалы по делу Эванс в кабинет рядом с дежурным постом.

— Отлично.

— Я заглянул в них, пока вас дожидался, — продолжал Мерфи, ведя Эмили по коридору. — Мы предположили, что это было ограбление, повлекшее за собой смерть. Вероятно, жертва отказалась что-то отдавать преступнику. Три другие женщины подверглись нападению в том же парке и примерно в тот же период времени. Однако погибла только Эванс.

— Это меня и смущает, — отозвалась Эмили.

— Ну, вот мы и на месте. Апартаменты, конечно, не королевские...

— Поверьте, у нас не лучше.

Мерфи привел ее в небольшое помещение, скудную обстановку которого составляли обшарпанный письменный стол, два колченогих стула и шкаф с картотекой.

— Дело Эванс на столе, располагайтесь. Можно будет скопировать любые документы. Я вернусь буквально через минуту: надо позвонить в пару мест.

— Да-да, пожалуйста. Обещаю, что надолго вас не задержу.

Эмили пока сама не понимала, что конкретно ищет. Она вспомнила анекдот, где слушалось дело о порнографии, и судья постановил: «Степень вины пока не определена, но при просмотре все станет ясно».

Она быстро пролистала пачку протоколов, подшитых к делу. С некоторыми донесениями от детективов она ознакомилась заранее, поскольку их привозил Билли Трайон. На Джейми Эванс напали ранним утром и задушили, а тело оттащили подальше от тропинки, за частый кустарник. С трупа сняли часы, кулон и кольцо, а из бумажника, оставленного тут же, на траве, пропали деньги и кредитные карточки. Впоследствии преступник ни разу не воспользовался кредитками Эванс.

После этого убийства Натали Райнс, соседка Эванс по комнате, описала полицейским приметы человека на фотографии, которую она однажды заметила в бумажнике подруги. Как некогда признавалась сама Джейми, она тайком встречалась с женатым мужчиной, который обещал развестись. Натали была уверена, что неизвестный воздыхатель, которого она ни разу не видела, и чье имя было ей неизвестно, просто-напросто обманывал Джейми.

Натали упорно настаивала на том, что этот загадочный любовник Джейми мог стать виновником ее гибели; в конце концов детективы прислушались к ней и отвезли в прокуратуру, где и составили фоторобот подозреваемого.

«Итак, все зря, — подумала Эмили. — Все это я уже читала...»

Однако стоило ей взглянуть на рисунок, сделанный полицейским художником, как во рту у нее пересохло. Фоторобот в папке, которую привозил Билли Трайон, был совершенно другим. Сейчас она увидела тридцатилетнего голубоглазого красавца с прямой линией носа и губ и роскошной темно-каштановой шевелюрой. Мужчина на фотороботе определенно напоминал молодого Билли Трайона.

Ошеломленная Эмили рассматривала рисунок, под которым значилась короткая приписка: «Можно опознать по прозвищу Джесс».

Меж тем вернулся Стив Мерфи.

— Нашли что-нибудь полезное?

Эмили постаралась не выдать голосом своего волнения и показала набросок.

— К моему глубокому сожалению, в документы вкралась ошибка. У нас хранится совершенно другое изображение. Уверена, что оригинал, сделанный вашим художником, находится у вас же.

— Конечно. Вы сами знаете, каков порядок: сначала снимают описание примет, а затем размножают копии. Можно сравнить с оригиналом, это без проблем, но, по-моему, если и произошла путаница в документах, то она случилась у вас. Я работал на этом убийстве и отчетливо помню, что это тот самый рисунок. Желаете еще что-нибудь скопировать?

— Всю подшивку, если вам не трудно.

Мерфи удивленно взглянул на Эмили и резковато спросил:

— Вы обнаружили что-то такое, что поможет распутать дело?

— Пока не знаю, — уклончиво ответила Эмили.

Дожидаюсь, когда все материалы дела будут скопированы, она задалась сразу несколькими вопросами. Что еще не привез тогда Билли Трайон? Мог ли он быть тем загадочным любовником, которого Натали подозревала в убийстве подруги? Виделся ли когда-нибудь Билли с Натали Райнс? И если да, то не в этом ли объяснение, что он подсунул Джимми Истону убедительную выдумку, из-за которой Грега Олдрича осудили за убийство Натали?

«Кажется, все начинает обретать смысл, — заключила Эмили. — Картина целиком пока неясна, но отдельные части уже встают на место».

«Нигде не спрячешься лучше, чем в собственном доме».

Во вторник утром эта мысль поразила Зака, словно громом. Он знал всю процедуру задержания. Полицейские ворвутся к нему, как ураган. Он ясно представлял, как они с винтовками наперевес переходят крадучись из комнаты в комнату, а затем убираются восвояси, разочарованные тем, что большая рыба сорвалась с крючка...

Зак мог немного переждать в очередном заштатном мотеле, расположенном в тридцати милях к северу от Глен-Рока, но его терзала тревога: как бы слишком любопытный зять Генри Линка не обратился в полицию по поводу фургона. Прошлой ночью Заку удалось отоспаться как следует; владелец мотеля, шаркающий ногами старик с толстенными линзами очков, ни за что не додумался бы сопоставить его внешность с изображением на экранчике портативного телевизора. Только что толку, если фургон уже объявили в розыск и все копы в радиусе ста миль пристально его выслеживают?

У Зака по-прежнему оставалась альтернатива немедленно уехать в Северную Каролину и попытаться раствориться в потоках желающих осесть на этой территории, однако потребность возвратиться к Эмили перевешивала все. Зак решил, что проведет в мотеле еще одну ночь, заплатит за несколько суток вперед, а фургон оставит на стоянке. Утром он доедет автобусом сначала до Нью-Йоркского автобусного терминала, а затем, ближе к ночи, — до Глен-Рока.

Он проберется огородами к своему бывшему съемному жилищу и, если замки остались прежние, воспользуется запасными ключами от дома. Можно войти с черного хода и переждать внутри. Понятно, что у дома соседки выставлена охрана — Заку ли этого не знать! Эмили, конечно же, успела сменить все замки. Тем не менее, она всегда открывает дверь веранды, когда перед сном выпускает Бесс на задний дворик.

Болонка при его появлении непременно залает, но он загодя купит ей излюбленное лакомство и подбросит пару кусочков. И всегда- то ему приходится действовать нахрапом!..

План получился отменный, и Зак понимал, что ему вполне по силам его осуществить.

Из окружной прокуратуры Эмили направилась прямо домой.

«Если я хочу абсолютной уверенности, надо быть предельно скрупулезной, — размышляла она по дороге. — Какие еще документы проигнорировал Билли? Какие открытия еще предстоит сделать?» Эмили собиралась страницу за страницей, слово за словом сравнить протоколы, привезенные два с половиной года назад Трайном, с делом об убийстве Джейми Эванс, скопированным в окружной прокуратуре. Фотороботы в них оказались абсолютно разными. Стив Мерфи утверждал, что во время следствия по делу Эванс составляли всего один фоторобот, и что именно его изучала Эмили сегодня утром.

Выехав на свою улицу, она увидела, что коттедж Мадлен Кирк по-прежнему огражден желтой кордонной лентой, зато с фасадов съемного дома Зака и ее собственного ленты уже сняли. «Жду не дождусь, когда туда въедет новый жилец, — утомленно подумала Эмили. — Кто бы туда ни вселился, по сравнению с бывшим обитателем он будет просто подарком».

Она помахала полицейскому, сидевшему в патрульной машине на повороте к подъездной аллее, и призналась себе, что сам факт его присутствия чрезвычайно ободряет. Слесарь и сотрудники фирмы по установке сигнализации ожидали во второй половине дня: накануне она нарочно пригласила их прийти попозже, чтобы в спокойной обстановке еще раз просмотреть дело Олдрича.

Но вчерашний звонок Ричарда все изменил. До него Эмили не могла даже помыслить, что ближайшим утром явится в кабинет к Теду Уэсли, а затем пойдет ходатайствовать за Грегга Олдрича об освобождении его под залог. А когда ехала в Нью-Йорк, то никак не ожидала найти подтверждение тому, что ее коллега подделывает улики.

Эмили припарковала машину и скрылась в доме. Бесс встретила ее громким приветственным лаем.

— Заливайся сколько угодно, Бесс, — весело сказала Эмили, подхватывая болонку на руки. — Но гулять мы сейчас не пойдем. Выпущу тебя на задний дворик, и этим пока ограничимся.

Она отодвинула засов, запирающий дверь веранды, и вышла на ступеньки, глядя, как Бесс кругами носится по дворику, поднимая в воздух опавшие листья. Небо, обещавшее яркий солнечный день, неожиданно заволокло тучами. Собирался дождь.

Эмили выждала минут пять и позвала:

— Бесс, а угощение?

«Всегда срабатывает», — с улыбкой подумала она, видя, как собачка резво бежит назад. Тщательно задвинув засов, она дала питомице обещанное лакомство, после чего включила чайник. Эмили чувствовала, что ей просто необходимо встряхнуться.

«Если сейчас я не выпью кофе, то засну стоя. К тому же и аппетит вернулся: вчера вечером я так и не поужинала. А все Ричард со своим звонком».

Благодаря воскресному походу за продуктами холодильник был забит до отказа. Эмили выбрала сэндвич с сыром и ветчиной. Соорудив его и налив себе кофе, она села на кухне, собираясь наскоро перекусить. Со второй чашкой кофеин начал оказывать свое бодрящее действие. В голове у Эмили прояснилось, она стала планировать дальнейшие действия.

Она наперед знала, что произойдет, если попытаться припереть Билли к стенке, показав фоторобот, привезенный из Нью-Йорка. «Он сразу разорется и станет с пеной у рта доказывать, что положил в дело Олдрича совсем другой рисунок и их наверняка перепутала какая-нибудь тупица-секретарша. Но откуда у нас взяться двум наброскам из манхэттенской прокуратуры, к тому же с одинаковой датировкой примерно двадцатилетней давности, если только Билли не

отвез потом один обратно? Он точно так же может заявить, что добытый мной фоторобот действительно похож на него, как и на множество других людей; затем он язвительно подчеркнет, что художник составлял фоторобот со слов женщины, которая даже не видела пресловутого злоумышленника. Если же отправиться прямо к Теду, то он, учитывая нашу размолвку после выходки Джимми Истона, чего доброго, сделает вывод, что я сама перепутала наброски».

«Я взвесила все варианты, — заключила Эмили. — Итак, Билли Трайон по дороге из Нью-Йорка в Нью-Джерси по неизвестной причине вынул из дела рисунок, а затем подменил его на другой, созданный специально с этой целью. Подделка улик налицо. Он не предполагал, что я лично наведаюсь в Нью-Йорк и увижу портрет своими глазами. А я наведальась... Как бы там ни обернулось впоследствии, сначала я распутая этот случай, а затем еще раз подниму все дела, которые расследовал Трайон и где на него поступали жалобы. И пусть его двоюродный брат, наш будущий генеральный прокурор, говорит все, что угодно!»

В дверь позвонили; Бесс заливисто залаяла. Эмили открыла с болонкой на руках. Это был слесарь, человек лет шестидесяти, в джинсах и толстовке с футбольной эмблемой «Джайентс».

— Кажется, вы просили все в доме проверить, мэм? И двери, и окна?

— Да. И мне нужен самый надежный замок.

— Это совсем не роскошь: в наши дни без таких замков никуда. Уж я это точно знаю. Подумать только, что сотворили с вашей соседкой! Бедная старушка... Судачат, будто маньяк-убийца влез в заднее окно, и все дела, ведь сигнализации-то у нее не было.

— Мне сегодня поставят новую, — ответила Эмили. — Электрик скоро придет. Хочу вас познакомить со своей болонкой, иначе она не даст вам спокойно работать.

Слесарь с любопытством уставился на Бесс.

— В былые времена собака в доме считалась самым надежным сторожем. — Он потрепал болонку за ушами. — Привет, Бесс, я тебя не боюсь.

Эмили вернулась на кухню, положила грязные тарелки в посудомоечную машину, а затем, не желая составлять общество слесарю — как ей показалось, любителю поболтать, — поднялась и закрылась в спальне. Переодеваясь в слаксы и свитер, она снова так и этак прикидывала, насколько мог быть замешан Билли Трайон не только в подтасовке фактов в деле Олдрича, но и в гибели Джейми Эванс.

«Может ли получиться, что Билли Трайон и есть тот загадочный друг Джейми? Он, без сомнения, похож на мужчину, которого Натали Райнс описывала полицейскому художнику. Билли дважды разведен, и, по слухам, обеим бывшим супругам осточертели его амурные дела. Джейми Эванс была молоденькой актрисой. И в конторе сплетничают, что Билли выбирает себе подружек сугубо из сферы шоу-бизнеса. Да что там! На прошлой неделе я сама встречалась с одной из них. Билли с самого начала возглавил расследование убийства Райнс. Тогда и выяснилось, что много лет назад кто-то зверски расправился с ее подругой. Билли вызвался лично съездить в Нью-Йорк и в одиночку изучил дело Эванс. Если он и есть убийца Джейми, то при виде рисунка он, вероятно, обезумел от страха и решил его заменить еще до того, как привез документы в контору».

Снова зазвонили в дверь. На этот раз пришли из компании по установке сигнализации. Представив электриков своей неугомонной Бесс, Эмили решила, что в такой обстановке о серьезной работе не может быть и речи.

«У меня все тело ломит, — подумала она. — Попробую записаться на массаж. Итак, что дальше? Единственная возможность — попытаться выяснить, знает ли кто-нибудь Билли под прозвищем Джесс. Есть еще одна зацепка, которой следует воспользоваться. Если Натали Райнс была и вправду чем-то крайне удручена — а об этом обмолвился на суде Грег Олдрич,

признаваясь, что заглядывал в окно ее дома на Кейп-Коде, — возможно, именно поэтому после финального представления "Трамвая" она сорвалась на ночь глядя. Не для того, чтобы от всех отделаться, а убегая от кого-то, кто ее сильно напугал. Есть только один человек, который помог бы мне прояснить этот вопрос, — мать Натали. А ведь я ни разу не поинтересовалась, неужели ее не удивил столь внезапный отъезд дочери...»

Но не успела Эмили набрать номер Элис Миллз, как мобильник сам зазвонил. В трубке раздался голос Джейка Розена:

— Эмили, нам только что сообщили из Ньюарка — Джимми Истон умер.

— Умер?! Джейк, что с ним случилось?

Ей ясно вспомнился Джимми, всего сутки назад сетовавший судье на то, что боится возвращаться в тюрьму, потому что там его считают стукачом.

— Утверждают, что его, скорее всего, отравили. Аутопсия покажет. — Джейк помолчал и добавил: — Эмили, ты понимаешь не хуже меня, что серьезные проблемы нам из-за этого обеспечены. Кто-то решит, что ему отомстили за сотрудничество с властями, но найдутся и те, кто подумает, будто с Истоном разделались, чтобы он не болтал лишнего о деле Олдрича.

— И будут правы, — заметила Эмили. — Сколько подсудимых идут на сотрудничество, уменьшая себе срок, но благополучно остаются в живых. Джейк, даю голову на отсечение, что тут не обошлось без Билли Трайона.

— Боже мой, Эмили, давай поаккуратней! Ты же не собираешься кричать об этом на каждом углу?

— Ладно, — согласилась Эмили, — считай, что я этого не говорила, а я останусь при своем. Джейк, держи меня в курсе дел, хорошо? Наверное, мне стоило бы прийти на работу, но у меня другие планы. Мне и так есть чем заняться. Пока.

Затем Эмили набрала четыре-один-один. Она знала, что номер Элис есть в манхэттенской справочной, которой воспользоваться гораздо легче, чем спускаться на первый этаж и рыться в материалах дела. Пока она нажимала кнопки, ее вдруг осенило: «Подожди-ка, вспомнила! Двести двенадцать-пятьсот пятьдесят пять — сорок два-тридцать семь!»

Набирая номер, Эмили радовалась тому, что никогда не страдала забывчивостью. «У меня и вправду поразительно хорошая память. Но вполне возможно, что я попаду в какую-нибудь химчистку».

После трех звонков включился автоответчик: «Вы позвонили Элис Миллз. Меня можно застать по номеру двести двенадцать-пятьсот пятьдесят пять — восемьдесят четыре — пятьдесят шесть».

«Наверное, она сейчас в квартире Олдрича вместе с Кейти», — решила Эмили.

Перед ее глазами живо предстал тот день, когда Элис Миллз в траурном костюме впервые появилась у нее в кабинете и села у стола, скорбная, но спокойная. Тогда Эмили обняла ее на прощание — ей так хотелось избавить Элис от страданий.

Удивляясь невероятной игре случая: ей приходится звонить подсудимому, для которого она недавно добилась обвинительного вердикта, и дело которого до сих пор не закрыто, — Эмили набрала указанный номер и услышала электронный голос, известивший о том, что никого нет дома, и предлагавший оставить сообщение.

«Элис, это Эмили. Мне очень нужно с вами пообщаться. На суде Грег утверждал, что Натали показала ему чем-то напуганной. Вы сами никогда не упоминали об этом и, возможно, с ним не согласны. Я вдруг подумала, что Натали уехала на Кейп-Код сразу после заключительного спектакля. Конечно, ее коллеги по театру тоже давали показания, но мне хотелось бы еще раз обсудить этот момент. Возможно, там мы отыщем очень важные для нас ответы».

Эмили пока лишь робко предположила, что Билли Трайон крутил роман с какой-нибудь

актрисой, занятой в «Трамвае "Желание"», и в тот вечер случайно столкнулся в театре с Натали. А она, хоть и минуло столько лет, узнала его...

Тут опять зазвонил мобильник. На этот раз ее беспокоила секретарша Теда Уэсли. Натянутым голосом она произнесла:

— Эмили, прокурор срочно требует вас к себе в кабинет. И он велел привезти обратно все документы, которые вы забрали из офиса.

Через сорок пять минут Эмили, Билли Трайон и Джейк Розен собрались в кабинете у Теда Уэсли. Прокурор, побелев от гнева, разглядывал их, не в силах скрыть свое презрение.

— Позвольте заметить, что я в жизни не сталкивался с большей небрежностью, неорганизованностью, беспечностью и бесполезностью в действиях, которую вы трое мне с успехом продемонстрировали! Билли, признайся, ты хоть как-то помогал Джимми Истону сострять историю, которую он столь убедительно изложил со свидетельской трибуны?

— Нет, Тед, не помогал. — Билли держался как-то несмело. — Впрочем, постой-ка. Если быть до конца точным, то, когда Истон рассказывал о письме к Олдричу, в котором он отказывался от сделки и уведомлял о том, что не собирается возвращать те пять тысяч долларов, которые Олдрич уже выдал ему, я вскользь обронил, что это напоминает невозмещаемый аванс. Он рассмеялся, а позже повторил мою шутку на суде.

— Я не об этом, — отрезал Уэсли. — Ты подтверждаешь, что он всучил тебе на допросе уже готовую версию, вплоть до деталей?

— Конечно, — уверенно ответил Трайон. — Тед, прислушайся к фактам хоть ты, если Эмили не желает. В первую же минуту, когда Истон попался на грабеже, он заявил местным копам, что располагает сведениями по делу Олдрича. Коллеги позвонили нам, и я немедленно помчал к ним в участок. Все его слова подтвердились. Истон встретил Олдрича в баре. Олдрич действительно звонил на его номер. Джимми описал квартиру Олдрича. Он знал даже о печально известном скрипучем ящике!

— Естественно, он знал о ящике, — вмешалась Эмили. — А теперь появился мистер Гарсия, который утверждает, что нанимал Истона, они вместе доставляли в квартиру Олдрича торшер, и в определенный момент Джимми остался один в гостиной. Вероятно, он пытался что-то украсть из столика, выдвинул ящик и услышал скрип. А как насчет того якобы отправленного им письма, содержание которого вы помогли подкорректировать? Разве само это письмо не ваша выдумка от начала и до конца? Оно очень украсило образ Джимми и придало вес его показаниям.

Билли открыл, было, рот, но Тед Уэсли уже обратился к Джейку Розену:

— Ты тоже выезжал на задержание Истона. Твои комментарии.

— Сэр, — начал Розен. — Я с самого начала присутствовал при первом допросе Истона в полицейском участке в Олд-Таппане. Билли его не натаскивал. — Он посмотрел на Эмили. — Давай начистоту: вы с Билли всегда были на ножах, но сейчас, как мне кажется, ты, Эмили, к нему явно несправедлива.

— Это все, что я хотел услышать, Джейк, — сухо прервал его Уэсли. — Спасибо, ты свободен.

Когда дверь за Розеном закрылась, Уэсли повернулся к Эмили.

— Сейчас, мне кажется, понятно, что Истон не нуждался в подсказчиках. Никто не помогал ему придумывать историю, потому что он поведал чистую правду о своих с Олдричем делишках. Из-за сотрудничества с нами Истон искренне опасался возвращаться в тюрьму, ты же продемонстрировала полное отсутствие проницательности. Результат: Истон умер! Я уже молчу о том, что Олдрич снова отпущен под залог, а наш процесс трещит по швам. Почему ты не согласилась наказать Истона, используя условный срок? Тогда всего этого можно было избежать.

Эмили была непоколебима.

— Потому что он вор-рецидивист и снова начал бы вламываться в чужие дома. Только теперь хозяевам, возможно, и не поздоровилось бы. — Она внутренне подобралась и

продолжила: — Есть и еще один нюанс, который вы, очевидно, не учли. Присяжным объявили, что Истон получит четыре года тюрьмы. Если бы впоследствии я согласилась на условный срок, а Мур подал бы заявку о пересмотре дела, он выдвинул бы нам претензию, что и я, и Джимми все это время знали о будущей отмене тюремного срока, а значит, и присяжных следовало поставить об этом в известность, чтобы при обсуждении вердикта они могли принять этот факт к сведению. Мур указал бы суду, что Истон дал бы любые показания в обмен практически на свободу. И естественно, судья не отклонил бы ходатайство Мура.

— Значит, следовало подумать об этом раньше, еще до начала процесса, когда ты вела с Истоном переговоры! — не выдержал Уэсли. — Ты ведь понимала, что на него надежды никакой, он может подвести в любой момент! Нужно было с самого начала соглашаться на пробацию^[21]. Версия Истона подкреплена множеством доказательств, поэтому какая разница, что за приговор ему вынесут? А теперь честь нашей прокуратуры не только окажется под сомнением, но станет легкой мишенью для всяческой клеветы. Пресса от нас камня на камне не оставит!

Входя в кабинет к начальнику, Эмили сомневалась, предъявлять ли ему фотороботы, которые она принесла с собой в папке. Теперь она вынула их и положила на стол.

— Надеюсь, детектив Трайон даст удовлетворительное объяснение случившемуся. Рисунок, который я вчера обнаружила в нью-йоркской подшивке по делу об убийстве Джейми Эванс, подруги Натали Райнс, не соответствует тому, который он привез к нам. На обоих изображениях проставлена одна и та же дата, и на этом сходство заканчивается. На них совершенно разные люди.

Уэсли и Трайон злобно уставились на нее.

— Я предвосхищаю уверения Билли в том, что произошла путаница, — заявила Эмили. — Детектив окружной прокуратуры Манхэттена, который показывал мне дело Эванс, утверждал, что составляли всего один фоторобот. Поэтому нам остается предположить, что Билли намеренно изъясил подлинный вариант из дела Олдрича.

Она помолчала, колеблясь, выкладывать ли все полностью, затем перевела дух и добавила:

— Также хочу отметить, что подлинный вариант обнаруживает явное сходство с Билли Трайоном, и это, возможно, объясняет причину его отчаянного желания устранить рисунок из папки.

Тед Уэсли взял оба фоторобота и принялся их рассматривать.

— Эмили, ты хоть понимаешь, что твои обвинения не только крайне серьезные, но также оскорбительны и в чем-то истеричны? Насколько я помню, Натали Райнс даже ни разу не видела этого человека, а фоторобот составлен по ее описаниям какого-то снимка в бумажнике, который лишь однажды попался ей на глаза.

— Я догадывалась, что именно так вы мне ответите, — не отступала Эмили. — И настаиваю на том, что настоящий фоторобот не только будто срисован с Билли, но что Билли его нарочно подменил с целью скрыть некие важные факты. Я абсолютно в этом убеждена и не оставляю это дело до тех пор, пока во всем не разберусь.

— Я достаточно наслушался! — крикнул Уэсли. — И по горло сыт твоими попытками очернить нашего лучшего детектива! Мне надоело твои происки, направленные на развал дела Олдрича, практически доведенного тобой же до конца! Тебе не приходило в голову, что нью-йоркский детектив мог ошибиться и в действительности имеется не один фоторобот? Ты оставишь все документы здесь, в моем кабинете, и не смей больше к ним прикасаться. Езжай домой, и чтобы я не видел тебя в прокуратуре до тех пор, пока не подберу для тебя подходящих санкций. А если начнут названивать журналисты, я запрещаю тебе с ними общаться. Адресуй все звонки лично мне. — Уэсли встал. — Теперь иди.

Эмили удивилась, что начальник удержался от немедленного увольнения.

— Сейчас уйду, Тед, но сначала примите к сведению вот что: расспросите в своем кругу, не называли ли когда-нибудь Билли Трайона Джессом. Вспомните, может, вы и сами знаете за ним это прозвище. Все-таки он ваш кузен!

Несколько секунд они без слов смотрели друг на друга. Затем, игнорируя Трайона, Эмили покинула кабинет Уэсли и, чуть позже, здание прокуратуры.

Зак решил дожидаться трех часов дня и лишь тогда рвануть в Нью-Йорк. Тамошний автобусный терминал был наводнен копами в штатском, которые высматривали в толпе преступников в розыске, тщательно запечатлев их лица в своей памяти, и Зак рассудил, что безопаснее появиться там в часы пик.

Он пообедал прямо в мотеле, в унылой тесной забегаловке, высокопарно именуемой гриль-баром. Под конец туда забрела компания из шести человек. Из их громкой и оживленной болтовни Зак усвоил, что в пять часов они едут на свадьбу куда-то неподалеку.

«Они все остановились здесь, — понял он. — Хорошо, что я сваливаю».

Зак был уверен, что, пока он расплачивался по счету и шел к выходу, кто-нибудь из компании обратил на него внимание.

На улице он обнаружил, что их машины стоят вплотную к его фургону. Вот еще головная боль... Когда зять Линка направит полицию по следу канувшего в неизвестность автомобиля, кто-нибудь из этой шестерки обязательно вспомнит, что видел точно такой же.

На Заке в тот момент была кожаная куртка, коричневые слаксы и кепка — таким его в случае чего и опишут.

Уходя, он забрал деньги, поддельные документы, мобильник, SIM-карты с предоплатой и седой парик. Все это он тщательно упаковал в рюкзачок. Теперь он был в толстовке с капюшоном, джинсах и кедах.

На автобусный терминал Портового управления Зак прибыл вечером в четверть седьмого. Как он и предполагал, там было не протолкнуться от пассажиров. Зак сразу отыскал туалет, еще раз переоделся в кабинке и зашагал к платформе, откуда отъезжали автобусы до Глен-Рока. По окнам здания терминала барабанил дождь.

«Никто не будет слоняться по улицам в такую погоду, — подумал Зак. — Те, кто не желает сидеть на вокзале, просто поспешат домой. Вот и я поспешу».

В половине восьмого автобус добрался до Глен-Рока. Зак вышел на улицу и натянул капюшон. Седые пряди парика намokли от дождя и прилипли ко лбу. Так даже лучше.

«Эмили... Эмили... Вот он я — какой есть!»

«Мне обязательно надо поспать, — подумала Эмили по дороге домой. — Я совершенно без сил, еле шевелюсь. Я посмела замахнуться на Билли! И ничего не смогла доказать. Даже Джейк считает, что я просто свожу с Трайоном личные счеты.

Джимми Истона кто-то прикончил, и теперь Теду придется отвечать на массу вопросов. Журналисты начнут выпытывать, как он отреагировал на угрозы Джимми во время оглашения приговора. Чтобы смело стоять под прицелом телекамер, шефу потребуется сплоченная команда. Понятно, что мое присутствие там весьма нежелательно.

Профессиональная репутация Джейка тоже пострадает. Он мог прибыть на тот первый допрос Истона гораздо позже, чем заявил во всеуслышание, и теперь боится в этом признаться. Опасения Джейка небеспочвенны: Билли — его непосредственный начальник, а прокурор — работодатель».

Эмили вернулась домой как раз в тот момент, когда слесарь закончил работу.

— С новыми замками и вашим грозным питбулем вам больше нечего бояться, — пошутил он. — Только имейте в виду: никакой замок не спасет, если вы не запретите дверь как следует. И к сигнализации, которую вам устанавливают, это тоже относится. А теперь счастливо и удачи.

— Спасибо. Благодарю за то, что так быстро пришли.

«И так быстро ушли», — добавила она про себя и тут же почувствовала угрызения совести: слесарь от всего сердца желал ей добра.

На часах было четверть шестого. Мужчина распрощался, и в это время из подвала поднялись электрики.

— Мы все сделали, — отчитался старший из них. — Завтра установим камеры. Пойдемте в кухню, я научу вас, как включать и отключать систему. Можно блокировать отдельные зоны, если вы, например, хотите открыть окно.

Эмили со слипающимися глазами поплелась в кухню и выслушала все наставления, тщетно пытаясь вникнуть в различия между нынешней и бывшей сигнализацией.

Наконец электрик оставил ее в покое, пообещав вернуться завтра, и Эмили на минутку выпустила Бесс на задний дворик. Затем она заперла дверь веранды и проверила автоответчик, испытав разочарование, что Элис Миллз так и не объявилась.

Тогда Эмили снова попыталась дозвониться по домашнему номеру Элис, а потом на квартиру к Олдричу. Там она надиктовала еще одно сообщение: «Элис, вы меня очень обяжете, если все же перезвоните. Возможно, вы не желаете разговаривать со мной, и причина мне понятна. Но просто знайте: прокурор отстранил меня от ведения дела, и мне грозит увольнение».

Голос у нее готов был сорваться, но она договорилась: «Я искренне надеюсь, что если мы пойдем причину страха Натали, то отыщем и ее убийцу».

Затем Эмили перешла в гостиную, опустилась в привычное кресло и закуталась в теплый плед. Она чувствовала, что ее вот-вот сморит сон, хотя ей очень хотелось посмотреть «В судебных кулуарах».

Поставив будильник наручных часов на девять вечера, она сомкнула веки и мгновенно уснула.

Будильника она не услышала, а пробудилась от настойчивого звонка мобильного. С трудом вырвавшись из объятий Морфея, она едва слышно пробормотала в трубку:

— Алло?

— Эмили, у вас все нормально? — поинтересовалась Элис Миллз. — Трижды набираю ваш

номер за последние полчаса! Мне даже сделалось не по себе. Вы были чем-то так расстроены, когда оставляли второе сообщение!

В интонациях пожилой женщины сквозила неподдельная забота, и от этого на глазах Эмили мгновенно появились слезы.

— Нет, у меня все в порядке, Элис. Возможно, я ненормальная, наш прокурор уже в этом не сомневается, однако я думаю, что знаю убийцу Джейми Эванс и почти наверняка — убийцу Натали.

В трубке тихо ахнули, Эмили продолжала:

— Мы должны допросить людей, которые по служебной необходимости часто общались с Натали: актеров, гримершу, костюмершу — тех, кто мог что-то невзначай услышать или увидеть. Элис, вам не кажется странным поступок Натали — очертя голову помчаться на Кейп-Код сразу после спектакля?

— Моя дочь тяжело переживала развод и перспективу сотрудничества с новым агентом, — задумчиво произнесла Элис, — но я и не догадывалась, что она кого-то боится. Преступника надо найти во что бы то ни стало, и не только ради Натали. Это больше нужно Грегу и Кейти. Вы смотрели сегодня «Судебные кулуары»?

— Я собиралась, но проспала...

— Мы с Греггом и Кейти были гостями. Грег говорил о том, как ужасно жить с клеймом неблагонадежной личности, хотя не скрывал радости, что наконец-то оказался на свободе. Кейти завтра уезжает в школу, а я теперь переберусь к себе.

— В вашу чудесную квартирку всего в нескольких кварталах от Линкольн-центра? — уточнила Эмили.

— Разве я вам рассказывала? — удивилась Элис.

— Видимо, да!

— Эмили, мне приходит на ум только один человек, кому я могу сейчас позвонить. Это Жанетт Стил, костюмерша, она наверняка еще не спит. Сейчас она работает в новой постановке в «Бэрриморе». Жанетт знакома буквально со всеми. Вечером накануне трагедии она все время была рядом с Натали.

— Очень вам признательна. Спасибо, Элис.

Сон окончательно развеялся. Эмили встала и поплелась на кухню.

«Наедаться уже поздно, — рассудила она. — Выпью лучше вина и съем тост — так я быстрее усну».

Сквозь полуопущенную штору она выглянула в окно, выходящее на соседский дом, затем встала вплотную к стеклу и некоторое время всматривалась в темноту. За окном шуршал ливень.

«Какая скверная погода, — подумала Эмили и плотнее задернула штору. — От дома напротив до сих пор веет жутью».

Прежде чем положить ломтик хлеба в тостер, она на всякий случай наведальась в гостиную и бросила взгляд в окно, еще раз удостоверившись, что дежурная машина находится на подъездной аллее.

С привычного наблюдательного пункта у окна своего бывшего съемного жилища Зак с наслаждением следил, как Эмили задергивает шторы. Вернуться в дом, как он и предполагал, оказалось проще простого. Он был уверен, что никто не заметил, как он прокрался по тропинке к дому под прикрытием плаката о сдаче внаем. Согнувшись в три погибели и зажав в руке ключ от входной двери, он миновал низкую ограду и уже через пару минут оказался внутри.

Он захватил с собой угощение для Бесс. Глядя, как Эмили зашторивает окна, Зак уже не сомневался, что скоро она ляжет спать. И перед этим выпустит Бесс во дворик. Сигнализацию она отключит.

«Бесс увидит меня и залает, — рассуждал Зак. — Но Эмили не успеет испугаться. Бесс иногда тявкает на белок. И вот я войду внутрь. Даже если коп услышит лай и решит проверить, мне все равно хватит нескольких секунд, чтобы прикончить Эмили. Если удастся сбежать, хорошо... Если нет — может, и к лучшему. Я устал скрываться».

Элис Миллз перезвонила в четверть одиннадцатого.

— Эмили, я поговорила с Жанетт Стил. Она хорошо помнит тот последний спектакль моей дочери. Оказывается, Натали была безумно довольна представлением. В конце весь зал поднялся и несколько минут аплодировал ей.

— Жанетт все время была рядом с вашей дочерью?

— Почти. После спектакля Натали переоделась и уже собиралась домой. К этому моменту она чувствовала себя, как обычно, обессиленной и опустошенной. Натали предупредила костюмершу, чтобы посетителей к ней не пускали. Но затем в гримерку постучался ее продюсер. Он сообщил, что один очень известный актер, Тим Мониган, и его друзья сгорают от нетерпения — так хотят повидать Натали. Жанетт призналась, что моя дочь вовсе не обрадовалась гостям, однако попросила впустить их. Сама костюмерша после этого ушла.

«Мониган... — повторила про себя Эмили. — Тим Мониган, добрый приятель Теда. Интересно, насколько близко он знает Билли...»

— Элис, я сама познакомилась с Тимом Мониганом на прошлой неделе. Именно он нам сейчас и нужен! Но у вас, наверное, нет его телефона?

— Нет, но я не удивлюсь, если у Грега есть или если Грег сможет быстренько его выяснить. Не уверена, что он пересекался с самим Мониганом, но должен знать кого-то из его друзей или коллег по телешоу. Не вешайте пока трубку.

Буквально через несколько секунд Элис вернулась и продолжила:

— Эмили, Грег сейчас звонит кому-то, кто даст ему номер Тима Монигана. А пока мы ждем, я должна заметить, что очень за вас беспокоюсь. Пожалуйста, будьте осторожны, я вас умоляю...

— Вы даже не представляете, сколько замков и сирен меня теперь стерегут, я уже молчу о патрульной машине, которая дежурит прямо под окнами.

— Я читала в газете, что ваша соседка стала жертвой серийного убийцы. Ужас, когда представляешь, что он жил на одной улице с вами.

— Ну, теперь-то он далеко...

Стараясь успокоить мать Натали, Эмили тщательно скрывала собственную тревогу.

— Пусть так, — отозвалась Элис, — но мне все равно не по себе. О, постойте, Грег хочет вам что-то сказать.

В горле у Эмили мгновенно пересохло.

— Мисс Уоллес, это Грег Олдрич.

— Мистер Олдрич, клянусь, у меня и в мыслях не было объясняться с вами. Я решилась бы на подобную беседу только в присутствии вашего адвоката либо с его согласия. Я лишь хотела кое о чем спросить Элис.

— Я в курсе, — прервал Грег. — И пусть я рискую нарушить все мыслимые правила, но должен заверить, что не держу на вас зла. Показания Джимми Истона были очень убедительны, служебный долг обязывал вас не давать мне спуска на свидетельской трибуне. Вы честно делали свою работу и, если вам интересно мое мнение, справились с ней превосходно.

— Спасибо, очень благородно с вашей стороны...

— У вас и вправду есть какая-то зацепка насчет возможного убийцы Натали?

— Да, есть.

— Вы не поделитесь со мной этими фактами, или предположениями, или чем там еще...

— Мистер Олдрич, пока я не вправе распоряжаться ими, но обещаю вам: если мои

подозрения подтвердятся, я немедленно сообщу об этом Ричарду Муру.

— Ладно, не сердитесь на меня за чрезмерное любопытство. Вот номер Тима Монигана: двести двенадцать — пятьсот пятьдесят пять — тридцать два — девяносто пять.

Эмили записала цифры и для проверки их повторила.

— Даю слово, что скоро вы все узнаете.

— Хорошо. Спокойной ночи, мисс Уоллес.

Эмили еще долго сжимала в руке трубку, прежде чем положить ее. Как странно было во время разговора испытывать близость к этим двум людям!.. Ощущать их дружелюбие... Впрочем, Элис ей понравилась сразу.

«А Грег Олдрич? Сколько раз мне приходилось осаживать себя из-за страха взглянуть правде в лицо? Наверное, Элис верно подметила: я с самого начала сердцем чуяла, что он невиновен... Даже мое неродное сердце понимало это».

Она посмотрела на цифры номера Монигана.

«Скорее всего, он уже в постели и наверняка рассердится, что его разбудили. Но ждать нельзя».

Глубоко вздохнув, Эмили нажала нужные кнопки.

Тим Мониган откликнулся сразу. Помимо него в трубке звучал чей-то приглушенный голос, вероятно из телевизора. Что ж, по крайней мере, он не спит.. Эмили представилась и сразу приступила к главному.

— Тим, каюсь, что беспокою так поздно, но дело крайне важное. Мне недавно рассказали, что вы были в гримерке Натали Райнс после финального показа «Трамвая». Почему же вы не упомянули об этом на нашем ужине? Мы ведь обсуждали дело Олдрича...

— Эмили, признаюсь честно, Тед категорически запретил нам поднимать за столом тему процесса и тем более вспоминать, что мы вообще смотрели последний спектакль Натали и заглядывали к ней в гримерку с поздравлениями. Он пояснил, что вы измучены усталостью и напряжением и он хочет дать вам отдых, поскольку на вас в последнее время много всего навалилось. Вы и сами наверняка помните, что если мы и касались вашей работы, то лишь вскользь.

Эмили едва верила своим ушам.

— Я правильно поняла: Тед Уэсли был на том финальном показе и заходил в гримерку к Натали?

— Да. Он с Нэнси, я с Барбарой и еще пара приятелей. — Тим помолчал и с подозрением уточнил: — Эмили, что-то не так?

«Все не так», — подумала она и спросила:

— Тим, вы знаете двоюродного брата Теда, Билли Трайона?

— Еще бы не знать! Все знают Билли!

— В тот вечер он тоже был с вами в гримерке Натали?

— Нет. Нэнси его на дух не переносит, а вы и сами в курсе, какой авторитарной она иногда бывает.

— Тим, еще такой вопрос: Билли Трайона когда-нибудь называли Джессом?

В голосе Тима почувствовалась улыбка.

— Не Билли. Это прозвище Теда. Он Эдвард Скотт Джессап Уэсли. В работе он для удобства опускает «Джессап», но лет двадцать назад мы с ним играли в одном сериале, у него была второстепенная роль. Тогда он и взял себе псевдоним Джесс Уилсон.

— Это было примерно в тот период, когда их отношения с Нэнси разладились, верно? — предположила Эмили.

— Да, они даже на несколько месяцев расстались. Он тогда ходил сам не свой.

«Еще бы, — мысленно усмехнулась Эмили. — Завел шашни с Джейми, пообещал ей добиться от жены развода, а потом пошел на попятную. Вероятно, Джейми пригрозила, что все выложит Нэнси».

Эмили тихо положила телефонную трубку и надолго погрузилась в свои мысли, пытаясь вместить в себя ужасающую правду. Человек, готовый вот-вот занять пост генерального прокурора Соединенных Штатов, стать главным судебным исполнителем во всем государстве, оказался повинен в двух зверских убийствах, разделенных двумя десятками лет.

«Нет, он, конечно, не сам убил, — размышляла Эмили, — Билли выполнил за него всю грязную работу; Судя по всему, Натали узнала Теда в тот вечер, и он понял, что разоблачен. От Натали не укрылась его реакция, вот почему она так испугалась... К тому же мужчина на рисунке сильно напоминает Теда. На подлинном рисунке, а не на подложном. Тед и Билли схожи как братья, их матери — родные сестры. Просто я и представить не могла, что Тед в этом замешан!»

Тут Эмили услышала, как где-то невдалеке сработала сигнализация. Затем кто-то громко постучал в дверь.

«Наверное, это дежурный полицейский, — сообразила она. — Хочет предупредить меня, что отлучится ненадолго, проверит, в чем там дело».

Она пошла открывать. Вместо полицейского на пороге стоял Билли Трайон. Он оттолкнул ее так, что она не устояла на ногах и упала, и захлопнул за собой дверь.

— Эмили, — сказал он, глядя, как она от страха съежилась на полу. — Зря ты считаешь себя такой умной.

Зак изнемогал от ожидания у двери веранды, не сомневаясь, что с минуты на минуту Эмили выпустит болонку погулять. Вдруг где-то завывала сигнализация, и потянуло дымом. Дом на углу постепенно охватывало пламя. «Скоро повсюду замельтешат копы и пожарные», — подумал Зак.

Он слышал, как надрывается от лая Бесс. Охранник покинул свой пост и помчался к горящему коттеджу. Необходимо было срочно пробраться к Эмили.

Тогда Зак устремился к подвальному окошку, ведущему в знакомую ему мастерскую, и вышиб стекло ногой, затем, стараясь как можно меньше соприкоснуться с острыми краями, протиснулся в узкое отверстие и свалился на пол. По его лицу и рукам стекала кровь, но Заку было не до этого. Пожар по соседству стал для него особой приметой, знаком конца пути. Спотыкаясь в темноте, он нащупал на стене молоток, который давно приметил, взял его и стал подниматься по лестнице.

Он мечтал медленно удушить ее, чувствуя, как она извивается в его руках, и слушая ее мольбы о пощаде... Но теперь у него не было на это времени. Охранник оставил место своего дежурства совсем ненадолго.

Кровь стекала на пол, но Зак неумолимо шел, ступенька за ступенькой. Он открыл дверь из подвала в кухню. В гостиной захлебывалась лаем Бесс. Зак уже ожидал, что сейчас собачонка бросится в кухню к нему навстречу. И вдруг услышал мужской голос...

Неужели? Оскорбленный тем, что Эмили вместо него принимает другого мужчину, Зак весь затрясся. Сделав несколько шагов, беззвучных благодаря кедам, он замер: незнакомец упирал в висок Эмили дуло пистолета, а сам грубо подталкивал ее к креслу.

— Тебе это с рук не сойдет, Билли, ты сам знаешь! — крикнула Эмили. — Все теперь кончено и для тебя, и для Теда!

— Ошибаешься, Эмили. Жаль, конечно, что пришлось устроить пожар — надо было отвлечь охранника. Но все решат, что это сосед-псих вернулся...

— Псих и вправду вернулся! — торжествующе улыбнулся Лэннинг.

Он замахнулся и разможил молотком лоб Билли. Тот все же успел выстрелить, и в этот самый момент распахнулась под натиском входная дверь. Эмили резко осела на пол, из ее ноги хлестала кровь. Двое полицейских быстро окружили Зака, после отчаянного сопротивления вышибли у него из рук молоток, затем прижали преступника к полу и сковали наручниками его запястья.

Эмили, уже теряя сознание, слышала сквозь стоны поверженного маньяка чей-то потрясенный возглас:

— Боже мой, да ведь это Билли Трайон! Мертвый!

Тут тьма над ней сомкнулась.

На следующий день Грег Олдрич и Элис Миллз навестили Эмили в больнице Хакенсака. Они заранее предупредили о своем визите, и Эмили ждала посетителей, сидя в кресле. Элис бросилась к ней через всю палату и крепко обняла.

— Они могли убить вас! Слава богу, вы вне опасности!..

— Ну же, Элис, перестань. Ты ведь пришла в больницу подбодрить пациентку, — с улыбкой урезонил ее Грег.

В руках он держал букет роз с длинными стеблями.

— Эмили, благодарю вас за то, что вернули меня к жизни. Ричард Мур обрадовал нас, что прокурор уже арестован, ему будет предъявлено обвинение сразу в двух убийствах: и Натали, и Джейми Эванс.

— И правильно, — отозвалась Эмили. — Вчера я всего на несколько минут потеряла сознание, а потом все рассказала полицейским. Они поймали Теда Уэсли на крючок: якобы Билли Трайона схватили в моем доме и тот сознался, что убил Натали и Джейми ради кузена. Тед от такого заявления остолбенел и даже не стал отпираться. Он понял, что ему конец, и все подтвердил. Поэтому, надеюсь, меня все же не уволили с работы. И Вашингтон ему теперь не светит.

Грег Олдрич покачал головой.

— Чего только в мире не бывает! Главное, что все позади. — Он взял Эмили за руку и поцеловал в щеку. — Должен вам признаться, вы чем-то напоминаете мне Натали. Сам не знаю, чем именно, не могу толком разобраться. Но вы очень похожи на нее.

— Наверное, она была замечательной женщиной, — ответила Эмили. — И мне приятно, что между нами есть что-то общее.

— Правда, они похожи, Элис? — ласково спросил Грег.

— В какой-то степени конечно, — тихо произнесла мать Натали, делая вид, что всматривается в черты Эмили. — Нам пора, а вы пока отдыхайте. Я позвоню завтра — выясню, как вы себя чувствуете.

«Боже праведный, — мысленно добавила Элис. — Конечно, они похожи! Ведь в ней бьется сердце моей Натали!»

Она вспомнила, как, превозмогая горе, разрешила своему лечащему врачу отдать сердце Натали молодой вдове, потерявшей мужа на войне. Доктор тогда поделился с Элис чужой бедой: жизнь его пациентки под угрозой и та нуждается в срочной трансплантации.

«Мне можно было не читать в газетах, что пересадка сердца Эмили прошла в той же нью-йоркской больнице, куда привезли Натали, и что эти два события совпали по времени. Никто не говорил мне, что Эмили оперировал тот же хирург. В ту самую минуту, как я села напротив Эмили, я увидела перед собой живую Натали».

На прощание Элис оглянулась, пряча слезы, и подумала: «Эмили не надо знать, и Грегу не надо — пусть просто живут дальше. К сожалению, я не смогу часто ее видеть, и с этим придется смириться».

— Надеюсь, вам теперь дадут отпуск, вы поправитесь, и у вас все будет хорошо, — бодро сказала Элис.

В ответ Эмили улыбнулась.

— Вы совсем как мой отец. Сейчас он как раз летит в самолете, спешит меня навестить. — Она помолчала и зачем-то призналась матери Натали: — Завтра меня выпишут, а в субботу у меня свидание с одним хирургом-ортопедом. Пойду обязательно!

«Обязательно, — повторила про себя Эмили, когда осталась одна. — Теперь уже можно...»

---

notes

Линкольновский центр сценических искусств (Линкольн-центр) — театрально-концертный комплекс, построенный в Нью-Йорке в 1965 г.

Большое жюри — расширенная коллегия присяжных (от 12 до 23 человек), решающая вопрос о предании обвиняемого суду и предъявлении ему официального обвинения. После предъявления обвинения большое жюри распускается, и в самом судебном процессе участвует малое жюри.

Силиконовая (Кремниевая) долина — район в штате Калифорния. Технопарк, мировой центр компьютерной и электронной индустрии.

Автобусный вокзал в Нью-Йорке на Восьмой авеню между 40-й и 42-й улицами, самый крупный в мире. Оттуда рейсовые автобусы отправляются во все города США.

Рокфеллеровский центр — офисный центр, который был построен в манхэттенском Мидтауне на деньги финансовых магнатов Рокфеллеров в 1930-е гг.

Сентрал-Парк-Уэст — улица старинных особняков и многоэтажных зданий начала XX в.; ограждает Центральный парк с запада.

В ноябре 2003 г. 31-летний Скотт Петерсон, торговец удобрениями, был признан виновным в убийстве своей беременной жены.

Чоат-Розмари-холл — элитная частная школа в Уоллингфорде, штат Коннектикут.

Джерси-Сити — город на северо-востоке штата Нью-Джерси, на правом берегу Гудзона. Западный пригород Нью-Йорка, с которым связан туннелями и паромом.

Университет Святого Иоанна — частный католический университет в Нью-Йорке.

«Сардиз» — известный ресторан на Манхэттене, в театральном районе. Его стены украшают сотни карикатур знаменитостей.

Премия «Тони» — высшая американская награда за достижения в области театрального искусства.

Джефферсон Томас (1743—1826) — 3-й президент США, государственный и политический деятель, один из «отцов-основателей» страны.

Лейк-Джордж — курортный городок на севере штата Нью-Йорк.

Хелен Хэйес (1900—1993) — известная голливудская актриса кино и театра. Имела несколько наград «Эмми» и других престижных кинематографических фестивалей.

Подглядывающий Том — портной из легенды о леди Годиве, которая проехала обнаженной по улицам города Ковентри ради того, чтобы граф, ее муж, снизил непомерные налоги для своих подданных. Лишь один житель города, Подглядывающий Том, решился выглянуть из окна и в тот же миг ослеп.

Йонкерс — город на юго-востоке штата Нью-Йорк, на восточном берегу реки Гудзон.

Сентрал-Парк-Саут — часть 59-й улицы в районе Манхэттен, что граничит с южной оконечностью Центрального парка.

Вест-Пойнт — разговорное название Военной академии США.

Денвер Джон (1943—1997) — американский бард, самый коммерчески успешный сольный исполнитель в истории фолк-музыки. Название песни «Leavin' on a Jet Plane» переводится как «Улетаю на реактивном самолете».

Пробация — в уголовном праве США вид условного осуждения, при котором осужденный помещается под надзор специальных органов на время испытательного срока, установленного судом.